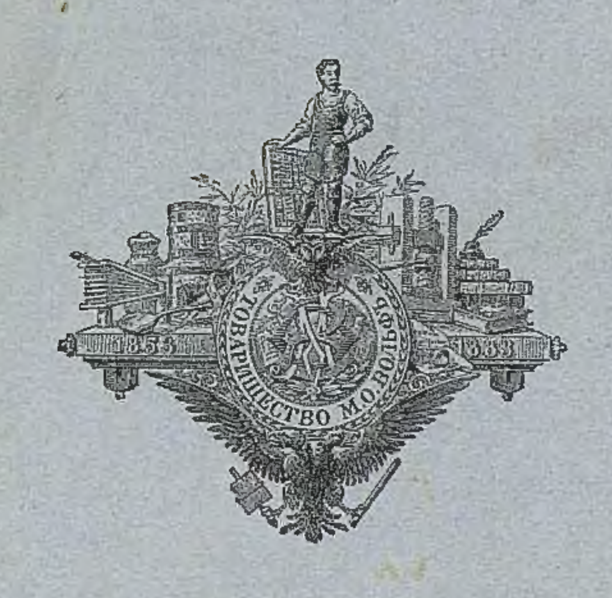
ОЧЕРКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЗА 1885 Г.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ЦѢНА 2 Р.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18

МОСКВА
Петровка, домъ Михалкова, № 5

1886

ОЧЕРКИ

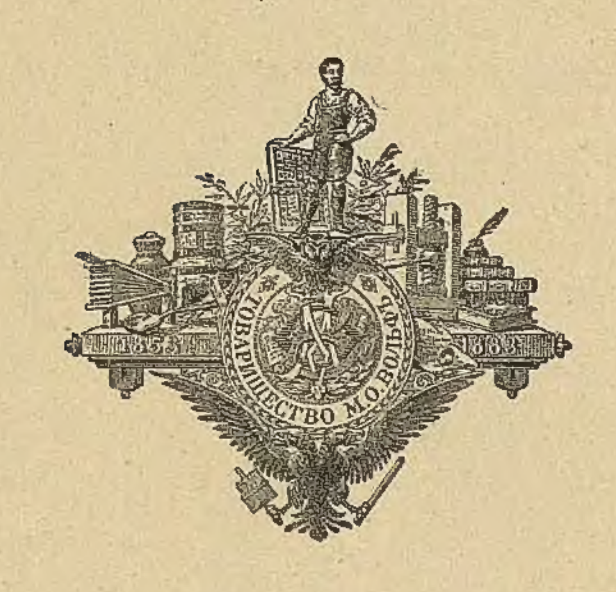
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ОЧЕРКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЗА 1885 Г.

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18 | Петровка, домъ Михалкова, № 5

1886

Дозволено цензурою. Спб., марта 29 1886 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ (Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5)

СОДЕРЖАНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Мы сочли нелишнимъ соединить въ одно цѣлое эти статьи, въ которыхъ изложены важнѣйшія событія политической жизни Европы и Россіи за 1885-й годъ. Хотя эти статьи писались очень бѣгло, какъ очерки текущихъ фактовъ, наиболѣе обращавшихъ на себя вниманіе публики въ данную минуту, но между ними есть внутренняя связь общихъ идей и вопросовъ, которыми мы всегда старались осмысливать всѣ отдѣльные факты. Важнѣйшіе изъ этихъ общихъ вопросовъ международной и внутренней жизни европейскихъ государствъ, занимавшіе собой образованное общество въ 1885 г., не скоро еще получатъ свое окончательное разрѣшеніе, и потому справка съ движеніемъ ихъ въ этомъ году будетъ не безполезна въ ближайшемъ будущемъ.

В. Б.

Мартъ 1886 г.

ВСТУПЛЕНІЕ

15 апрѣля.

НАМЪ приходится начинать настоящую работу посреди чрезвычайныхъ политическихъ обстоятельствъ. Такъ называемый афганскій вопросъ—или, лучше, столкновеніе Россіи съ Англіей въ Средней Азіи, у границъ Афганистана,—сосредоточиваетъ на себѣ въ эту минуту вниманіе всего образованнаго міра и отодвинуло далеко на задній планъ, не только у насъ, но и вездѣ, всякія другія политическія дѣла и заботы. Это дипломатическое столкновеніе долго, около года, тлѣвшее, подъ пепломъ и почти незамѣтное для публики, вдругъ, въ нѣсколько дней, разгорѣлось до самаго остраго кризиса. Внезапность этого событія была даже до того поразительна для нашей публики, что не только большинство ея, чуждое всякой политикѣ, но и сами органы нашей политической печати, какъ-будто не вѣрятъ, чтобы тутъ было что-нибудь «серьезное», чтобы можно было съ каждымъ днемъ ожидать ту или другую рѣшительную развязку, миръ или войну между Россіей и Англіей! Совсѣмъ напротивъ; иные наши политическіе мыслители,—впрочемъ весьма немногочисленные и исключительные, хотя и пользующіеся авторитетомъ въ своихъ кружкахъ, воодушевленныхъ патріотическимъ, но весьма эксцентрическимъ политическимъ міровоззрѣніемъ, — полагаютъ, что нынѣ насталъ роковой часъ великой судьбы, готовившейся въ теченіе вѣковъ... По самому характеру нашихъ обозрѣній, появляющихся только два раза въ мѣсяцъ, мы не можемъ входить въ подробности событій, быстро видоизмѣняющихся съ каждымъ днемъ и скоро потомъ теряющихъ всякій интересъ, а тѣмъ менѣе можемъ мы дѣлать гадательныя соображенія относительно ихъ дальнѣйшаго развитія, основанныя на смутныхъ газетныхъ слухахъ. Такъ, напр., въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, мирныя ожиданія послѣднихъ дней смѣнились совершенно воинственными, которыя однако завтра же могутъ перейти въ противоположное направленіе, и т. д. Сообщать въ нашихъ обозрѣніяхъ всѣ эти ежедневно измѣняющіяся обстоятельства политическихъ дѣлъ нѣтъ возможности и надобности.

Нашею задачею можетъ быть только сообщеніе самыхъ крупныхъ фактовъ современной политической и общественной жизни, опредѣляющихъ собою ея общій ходъ и установленіе общаго на нее взгляда.

Относительно афганскаго вопроса и нашей распри съ Англіей, мы обязаны однако сдѣлать нѣкоторое исключеніе, вслѣдствіе исключительной важности этого предмета для нашего отечества. Ближайшія обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ нынѣшнему дипломатическому столкновенію и сущность которыхъ нельзя не изложить здѣсь, весьма просты.

Для предупрежденія враждебныхъ недоразумѣній между Россіей и Англіей въ Средней Азіи, послѣдовало въ 1873 г. между правительствами обоихъ государствъ (кн. Горчаковымъ и лордомъ Гренвилемъ) соглашеніе относительно разграниченія пространствъ, лежащихъ между владѣніями обоихъ и хотя нейтральныхъ,

но подлежащихъ дѣйствію (à l'action) каждаго изъ государствъ. Такимъ пространствомъ для Англіи былъ признанъ Афганистанъ, черезъ который идутъ пути въ Индію, а для Россіи—туркменскія степи, на сѣверо-западъ отъ Афганистана. Границы послѣдняго были приняты какъ предѣлъ между сферами вліянія Великобританіи и Россіи въ Азіи. Это соглашеніе, состоявшееся посредствомъ дипломатической переписки и отчасти даже просто посредствомъ разговоровъ, не было облечено ни въ какую опредѣленную и точную форму дипломатическаго акта, и даже самыя его условія были весьма неточны. Прежде всего нужно замѣтить, что даже географія всѣхъ этихъ земель была, въ то время, мало извѣстна государственнымъ людямъ Европы. Затѣмъ, вышеупомянутый рубежъ, который согласились установить между собою обѣ державы и который составлялъ весь вопросъ въ этомъ соглашеніи, былъ крайне шатокъ, какъ шатки границы полудикихъ государствъ, подобныхъ Афганистану, которыя нѣсколько разъ измѣняли, даже въ новѣйшее время, составъ своихъ владѣній и до сихъ поръ даже сами не знаютъ ни предѣловъ своей территоріи, ни даже предѣловъ своей власти надъ живущими на ней народами. Наконецъ, оставалось очень неяснымъ, что̀ такое эти пространства, раздѣляющія, такъ сказать, политическія орбиты обоихъ государствъ,—пространства, хотя нейтральныя, но неспособныя охранить свою нейтральность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляющія сферы вліянія, дѣйствія, власти или чего другаго со стороны каждой изъ двухъ европейскихъ державъ?

Уже въ то время въ русской печати было высказано мнѣніе, что это дипломатическое соглашеніе, извѣстное впрочемъ только по смутнымъ слухамъ и положительнымъ образомъ никогда не опубликованное, хотя и цитируемое въ разныхъ сочиненіяхъ и даже дипломатическихъ бумагахъ, послужитъ, вопреки своимъ миролюбивымъ цѣлямъ, только къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Такъ и случилось.

Великобританія, несмотря на выговоренную нейтральность Афганистана и даже на неудачныя попытки покоренія его своей власти, стала смотрѣть на него какъ на подвластную себѣ территорію и распоряжаться въ ней, какъ у себя дома. Россія для охраны мира на своихъ границахъ и освобожденія пограничныхъ земель отъ хищническихъ набѣговъ и разбоевъ туркменскихъ племенъ, ради успѣховъ цивилизаціи не только своей, но и всемірной, вынуждена была водворять между этими дикими племенами какой-нибудь государственный порядокъ, а для этого подчинять ихъ своей власти. Они сами, видя преимущества этого порядка, просятся подъ власть Россіи. Всѣ европейскіе путешественники въ этихъ краяхъ свидѣтельствуютъ о благахъ гражданской жизни, нами внесенныхъ въ эти пустыни.

Послѣ нашего завладѣнія Мервомъ, лежащимъ на главномъ пути въ Афганистанъ и чрезъ Гератъ, «ключъ къ Индіи», въ Индію, возникъ между Англіей и Россіей вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи соглашенія 1873 г. и именно границъ Афганистана. Спорную территорію, на которой колеблятся эти никому невѣдомыя и всего менѣе вѣдомыя самимъ афганцамъ границы, составляетъ пространство (на югъ отъ Мерва) между теченіями двухъ степныхъ рѣкъ — Герируда на западѣ (который въ нижнемъ своемъ теченіи образуетъ границу Персіи и на которомъ стоитъ Гератъ) и Мургаба на востокѣ. По этому пространству, называемому Бадхызомъ, идутъ пути въ Гератъ и черезъ него въ Индію: главный и наиболѣе удобный изъ нихъ — около теченія Герируда, и самый прямой, но гористый — по теченію Кушки, притока Мургаба. Все это пространство лежитъ на сѣверъ отъ западныхъ отроговъ пограничнаго афганскаго хребта горъ, знаменитаго Парапамиза. По собственному признанію нашихъ враговъ*), Батхызъ, въ прежнія времена, то при-

*) См. любопытную недавнюю статью извѣстнаго знатока этой части Азіи и фанатическаго врага Россіи, Раулинсона (въ журналѣ «The Nineteenth Century» 1885 April). Въ этой статьѣ весьма интересно изложены всѣ географическія условія этого края и всѣ обстоятельства нынѣшняго нашего столкновенія съ Англіей, хотя и съ

надлежалъ, то не принадлежалъ къ Афганистану, т. е. собственно къ Герату, составлявшему прежде отдѣльное владѣніе; нынѣ, до послѣднихъ набѣговъ афганцевъ, этотъ край, населенный кочевыми и полукочевыми туркменскими племенами (сарыками и солорами), не чувствовалъ надъ собою власти Афганистана, и во всякомъ случаѣ, она не была здѣсь правильно установлена. Вопросъ объ этой власти на этомъ пространствѣ возбуждается только смутными историческими воспоминаніями и учеными догадками.

Какъ бы то ни было, въ прошедшемъ году великобританское и русское правительства условились отправить на мѣсто коммисію изъ представителей того и другаго для опредѣленія границъ Афганистана на этой территоріи. Великобританскій коммисаръ Лемсденъ, въ сопровожденіи военнаго эскорта, который своею многочисленностью (какъ слышно, до 1000 человѣкъ) походилъ скорѣе на войско, чѣмъ на конвой, прибылъ на спорную территорію и проникъ по ней далеко на сѣверъ, въ теченіе прошедшаго лѣта. Вотъ этотъ-то фактъ, составившій собою первый шагъ агресивнаго дѣйствія со стороны Англіи, ничѣмъ не вызванный, и послужилъ первымъ началомъ всего нынѣшняго столкновенія. Вмѣстѣ съ Лемсденомъ, набѣжали въ этотъ край и заняли въ немъ посты афганскія полчища, подъ командою англійскихъ офицеровъ. Всѣ эти дѣйствія имѣли характеръ настоящей оккупаціи спорной территоріи, а никакъ не пріѣзда дипломатическихъ делегатовъ для мирнаго разграниченія земель.

Наше правительство тогда же протестовало при сенджемскомъ дворѣ противъ всего этого образа дѣйствій и предсказывало возможность злополучныхъ изъ-за него замѣшательствъ; но всѣ наши дипломатическія заявленія, можетъ быть, слишкомъ миролюбивыя и скромныя, не имѣли никакихъ послѣдствій. [illegible]енныя демонстраціи, ничѣмъ не вызванныя и противныя характеру дѣла, насчетъ котораго условились оба правительства, вблизи отъ нашихъ границъ, посреди дикихъ племенъ, чуткихъ къ малѣйшему звуку оружія, не могли быть терпимы. Намъ не оставалось ничего болѣе, какъ двинуть также вооруженныя силы на спорную территорію, которая, въ видѣ введенія къ мирнымъ переговорамъ объ ея размежеваніи, подверглась военной оккупаціи съ противной переговаривающейся стороны.

Передовые посты русскіе и англо-афганскіе, въ долинѣ Кушки и Мургаба, весьма приблизились одни къ другимъ, и дальнѣйшія послѣдствія этого приближенія, которыя не трудно было предвидѣть, достаточно всѣмъ извѣстны изъ депешъ командующаго войсками въ Закаспійской области, генерала Комарова. Въ виду опасности этого положенія, было недавно условлено между обоими правительствами, что войска русскія и афганскія останутся на своихъ мѣстахъ; но для афганцевъ международное право конечно не писано—и они двинулись съ своихъ позицій.

Справедливое и строгое наказаніе, которому подверглись, съ нашей стороны, при Ташъ-Кепри, на берегахъ Кушки, 12 марта, афганскія полчища, подстрекаемыя въ своемъ задорномъ поведеніи великобританскими совѣтами, должно было послужить, по общему мнѣнію, къ отрезвленію мирныхъ переговоровъ, еще продолжающихся между обѣими державами. Энергическое дѣйствіе генерала Комарова, какъ казалось, очистило политическую атмосферу, въ которой ведутся эти переговоры, и должно было вразумить афганцевъ, что имъ приходится считаться въ условіяхъ своего бытія не съ одною только Индійскою имперіей, а также и съ Русскою. Урокъ, данный афганцамъ при Ташъ-Кепри, былъ тѣмъ впечатлительнѣе какъ для нихъ, такъ и для всего свѣта, что онъ послѣдовалъ въ моментъ торжественнаго свиданія афганскаго эмира съ вице-королемъ Индіи, употребившаго приэтомъ всѣ усилія, чтобы поразить воображеніе дикаго властителя величіемъ великобританскаго могущества.

Будемъ надѣяться на лучшее. Война ни-

весьма пристрастной руссофобской точки зрѣнія.

сколько не нужна ни для Великобританіи, ни для Россіи. Первая имѣетъ и безъ того достаточно замѣшательствъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ, чтобы втягиваться въ борьбу, которой она всячески можетъ избѣгнуть, при положительно ясномъ для всего свѣта миролюбіи нашего правительства, охранявшаго на берегахъ Кушки только свое достоинство. Россіи также нѣтъ никакой надобности въ тратѣ своихъ силъ на новыя, хотя-бы и не трудныя, пріобрѣтенія въ Азіи, когда всякая русская сила, и государственная и общественная, и нравственная и матеріальная, можетъ быть неизмѣримо производительнѣе употреблена на устроеніе нашихъ внутреннихъ дѣлъ, на успѣхи нашего народнаго благосостоянія и нашей культуры.

Предполагающійся, по понятіямъ иныхъ политиковъ, неизбѣжный роковой часъ борьбы двухъ великихъ державъ за господство въ Азіи можетъ не только быть отложенъ, но можетъ и никогда не настать.

Дѣло, надъ которымъ трудятся обѣ націи въ Азіи, — дѣло распространенія европейской цивилизаціи и государственнаго умиротворенія варварскихъ племенъ, — едино въ своемъ существѣ и можетъ дружественно соединить обѣ націи, въ мирномъ соревнованіи, и даже,—когда границы ихъ владѣній совсѣмъ подойдутъ однѣ къ другимъ, — можетъ быть легче, чѣмъ теперь. Величайшею смутою во всѣхъ нынѣшнихъ вопросахъ между Англіей и Россіей въ Средней Азіи служитъ неопредѣленность ихъ отношеній къ этимъ промежуточнымъ нейтральнымъ пространствамъ, раздѣляющимъ ихъ владѣнія, — и въ особенности отношенія Англіи къ Афганистану. Международная безотвѣтственность великобританскихъ агентовъ, высылающихъ противъ насъ афганскія полчища, составляетъ главный корень всѣхъ дипломатическихъ недоразумѣній въ настоящемъ нашемъ столкновеніи съ Англіей.

Общее дѣло культуры, очищенное съ успѣхами политическаго сознанія отъ политическихъ предразсудковъ и воинственныхъ страстей съ обѣихъ сторонъ, можетъ быть ведено обѣими націями безъ всякой вооруженной борьбы. Въ торговлѣ и распространеніи азіатскихъ рынковъ для товаровъ обѣихъ націй возможна полная солидарность ихъ интересовъ. Обѣ онѣ, пропорціонально своей внутренней производительности, могутъ одинаково выиграть отъ увеличенія сбыта своихъ товаровъ, даже на однихъ и тѣхъ-же рынкахъ, даже на территоріяхъ подвластныхъ обѣимъ державамъ. Такъ, напр., капиталы, потраченные обоими государствами на соединеніе въ Афганистанѣ желѣзныхъ дорогъ индійскихъ и русскихъ, были бы неизмѣримо прибыльнѣе, и для Россіи и для Англіи, чѣмъ капиталы, истраченные ими на войну.

Смѣемъ думать, что въ порядкѣ этихъ мыслей нѣтъ ничего утопическаго,—если только однажды государственные вожди и общественное мнѣніе обѣихъ націй откажутся отъ всякихъ стремленій къ исключительному господству въ Азіи, съ сокрушеніемъ всякаго могущества противника, и согласятся во взаимномъ уваженіи къ праву на государственное могущество каждаго на азіатскомъ материкѣ. Тогда указанный выше мирный путь дѣятельности обѣихъ націй сдѣлается совершенно возможенъ.

Что бы ни ожидало насъ въ ближайшемъ будущемъ, нѣкоторые шаги на этомъ мирномъ пути мы уже видѣли въ настоящее время съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на задоръ нѣкоторыхъ органовъ англійской печати, многіе изъ нихъ громко высказались прямо за Россію и за необходимость мирнаго соглашенія. Также и у насъ, несмотря на наступательный, просто враждебный къ намъ образъ дѣйствій англичанъ въ Афганистанѣ, наше общественное мнѣніе очень мирно настроено; едва-ли даже оно не заявило бы себя еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи, еслибы у насъ не господствовала увѣренность въ сохраненіи мира, можетъ быть и преувеличенная. Если и не обошлось въ сужденіяхъ иныхъ представителей нашей печати безъ нѣкоторыхъ политичеккихъ мечтаній и ребяческихъ шовинистскихъ выходокъ, то всѣ подобные голоса были очень слабо слышны и не возбуждали сочувствія въ массѣ публики.

При исключительномъ развитіи, которое мы обязаны были дать афганскому вопросу, мы вынуждены сократить до-нельзя обозрѣніе всѣхъ прочихъ явленій современной жизни. Впрочемъ, всѣ они поблѣднѣли передъ столкновеніемъ Россіи съ Англіей, не только для нашего отачества, но и для всего свѣта.

Англо-русскій дипломатическій инцидентъ въ Средней Азіи соотвѣтствуетъ господствующему теченію всѣхъ европейскихъ политическихъ дѣлъ за послѣднее время, хотя и весьма отъ нихъ отличенъ. Самую характеристическую черту всей исторіи европейскихъ народовъ за это время составляетъ, безъ сомнѣнія, ихъ движеніе къ распространенію своихъ владѣній въ другихъ частяхъ свѣта. На нихъ сосредоточены нынѣ всѣ политическіе интересы Европы и всѣ вопросы политическаго антагонизма между ея государствами. Какъ будто, отказавшись отъ всякаго оспариванія своихъ государственныхъ территорій въ Европѣ и считая ихъ окончательно установившимися, послѣ многовѣковой вооруженной борьбы, всѣ европейскія державы перенесли свои заботы о расширеніи своихъ владѣній въ другія части свѣта, спѣша наперерывъ захватить тамъ какъ можно болѣе никѣмъ еще незанятыхъ пространствъ. Можно думать, что вся современная исторія европейскаго образованнаго міра заключается въ раздѣлкѣ всѣхъ, не только свободныхъ земель на всемъ земномъ шарѣ, а также и подвластныхъ другимъ не-европейскимъ народамъ. Въ этомъ успѣхъ,—въ сравненіи съ прежними войнами, за европейскія территоріи и ихъ захватомъ вооруженною рукою, въ особенности, если соперничество въ завладѣніи другими частями свѣта не приведетъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ между европейскими націями. Отъ этого онѣ до сихъ поръ съ необыкновенною осторожностью воздерживаются, какъ это показываютъ не вызвавшія никакихъ международныхъ бурь въ Европѣ войны Англіи въ Египтѣ, и Франціи въ Тонкинѣ и дипломатическое столкновеніе Германіи съ Англіей изъ-за африканскихъ колоній. Это послѣднее всего болѣе подтвердило, что, при взаимномъ признаніи государственнаго могущества между европейскими государствами, всегда возможно мирное между ними соглашеніе по спорнымъ вопросамъ. Въ этомъ случаѣ, Великобританія, издавна пріобыкшая считать себя единственною распорядительницею на всѣхъ океанахъ и признавать за собою какое-то преимущественное право на захватъ незанятыхъ земель во всѣхъ странахъ свѣта, встрѣтила энергическій отпоръ со стороны Германіи. Быстро создавъ свой флотъ, который можетъ помѣриться силами съ первыми морскими государствами, берлинское правительство напомнило великобританскому, что послѣ 1870 г. оно уже представляетъ собою не одну Пруссію—послѣднюю великую державу Европы въ старое время, а одну изъ первостепенныхъ всемірныхъ государственныхъ силъ.

Усиленное движеніе всѣхъ европейскихъ націй къ проникновенію во всѣ другія части свѣта, въ общемъ своемъ видѣ, есть какъ нельзя болѣе естественный и здоровый ходъ всемірной исторіи, какія-бы ни были увлеченія, уклоненія и злоупотребленія въ этомъ движеніи. Тѣснота въ Европѣ заставляетъ всѣ ея народы искать для себя болѣе простора въ другихъ частяхъ свѣта; отъ этого только выиграютъ благосостояніе каждой европейской націи и успѣхи всемірной цивилизаціи. Можетъ также выиграть и миръ въ Европѣ, когда разрѣжается ея общественная атмосфера отъ отлива излишнихъ силъ въ дальнія страны. По наружности какъ-будто сходно со всѣмъ этимъ колонизаціоннымъ движеніемъ и распространеніе владѣній Россіи въ Средней Азіи, а между тѣмъ оно совершенно съ нимъ различно. Общее между ними—только распространеніе въ другихъ частяхъ свѣта всемірной европейской культуры. Но Россія нисколько не страдаетъ отъ недостатка земель, отъ излишка населенія и силъ, капиталовъ и труда; не для своего обогащенія и не для увеличенія благосостоянія своихъ подданныхъ вынуждена она идти по этому пути. Она напротивъ выноситъ этотъ рокъ своей исторіи, какъ ея неизбѣжное злополучіе. Уже съ тѣхъ поръ, какъ она помнитъ себя госу-

дарственнымъ тѣломъ, она, въ теченіе тысячи лѣтъ, вынуждена охранять свои рубежи съ востока отъ азіатскихъ варваровъ, мало-по-малу оттѣснять ихъ набѣги, и наконецъ, въ новѣйшее время, водворять между ними гражданскій порядокъ въ Азіи, самымъ могущественнымъ образомъ парализующій ихъ дикую кочевую жизнь и ихъ вторженія въ русскіе предѣлы. Этимъ только охраняется возможность нашего государственнаго бытія, какихъ-бы великихъ жертвъ это ни стоило нашему народу. Къ сожалѣнію, эта сущность всѣхъ нашихъ историческихъ отношеній къ Азіи не понимается въ западной Европѣ; недостаточно сознается она и у насъ. Отсюда не мало политическихъ недоумѣній и у насъ, и въ другихъ странахъ по отношенію къ Россіи.

Всего значительнѣе заявила себя въ новѣйшемъ колонизаціонномъ движеніи Германія, наиболѣе нуждавшаяся въ самостоятельныхъ колоніяхъ, вмѣсто усиленія своими выселенцами чужихъ заокеаническихъ странъ. Великій политическій вождь Германіи, давно преслѣдующій цѣли германской колонизаціи, и въ этомъ случаѣ доказалъ свое глубокое пониманіе нуждъ своего народа и своего времени. Между прочимъ, можно порадоваться сильному развитію германской колонизаціонной политики и съ той точки зрѣнія, что она можетъ ослабить неизбѣжный, вслѣдствіе размноженія народонаселенія, напоръ германцевъ на востокъ Европы (Drang nach Osten).

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ колонизаціонномъ движеніи Европы, — и едва-ли не во всей ея современной политической жизни, — было созданіе Конгскаго государства въ Африкѣ. Оно основано европейской международною конференціей, засѣдавшей въ Берлинѣ въ теченіе нынѣшней зимы. Это государство совершенно новаго типа, и мы еще вернемся къ нему въ будущихъ нашихъ обозрѣніяхъ. Свободное вступленіе въ его подданство открыто для пришельцевъ всего свѣта. Въ первый разъ, въ основу европейской колонизаціи въ другихъ частяхъ свѣта положены начала международнаго права, по соглашенію всѣхъ европейскихъ государствъ. На мѣсто насильственнаго захвата земель, по праву сильнаго, поставлено начало права, регулированнаго международнымъ европейскимъ трактатомъ. Если этотъ опытъ удастся, то онъ будетъ великимъ прогрессомъ во всемірной исторіи. Новое государство представляетъ собою много чрезвычайно любопытныхъ особенностей, еще не бывалыхъ въ политической жизни образованнаго міра, и мы поговоримъ объ нихъ въ другой разъ. Надняхъ верховную власть надъ Конгскимъ государствомъ принялъ на себя король Бельгіи. Этотъ фактъ, весьма интересный во многихъ отношеніяхъ, служитъ также гарантіей успѣха этого международнаго опыта. Государь одного изъ малыхъ и центральныхъ государствъ Европы устраняетъ собою всякій вопросъ о давленіи на новое государство какой-либо велцкой европейской державы. Кромѣ того, слишкомъ извѣстный просвѣщенный образъ мыслей и гуманность короля Леопольда II составляютъ важное ручательство за преуспѣяніе принятой имъ подъ свое покровительство страны; своимъ новѣйшимъ государственнымъ существованіемъ она уже прежде много обязана его дѣятельности по изслѣдованію Африки.

Намъ остается сдѣлать бѣглый перечень самыхъ крупныхъ новѣйшихъ фактовъ въ важнѣйшихъ государствахъ Европы въ настоящую минуту, почти позабытыхъ подъ громомъ афганскихъ событій.

Въ Берлинѣ только-что отпразднованъ семидесятилѣтній юбилей рожденія кн. Бисмарка, получившій во всей Германіи характеръ всенароднаго торжества. Рѣдко случается историческимъ личностямъ видѣть при жизни свои заслуги признанными, какъ это посчастливилось кн. Бисмарку. Въ чествованіяхъ его со всѣхъ сторонъ особенно примѣчательны пламенныя выраженія благородности за его государственныя заслуги отъ германскаго императора, ставшаго во главѣ всѣхъ заявленій народныхъ чувствъ. Маститый монархъ еще разъ доказалъ въ этомъ случаѣ возвышенное благородство своей души, отдавая съ необыкновеннымъ великодушіемъ и даже смиреніемъ честь государственнымъ подвигамъ своего канцлера. Не всегда можно встрѣ-

тить въ исторіи такое тѣсное единеніе государя съ своимъ главнымъ государственнымъ совѣтникомъ,—такое гармоническое раздѣленіе между обоими двухъ категорій государственнаго долга и такое взаимное уваженіе къ различнымъ правамъ, обязанностямъ и призваніямъ каждаго. Этотъ счастливый историческій случай выпалъ на долю Германіи; ему она много обязана своимъ настоящимъ могуществомъ, и въ этомъ величайшая хвала ея монарху.

Австрія, вѣря въ свою живучесть, посреди всякихъ обстоятельствъ и Европы, и своей внутренней жизни, продолжаетъ свой новѣйшій опытъ примиренія своихъ разноплеменныхъ народовъ и равноправныхъ отношеній къ нимъ центральной государственной власти. Опытъ этотъ относительно примиренія разнородныхъ и враждебныхъ между собою племенъ, однако, мало удается, хотя и менѣе безуспѣшенъ, чѣмъ всѣ разнообразные прежніе опыты государственной системы, смѣнявшіеся одинъ за другимъ въ этомъ государствѣ. Но, при этомъ, въ новомъ фазисѣ своихъ международныхъ отношеній, въ своемъ союзѣ съ Германіей, Австрія начинаетъ возбуждать противъ себя неудовольствіе въ Германіи. Вѣнскому правительству ставится германскими патріотами въ укоръ, что оно слабо исполняетъ возложенную на него этимъ союзомъ функцію и его задачу быть государствомъ, хотя и выброшеннымъ изъ Германіи, но все-таки нѣмецкимъ и быть піонеромъ нѣмецкой культуры на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ оно дѣйствуетъ, по мнѣнію нѣмецкихъ политиковъ и публицистовъ, слишкомъ осторожно и вяло. Очень можетъ быть, что если разразятся новыя замѣшательства, которыя угрожаютъ въ настоящее время миру Европы и которыя отвлекутъ силы Россіи и Великобританіи въ другую часть свѣта, помогутъ Австро-Венгріи въ исполненіи упомянутой ея функціи...

Италія, устроивъ блистательнымъ образомъ свою денежную и финансовую систему, этотъ главный бизисъ современной государственной силы, старается пріобрѣсти всѣ признаки великой европейской державы,—новаго ранга, въ который она возведена событіями новѣйшей исторіи. Она усиливается занять самостоятельное положеніе въ международныхъ совѣтахъ Европы (какъ это было на лондонской конференціи прошедшаго года по египетскимъ дѣламъ) и заставить первостепенныя державы искать союзовъ съ нею; участвовать своими военными силами въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ Европы и не отставать отъ нея въ распространеніи владѣній въ другихъ частяхъ свѣта. Для этой цѣли итальянскій флотъ былъ посланъ въ Красное море.

Франція заключаетъ мирный трактатъ съ Китаемъ и этимъ выходитъ изъ своего тягостнаго положенія войны или, такъ называемыхъ вмѣсто войны, «военныхъ репрессалій и военныхъ дѣйствій», которыя велись изъ-за весьма сомнительныхъ французскихъ интересовъ и которыми были недовольны всѣ ея партіи. Миру съ Китаемъ, развязывающему руки Франціи въ Европѣ, не можетъ не радоваться республиканская Франція. Но всѣ искренніе французы-республиканцы не могутъ не печалиться фактомъ, почти опозорившимъ ея политическую жизнь: при первомъ смутномъ извѣстіи о неудачѣ, испытанной французскими войсками въ Китаѣ и ктому-же чрезвычайно преувеличенномъ, министерство Ферри было со скандаломъ низвергнуто палатою депутатовъ, передъ большинствомъ котораго оно преклонялось. Къ огорченію Франціи, этотъ случай только подтвердилъ трудность для республиканскаго правленія вести войны и вести вообще твердую иностранную политику, которая между тѣмъ всего болѣе нужна для тщеславія французовъ.

Непатріотическое и неполитическое поведеніе народныхъ представителей Франціи тѣмъ болѣе было поразительно, что оно было совершенно противоположно образу дѣйствій великобританскаго парламента не задолго предъ тѣмъ, въ совершенно однородномъ случаѣ. Большинство палаты общинъ, готовое покинуть г. Гладстона, поддержало его только вслѣдствіе несчастій, испытанныхъ англичанами въ Египтѣ. Этотъ разъ, какъ и всегда, въ Англіи при международныхъ затрудненіяхъ и при опасности для государства, не только вся пар-

тія нынѣшняго кабинета, разстроенная предъидущими дѣлами, тѣсно сомкнулась около него, но и противоположная—консервативная партія сократила до-нельзя свою оппозицію и готова, при замѣшательствахъ въ Афганистанѣ, совсѣмъ соединиться съ правительствомъ. Съ такою государственною мудростію и съ такимъ патріотизмомъ дѣйствуетъ всегда народное представительство въ Англіи, а потому-то и возможно въ этой странѣ представительное правленіе, затрудняющее обыкновенно ходъ иностранныхъ дѣлъ въ другихъ государствахъ.

Но государственной мудрости и энергіи англо-саксонскаго племени, какъ-бы онѣ ни были велики, предстоитъ много испытаній посреди нависшихъ надъ нимъ внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ. Ирландія, вопреки всѣмъ мѣрамъ, и либеральнымъ и репрессивнымъ, нисколько не умиротворяется. Послѣдніе скандалы при пріемѣ наслѣднаго принца въ Ирландіи способны были-бы сами по себѣ, безъ всякихъ другихъ политическихъ замѣшательствъ, смутить всякое правительство. А въ это-же самое время, когда снова раскрылась глубокая неизлечимая рана внутренней гражданской жизни, требуется крайнее напряженіе государственныхъ силъ для какой-нибудь приличной развязки дѣлъ, запутавшихся до-нельзя въ Египтѣ, и далѣе для разрѣшенія афганскаго вопроса, для столкновенія съ Россіей на путяхъ въ Индію...

Въ заключеніе упомянемъ о великомъ всенародномъ торжествѣ, только-что отпразднованномъ въ нашемъ отечествѣ. Чествованіе во всей Россіи тысячелѣтней памяти (6 апрѣля) первоучителей слова Божія въ славянскомъ мірѣ, св. Кирилла и Меѳодія, знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Кромѣ великаго церковнаго значенія этого праздника, онъ раздвигаетъ народное самосознаніе и во многихъ другихъ направленіяхъ. Святые проповѣдники христіанства въ славянскомъ мірѣ вмѣстѣ съ тѣмъ создали и его письменность, общій языкъ, понятный для всѣхъ славянскихъ народовъ, и положили первое начало его умственному просвѣщенію, которое зиждется прежде всего на письменномъ языкѣ. Въ нашемъ церковномъ и всенародномъ праздникѣ участвовали и дружественные намъ представители другихъ славянскихъ народовъ; своимъ общеніемъ съ нами они явили нѣкоторое единеніе всей славянской семьи, которая наиболѣе пострадала во всемірной исторіи отъ своихъ внутреннихъ раздоровъ. Наконецъ, всего болѣе радостно въ настоящемъ всенародномъ торжествѣ единеніе православной церкви съ гражданскимъ обществомъ и съ его свѣтскимъ просвѣщеніемъ, религіи съ наукою, раздоры которыхъ у другихъ народовъ составляютъ самый трагическій моментъ въ нынѣшнемъ періодѣ всемірной исторіи.

I

26 апрѣля

Тяжелая политическая атмосфера, нависшая надъ афганскимъ вопросомъ, господствовавшая во все это время (послѣ предыдущаго нашего обозрѣнія) и готовая ежеминутно разразиться военною бурею, положительно разрядилась только сегодня, съ телеграфическими извѣстіями о сообщеніяхъ великобританскаго правительства въ парламентѣ. Изъ этихъ сообщеній, затрогивающихъ множество обстоятельствъ, пока намъ мало извѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ, совершенно ясно только одно, что хотя спорный вопросъ между Англіей и Россіей о границахъ Афганистана еще не улаженъ, но онъ окончательно вышелъ изъ своей острой и опасной фазы столкновенія за честь и достоинство каждой державы и перешелъ на почву мирныхъ дипломатическихъ переговоровъ объ упомянутыхъ границахъ, и что великобританское правительство увѣрено въ мирномъ исходѣ этихъ переговоровъ.

Острую фазу получило все это дѣло послѣ энергической расправы генерала Комарова съ афганскими полчищами на берегахъ Кушки. Великобританское правительство, принявшее афганскаго эмира подъ свое покровительство и въ этотъ самый моментъ торжественно и съ необычайною пышностью возвѣстившее народамъ Азіи и всему свѣту свой союзъ съ эмиромъ, сочло себя оскорбленнымъ дѣйствіемъ русскихъ войскъ и требовало какого-то для себя удовлетворенія. Шли переговоры о какомъ-то слѣдствіи и судѣ надъ русскими военачальниками и надъ предположеннымъ великобританскимъ правительствомъ, произвольнымъ, съ ихъ стороны, нарушеніи условленныхъ между обѣими державами военныхъ позицій—русскихъ и афганскихъ въ туркменскихъ степяхъ. Нынѣ, какъ сообщаетъ телеграфъ, великобританскіе министры заявили въ парламентѣ, что они уступили «нежеланію русскаго правительства предать суду доблестныхъ офицеровъ обѣихъ армій» и оба правительства согласились, «съ цѣлію улаженія дѣла почетнымъ для обоихъ государствъ образомъ», «подвергнуть возникшія недоразумѣнія, относительно истолкованія бывшаго между ними соглашенія» о позиціяхъ обѣихъ армій, «суду дружественныхъ монарховъ». Очень интересенъ весьма темный пока, въ этихъ выраженіяхъ телеграфа, вопросъ, въ чемъ будетъ заключаться «этотъ судъ дружественныхъ монарховъ», кѣмъ и какимъ путемъ онъ будетъ производиться; но телеграфическій языкъ достаточно ясенъ, чтобъ внушить намъ полное убѣжденіе, что наше правительство съ замѣчательною твердостью не уступило никакимъ обиднымъ и несправедливымъ требованіямъ Англіи, что дипломатическій инцидентъ, возникшій между обѣими державами изъ-за мужественнаго подвига русскаго генерала, утратилъ всякій воинственный характеръ и оба правительства вышли на путь мира. Подтвержденіе послѣдняго мы находимъ сегодня и въ краткихъ успокоительныхъ словахъ нашего дипломатическаго органа (Journal de St.-Pétersbourg).

Было бы совершенно излишне пускаться

теперь во всякія дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, о бывшихъ между обоими правительствами переговорахъ и о причинахъ почти внезапно оказавшагося миролюбія со стороны Англіи. О множествѣ любопытныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ парламентскими сообщеніями великобританскихъ министровъ, мы можемъ пока судить только гадательно, на основаніи бѣглыхъ и запутанныхъ телеграфныхъ извѣстій. Великобританскіе министры обѣщали парламенту сообщить въ скоромъ времени подробныя свѣдѣнія о бывшихъ дипломатическихъ переговорахъ. Подобное же заявленіе объ ожидаемомъ вскорѣ сообщеніи публикѣ со стороны нашего правительства, по этому предмету, сдѣлано и нашимъ дипломатическимъ органомъ. Лишь когда будутъ опубликованы всѣ эти свѣдѣнія, мы будемъ въ силахъ отдать себѣ точный отчетъ не только о прошедшемъ, но также объ ожидаемомъ будущемъ разрѣшеніи важныхъ международныхъ вопросовъ, возгорѣвшихся между обѣими имперіями въ туркменскихъ степяхъ.

Пока мы можемъ вывести изъ полученныхъ извѣстій, какъ они ни кратки, одно положительное соображеніе относительно прочности того пути мира, на который вступили обѣ державы. Въ миролюбіи и государственной мудрости г. Гладстона достигнуть предположенныхъ имъ цѣлей не могло быть сомнѣнія; но было сомнительно—будетъ ли онъ въ силахъ удержаться у власти послѣ всѣхъ предыдущихъ своихъ неудачъ, военныхъ и дипломатическихъ, и при руссофобскомъ задорѣ парламентской оппозиціи. Въ этомъ отношеніи для насъ весьма важно знать, что великобританское правительство, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ имъ мирныхъ сообщеній парламенту, осталось въ немъ въ большинствѣ по всѣмъ предложеннымъ имъ вопросамъ, не смотря на ярые крики нѣкоторыхъ лордовъ и членовъ палаты общинъ о «позорѣ» и «униженіи» Англіи. Даже изъ краткихъ телеграфическихъ извѣстій можно видѣть, что главные вожаки консервативной оппозиціи, особенно враждебные Россіи, вели себя весьма сдержанно. По всей вѣроятности, въ виду важныхъ государственныхъ причинъ, побуждающихъ Англію въ настоящую минуту къ миролюбію, послѣдовало между ея кабинетомъ и главными представителями оппозиціи соглашеніе, какое всегда бываетъ въ этой странѣ, въ серьезные моменты ея государственной жизни, между враждующими политическими партіями, воодушевленными одинаковымъ патріотизмомъ. Въ чемъ заключаются упомянутыя причины, мы узнаемъ впослѣдствіи.

Россія выходитъ изо всего этого дипломатическаго столкновенія съ вполнѣ удовлетвореннымъ національнымъ чувствомъ, — съ такимъ чувствомъ, какого она не имѣла еще недавно послѣ блестящихъ побѣдъ на Балканскомъ полуостровѣ и послѣ берлинскаго трактата. Это чувство—великій залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ и подвиговъ для нынѣшняго царствованія. Оно живительно и плодотворно подѣйствуетъ на ходъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, даже самыхъ внутреннихъ. При своей чувствительности къ чести государства, соединяющейся съ величайшимъ миролюбіемъ, при особенно миролюбивомъ нынѣшнемъ настроеніи образованныхъ и руководящихъ сферъ нашего общества, нашъ народъ не можетъ не быть благодаренъ своему Государю за такую блистательную во всѣхъ отношеніяхъ развязку настоящихъ недоразумѣній съ Англіей. При всей готовности къ войнѣ, для охраны достоинства Россіи, во всѣхъ слояхъ русскаго общества,—все же оно не можетъ не радоваться этой мирной развязкѣ. Въ самыя острыя минуты настоящаго дипломатическаго кризиса, не было видно ни малѣйшаго воинственнаго пыла въ нашемъ обществѣ; передъ этимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія вынуждены были значительно сократить свои зачинавшіеся-было порывы самые воинствующіе органы нашей печати, и ихъ поворотъ къ миролюбивому тону въ послѣдніе дни былъ очень замѣтенъ. Наше общественное мнѣніе много созрѣло съ послѣдней войны; оно несравненно серьезнѣе отнеслось къ дѣлу и несравненно сознательнѣе взвѣсило всѣ шансы предстоящей борьбы. Это было тѣмъ опаснѣе для Англіи, и вѣроятно

это также было принято въ соображеніе ея государственными людьми.

Война была бы бѣдствіемъ и для Россіи, и для Англіи. Для кого изъ нихъ бо́льшимъ бѣдствіемъ—это невозможно предвидѣть, при всѣхъ исторических случайностяхъ, которыя бы могли вторгнуться со всѣхъ сторонъ въ эту борьбу двухъ великихъ государственныхъ могуществъ міра. Весьма были вѣроятны военные успѣхи России на ближайшемъ, первомъ театрѣ войны въ Средней Азіи; но затѣмъ она могла бы чрезвычайно усложниться всѣми международными отношеніями, недоразумѣніями и неразрѣшенными дипломатическими вопросами европейскихъ державъ. Война двухъ государствъ могла бы сдѣлаться общеевропейскою, всесвѣтною, при множествѣ дѣлъ у всѣхъ европейскихъ правительствъ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта; она могла бы принять размѣры необъятные. У Англіи, такъ же какъ и у Россіи, много недруговъ въ европейскомъ политическомъ мірѣ, и всѣ они конечно постарались бы внести въ ихъ борьбу всѣ свои ненавистныя чувства къ каждой изъ нихъ. Съ такимъ развитіемъ военныхъ событій, могли бы выиграть только самые дурные, противугосударственные, и самые безнравственные и сокрушительные для всякаго государственнаго и общественнаго порядка, элементы европейскаго общества, которыхъ немало накопилось вездѣ. Обо всемъ этомъ много говорилось всѣми органами европейской печати во всѣхъ странахъ. Поэтому мирная развязка столкновенія Россіи съ Англіей обрадуетъ здравомыслящихъ людей всей Европы: она вернется къ другимъ своимъ заботамъ и въ особенности къ своимъ внутреннимъ дѣламъ, которыхъ много на рукахъ у всѣхъ европейскихъ правительствъ. Англо-русская распря и ожидавшіяся съ нею политическія и коммерческія затрудненія для всей Европы подавили собою въ послѣднее время всѣ вопросы и внѣшніе и внутренніе.

Но нынѣшній споръ нашъ съ Англіей есть только одинъ изъ многочисленныхъ недружелюбныхъ эпизодовъ въ приближеніи границъ русскихъ и великобританскихъ владѣній въ Азіи, въ новѣйшее время. Если и уладится нынѣшняя распря, она легко можетъ возобновиться въ скоромъ времени, въ особенности при переходѣ правительственной власти въ Англіи въ руки людей, менѣе миролюбивыхъ и болѣе враждебныхъ къ Россіи, чѣмъ г. Гладстонъ. Поэтому необходимо желать, чтобъ возникновеніе новыхъ столкновеній не зависѣло отъ такихъ случайностей, каковы посылка въ Афганистанъ воинственныхъ великобританскихъ агентовъ, подобныхъ г. Лемсдену, или своевольныя вторженія афганскихъ полчищъ, подстрекаемыхъ англійскими офицерами, какъ это случилось на берегахъ Кушки. Для предотвращенія всякихъ такихъ случайностей и для обезпеченія прочнаго мира между Англіей и Россіей, желательнаго для интересовъ обѣихъ націй, необходимо, чтобы измѣнились самыя основы ихъ отношеній въ Средней Азіи и воззрѣнія на нихъ государственныхъ людей Англіи.

Недоразумѣнія, возбужденныя стычкою нашихъ войскъ съ афганскими на берегахъ Кушки, легко могутъ разрѣшиться мирнымъ образомъ,—если они уже и не разрѣшены. Также легко, при добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ, можетъ послѣдовать и опредѣленіе границъ между нашими владѣніями и Афганистаномъ, тѣмъ болѣе, что самъ эмиръ (по объявленію г. Гладстона) вовсе не дорожитъ спорнымъ въ настоящую минуту пространствомъ (оазисомъ Пенде на р. Мургабѣ). Можно даже идти далѣе, и предположить незатруднительность миролюбиваго соглашенія Англіи и Россіи и также самаго Афганистана о проведеніи границъ русскихъ владѣній гораздо далѣе (т. е. южнѣе) нынѣшнихъ желаній нашего правительства (насколько они извѣстны изъ толковъ иностранныхъ газетъ), до единственной сколько-нибудь естественной на этомъ пространствѣ границы, по линіи сѣвернаго склона Парапамиза. Но все это само по себѣ только временная сдѣлка и временное перемиріе, не уничтожающія основной корень раздора, безпрерывно готоваго вспыхнуть между обѣими державами. Наконецъ, если даже предположить почти невозможное согласіе Англіи на еще дальнѣйшее

расширеніе русскихъ владѣній, до еще болѣе естественной границы, на занятіе нами Герата и его долины, единственныхъ стоющихъ чего-нибудь и выгодныхъ для насъ пріобрѣтеній на этихъ пространствахъ *), то даже и такое, почти невозможное, миролюбное соглашеніе между обѣими державами не вырветъ для будущаго времени корня ихъ взаимныхъ недоразумѣній въ этой части свѣта.

На первомъ планѣ, чтобы кореннымъ образомъ парализовать причины этихъ недоразумѣній, въ ихъ новѣйшемъ періодѣ, ставится вопросъ о международномъ положеніи Афганистана. Что такое это государство, подвластное Англіи и неподвластное ей, нейтральное? Что такое эта государственная власть, за честь которой Англія обязана и не обязана вступаться при тѣхъ или другихъ условіяхъ? Что такое этотъ буферъ, поставленный между двумя державами въ Азіи, для умиротворенія ихъ столкновеній, а между тѣмъ гораздо болѣе пригодный по своей натурѣ для разжиганія этихъ столкновеній, для эксплоатаціи ихъ съ обѣихъ сторонъ въ пользу своихъ интересовъ? Нужно вообще замѣтить, что эта смутность международныхъ отношеній Великобританіи къ странамъ, принимаемымъ ею подъ свой протекторатъ, въ точности неопредѣленный никакими трактатами, порождаетъ нескончаемыя недоразумѣнія и для нея самой и для всѣхъ европейскихъ государствъ. Таковы были недавнія недоразумѣнія ея съ Германіей изъ-за африканскихъ колоній, и потомъ надняхъ съ Франціей въ Египтѣ изъ-за столкновенія французскаго правительства съ египетскимъ по случаю запрещенія послѣднимъ французской газеты въ Каирѣ.

Но за ближайшимъ вопросомъ объ Афганистанѣ лежитъ самый коренной вопросъ всѣхъ нашихъ недоразумѣній съ Англіей въ Азіи, — о предполагаемой со стороны Россіи, при расширеніи русскихъ средне-азіятскихъ владѣній, опасности для великобританскихъ владѣній въ Индіи. Не настало ли время приступить къ разрѣшенію этого вопроса,—единственному, способному надолго успокоить обѣ націи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—и къ уничтоженію или покрайней мѣрѣ къ подавленію грубыхъ предразсудковъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ и распаляющихъ воображеніе многихъ англійскихъ патріотовъ? Въ сущности эта опасность для Англіи одинакова и разнится для насъ только въ подробностяхъ и большихъ или меньшихъ трудностяхъ нашего наступленія,—владѣемъ-ли мы Гератомъ, или только Мервомъ, или даже только Туркестаномъ. Несравненно различнѣе представляется эта опасность не при тѣхъ или другихъ границахъ нашихъ азіятскихъ владѣній, а при той или другой политикѣ какъ Россіи, такъ и Англіи. Вотъ, по этому-то предмету было бы всего нужнѣе столковаться теперь, для водворенія прочнаго мира между обѣими державами.

Смѣемъ думать, что теперь настало для этого удобное время. Всего скорѣе можно ожидать содѣйствія разрѣшенію этого капитальнаго вопроса отъ нынѣшняго главы великобританскаго правительства, отъ его просвѣщенныхъ, чуждыхъ всякихъ политическихъ предразсудковъ и всякаго лжепатріотическаго задора государственныхъ взглядовъ. Съ другой стороны, и для Россіи настало время—твердо и точно опредѣлить свои задачи въ Средней Азіи и ихъ конечные предѣлы, такъ чтобы они и не колебались, и не расширялись подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ случайностей, чтобы эти задачи были обусловлены общегосударственными интересами, а не одними мѣстными, а тѣмъ менѣе интересами полудикихъ азіятскихъ племенъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, распространяя европейскую культуру между этими племенами, мы оказываемъ услуги всемірной цивилизаціи; но для нея одной мы нисколько не обязаны жертвовать силами русскаго народа, и она ктому-же не менѣе выиграетъ отъ его собственнаго обогащенія и просвѣщенія. Послѣ недавняго нашего политическаго опыта въ туркменскихъ степяхъ, ктому-же блиста-

---

*) Лучшія и самыя новѣйшія географическія свѣдѣнія объ этихъ пространствахъ можно найти въ прекрасномъ трудѣ ихъ изслѣдователя, г. Лессара: «Юго-западная Туркменія» (въ «Извѣстіяхъ Имп. Русск. Географическаго общества», 1885 г., вып. I).

тельно заканчивающагося, и послѣ новѣйшихъ изслѣдованій этихъ пространствъ русскими учеными, наши среднеазіятскія задачи могутъ быть легче сознаны и опредѣлены, чѣмъ въ прежнее время. Что касается англійскаго призрака нашего угрожающаго положенія для Индіи, то, гдѣ бы ни находились наши военныя позиціи въ Средней Азіи, для Россіи было бы нужно занять это угрожающее положеніе, только если предположить съ ея стороны безусловно воинственную и завоевательную политику, отбрасывающую далеко въ сторону всякія внутреннія государственныя задачи,—политику, которая немыслима со стороны русскихъ государей.

Во всякомъ случаѣ, ожидаемое замиреніе нынѣшняго столкновенія съ Англіей позволитъ намъ вернуться къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, которыя совсѣмъ затихли подъ зачинавшимся громомъ оружія. Объ нихъ въ послѣдніе дни напомнила только столѣтняя годовщина жалованныхъ граматъ императрицы Екатерины II дворянству и городскимъ сословіямъ 21 апрѣля 1785 г. Съ особенною торжественностью была отпразднована эта годовщина дворянствомъ въ столицахъ и почти повсемѣстно въ провинціи. Дворянство было почтено Высочайшимъ рескриптомъ 21 апрѣля 1885 г., знаменательнымъ во многихъ отношеніяхъ и возвѣстившимъ о новомъ государственномъ учрежденіи — Дворянскомъ Поземельномъ банкѣ.

Юбилейныя празднованія важныхъ государственныхъ событій служатъ не только для чествованія ихъ въ народной памяти, но также и для подъема народнаго самосознанія, нужнаго для разрѣшенія государственныхъ задачъ настоящаго. Понимая смыслъ прошедшаго, мы лучше можемъ понимать и истекшее изъ него настоящее, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прочнѣе строить для будущаго.

Упомянутыя узаконенія великой императрицы 21 апрѣля 1785 г. («Грамата на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» и «Грамата на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи»), опредѣливъ преимущества и права первенствующаго сословія дворянства, а также городскихъ сословій, закончили сословную организацію нашего общества, зачавшуюся еще въ Московскомъ государствѣ. Кромѣ соціальной своей стороны — опредѣленія быта сословій, ихъ занятій и отношеній къ государству, эти узаконенія имѣли еще другую чрезвычайно важную сторону, въ особенности для нашего времени,—сторону административную, составившую цѣлую эпоху въ нашей государственной жизни. Въ связи съ сословными правами, они установили мѣстное самоуправленіе сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались главными основаніями той сословно-бюрократической системы мѣстнаго управленія губернскаго, уѣзднаго и городоваго, которая существовала у насъ почти цѣликомъ, съ весьма ничтожными измѣненіями, вплоть до реформъ послѣдняго царствованія, и которая сохранилась въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ и до сихъ поръ. Великія реформы императора Александра II, одна за другою, начиная съ освобожденія крестьянъ, потрясли, въ самыхъ основахъ, какъ сословную организацію общества, такъ и всю систему екатерининскихъ мѣстныхъ учрежденій. Упраздненіе крѣпостнаго права коренньмъ образомъ измѣнило бытовое положеніе дворянства, главенствовавшаго и привиллегированнаго общественнаго элемента въ этой системѣ управленія; затѣмъ земскія учрежденія внесли въ нее стихію совсѣмъ новую и противоположную главнымъ составнымъ ея частямъ, бюрократической и сословной,—стихію земскаго безсословнаго самоуправленія, хотя эта новая стихія и была возрождена изъ старины русской, не знавшей строгихъ опредѣленій родовыхъ сословій, явившихся въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ то время возрожденіе земской стихіи въ нашемъ мѣстномъ управленіи было встрѣчено съ единодушнымъ горячимъ сочувствіемъ какъ всѣми классами нашего общества, въ мѣстной жизни, такъ и всѣми теченіями нашей политической мысли въ сферѣ такъ называемой нынѣ у насъ «интеллигенціи».

Какъ бы то ни было, екатерининская система мѣстнаго управленія, ясная, цѣльная,

послѣдовательная и удовлетворявшая практическимъ нуждамъ своего времени, была разрушена какъ упомянутыми государственными реформами прошедшаго царствованія, такъ и многими другими государственными и мѣстными учрежденіями, быстро созидавшимися одни за другими, нисколько между собою несогласованными и во многихъ отношеніяхъ между собою противорѣчивыми. На мѣсто системы мѣстнаго управленія, хотя и давно отжившей и практически несостоятельной для удовлетворенія новыхъ государственныхъ и общественныхъ потребностей, но гармонической и цѣльной, не было поставлено никакой новой такой системы. Необходимость ея чувствовалась даже съ первыхъ годовъ прошедшаго царствованія, а затѣмъ все болѣе и болѣе, съ каждою новою реформою; передъ нами прошелъ цѣлый рядъ комиссій и работъ, пытавшихся преобразовать мѣстное управленіе, до комиссіи подъ предсѣдательствомъ стасъ-секретаря Каханова включительно. Всѣ эти работы не закончились до сихъ поръ никакими дѣйствительными законодательными результатами.

Съ другой, социальной, стороны нашей распавшейся сословной организаціи общества—также ощущались всѣми весьма плачевныя явленія. На мѣсто первенствовавшаго въ мѣстномъ народномъ бытѣ помѣстнаго дворянства вступила, съ своимъ всесильнымъ вліяніемъ на всѣ общественныя отношенія и дѣла, новая «денежная аристократія» и съ нею — самые скверные новѣйшіе безсословные элементы общества, такъ называемые «кулацкіе», одинаково вредные и антипатичные всѣмъ классамъ и слоямъ нашего народа и въ особенности его бѣднѣйшей, трудовой массѣ. Вездѣ и во всѣхъ сферахъ общественной жизни показались выродки и отщепенцы своихъ сословій, какіе-то межеумки, наполняющіе всѣ щели, безпрерывно раздвигающіяся между прежними расшатанными сословіями, и разстраивающіе своими новыми понятіями и обычаями весь до сихъ поръ сложившійся, въ теченіе цѣлаго вѣка, общественный строй. Всѣ эти явленія многіе, не безъ основанія, приводили въ связь съ нашею недавнею общественною смутою и со всѣми мрачными событіями, посреди которыхъ поникъ духъ нашего общества и которыя закончились ужаснымъ днемъ 1 марта 1881 г. Немудрено, и какъ нельзя болѣе естественно, что послѣ всего этого явилась сильная умственная реакція въ нашемъ обществѣ, съ недовѣріемъ взглянувшая на великія и благодѣтельныя реформы прошедшаго царствованія, и что даже очень многіе стали искать для себя успокоенія, озираясь на прежнюю сословную организацію общества, не возбуждавшую собою такихъ тревогъ, и на прежнюю систему мѣстнаго управленія. Нельзя также удивляться, что въ этомъ движеніи, при наклонности нашего образованнаго общества доводить всякое движеніе до крайности, слышны были даже крикливые голоса, желавшіе возстановленія прежней системы общественнаго строя и мѣстнаго управленія въ такомъ крайнемъ сословномъ видѣ, въ какомъ она даже никогда прежде не существовала.

Всему этому броженію общественныхъ мыслей былъ положенъ точный предѣлъ Высочайшимъ рескриптомъ 21 апрѣля 1885 года. Верховная Воля, торжественно, всенародно признавая доблестное государственное служеніе русскаго дворянства въ русской исторіи и «царскимъ своимъ словомъ о томъ свидѣтельствуя», указала на необходимость для государственной пользы, чтобы эта дѣятельность продолжалась и на будущее время на всѣхъ поприщахъ гражданской и военной службы и чтобы за дворянствомъ сохранилось первенствующее на всѣхъ этихъ поприщахъ мѣсто. При этомъ съ особенною выразительностью указывается на призваніе дворянства къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ, которое всегда исторически соединялось съ государственною дѣятельностью высшаго общественнаго класса и у насъ, и во всѣхъ европейскихъ странахъ, и которое теперь получило особенное значеніе для успѣховъ всего нашего народнаго хозяйства, въ новыхъ условіяхъ современнаго земледѣлія. Между прочимъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ указывается на государственную пользу «привлеченія дворянъ къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ». Для

доставленія «хозяйственныхъ средствъ» дворянскимъ имѣніямъ, во многихъ мѣстахъ оскудѣвшимъ, и для облегченія «кредитныхъ ихъ затрудненій» учреждается государственный Дворянскій Поземельный банкъ.

Должно надѣяться, что наше помѣстное дворянство воспользуется дарованными ему новыми государственными кредитными воспособленіями для улучшенія своего хозяйства, и въ этомъ будетъ заключаться величайшее благо для нашего государства, которое въ настоящее время, въ экономическомъ отношеніи, всего болѣе нуждается въ подъемѣ земледѣлія. Для этого, конечно, всего болѣе необходима личная хозяйственная и трудовая дѣятельность дворянъ-помѣщиковъ, которая только и можетъ сдѣлать производительными, и для дворянства, и для народнаго хозяйства Россіи, новыя кредитныя воспособленія дворянскимъ имѣніямъ. Проектируемыя правила новаго банка неизвѣстны и объ нихъ можно будетъ судить только впослѣдствіи, но, какъ слышно, ссуды его будутъ выдаваемы только дворянамъ-помѣщикамъ, занимающимся лично хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ. Такое постановленіе можетъ только вполнѣ соотвѣтствовать выше обозначеннымъ и Высочайше предначертаннымъ государственнымъ цѣлямъ.

Въ то время, какъ Верховною Властью указывается на государственную пользу сохраненія за нашимъ высшимъ сословіемъ его первенствующаго положенія, умственнаго, нравственнаго и хозяйственнаго, на всѣхъ поприщахъ жизни, для него не создается никакихъ искусственныхъ, узаконенныхъ привиллегій въ обиду и въ ущербъ другимъ сословіямъ и народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нисколько вновь не замыкается родовымъ порядкомъ противъ свободнаго вступленія въ него лучшихъ умственныхъ силъ изъ всѣхъ другихъ сословій. Все это явленіе вполнѣ согласно со всей исторіей нашего дворянства и съ исторіей русскаго государства. Эта исторія, во всѣ свои періоды и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, боролась противъ всякаго привиллегированнаго родоваго общественнаго класса и противъ всякаго монопольнаго захвата имъ государственной власти. Въ этомъ смыслѣ высказывались во всѣ эпохи нашей государственной жизни всѣ благороднѣйшіе представители нашего высшаго класса — и въ этомъ его великая сила сравнительно съ аристократіями всѣхъ другихъ государствъ.

Сословная организація нашего общества можетъ переходить постепенно и безъ всякой насильственной ломки разныя фазы, перерождаясь мало-по-малу въ новыя сочетанія, новыя кристаллизаціи и группы общественныхъ силъ. Но главною злобою дня, вызывающею государственныя мѣропріятія, остается другая сторона исторіи нашихъ сословій, напоминавшая о себѣ 21 апрѣля,—устройство мѣстнаго управленія. Съ отпразднованною столѣтнею годовщиной совпало окончаніе работъ комиссіи, засѣдающей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. Ея проекты подвергнутся разсмотрѣнію высшихъ правительственныхъ инстанцій. Благоустройство нашихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій сдѣлается, безъ сомнѣнія, важнѣйшею государственною задачею ближайшаго будущаго.

В. Б.

II

10 мая.

После всего, что произошло, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, на политической сценѣ такъ называемаго афганскаго вопроса и что сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, можно считать наше столкновеніе съ Англіей совсѣмъ устраненнымъ. Судя по офиціальнымъ сообщеніямъ со стороны обоихъ правительствъ, и въ особенности по ихъ тону, можно даже ожидать, что мирная развязка этого дѣла получила направленіе, долженствующее упрочить дружественныя отношенія между обѣими державами крѣпче, чѣмъ когда-либо прежде.

Буря пронеслась и только очистила атмосферу отъ недоразумѣній между обоими правительствами.

Наиболѣе недружелюбный къ Россіи политическій человѣкъ Великобританіи, маркизъ Салисбюри, глава консервативной оппозиціи и вождь всѣхъ руссофобовъ, вынужденъ былъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, торжественно отречься отъ обидныхъ для нашего отечества словъ, сказанныхъ имъ прежде въ запальчивости, по афганскому вопросу. Одинъ изъ крупныхъ членовъ либеральной партіи, герцогъ Аргайль, въ обширной и замѣчательной рѣчи въ палатѣ лордовъ, взялъ на себя трудъ, съ документами въ рукахъ (главнѣйше на основаніи циркуляря кн. Горчакова къ нашимъ посольствамъ въ 1864 г., о русской политикѣ въ Средней Азіи), энергически защитить русское правительство отъ всякихъ сыпавшихся на него въ Англіи обвиненій въ вѣроломныхъ дѣйствіяхъ по распространенію средне-азіятскихъ владѣній вопреки даннымъ обѣщаніямъ; онъ объяснилъ, что роковая необходимость упорядоченія средне-азіятскихъ степей влечетъ Россію покорять одного за другимъ эти полуварварскіе народы, и что она сама чистосердечно указывала на эту необходимость (въ упомянутомъ циркулярѣ кн. Горчакова) и не брала на себя никакихъ лживыхъ передъ Англіей и Европой обязательствъ остановиться на этомъ пути. Лучше говорить въ пользу Россіи не могъ бы никакой русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Къ окончательнымъ выводамъ герцога Аргайля, относительно прочнаго устройства, на будущее время, отношеній Англіи къ Россіи въ Азіи, присоединился не только великобританскій кабинетъ, но даже сама оппозиція, и между ними водворилось въ послѣднихъ парламентскихъ преніяхъ какъ-бы полное соглашеніе по этому предмету.

Правдивое донесеніе генерала Комарова произвело отличное впечатлѣніе и въ Англіи, и во всей Европѣ, хотя недобросовѣстныя подстрекательства англійскихъ агентовъ въ Афганистанѣ были изобличены передъ всѣмъ свѣтомъ—въ опубликованныхъ нашимъ правительствомъ документахъ. Одна вліятельная англійская газета («Pall-Mall Gazette») даже громко заявляетъ, что монаршая милость, увѣнчавшая подвигъ русскаго командующаго войсками, была доблестно имъ заслужена.

Правда, эта газета, все время, даже въ самыя острыя минуты кризиса, стояла за Россію и за мирную развязку спора, но она служитъ органомъ весьма значитель-

наго радикальнаго элемента въ партіи г. Гладстона, и ея слова, при возрастающей силѣ этого элемента, имѣютъ право на большое вниманіе. Трудно себѣ представить, чтобы, послѣ всего этого, третейскій международный судъ, еслибы онъ и состоялся, могъ получить какой-либо непріятный для русскаго достоинства характеръ.

Весь этотъ дипломатическій инцидентъ можно считать поконченнымъ, и европейская печать могла бы теперь сдать его въ архивъ, возвратясь къ болѣе существеннымъ вопросамъ современной жизни. Афганское столкновеніе, если еще окончательно и формально не улажено, то представляетъ работу только для дипломатической техники и почти никакого интереса для публики. Таковъ самый спорный вопросъ о границахъ русскихъ владѣній и Афганистана; неужели не маловажна и для насъ и для других та или другая черта въ этихъ туркменскихъ степяхъ?

Но происшедшій дипломатическій кризисъ весьма интересенъ съ другой стороны,—не самъ по себѣ, а по тому освѣщенію, которое онъ внесъ въ общее политическое положеніе Европы и въ обстановку многихъ другихъ, самыхъ существенныхъ вопросовъ ея жизни. Отсюда всѣ могутъ извлечь много указаній и назиданій для будущаго; также—и мы. Подобные опыты мобилизаціи военныхъ и политическихъ силъ достойны изученія, не только въ военномъ, но также и въ политическомъ отношеніи, и этимъ должны сколько-нибудь оплатиться громадныя траты денегъ на эти опыты.

Прежде всего, освѣтился для насъ весь среднеазіятскій вопросъ. Весьма интересно, что онъ становится для насъ совершенно въ такомъ-же видѣ, какъ и для Англіи, и на его разрѣшеніи мы можемъ прочно и надолго съ нею сойтись. Кажется, ея государственные люди убѣдились въ шаткости всякихъ отношеній Великобританіи къ Афганистану, и эта шаткость была первою внезапною причиною ихъ миролюбія. Въ своемъ заключеніи, возбудившемъ такое единодушіе въ парламентѣ, герцогъ Аргайль настаивалъ на томъ, что Англія должна разъ навсегда перестать безпокоиться о распространеніи русскихъ владѣній въ Азіи, перестать хлопотать объ Афганистанѣ, а позаботиться только о томъ, чтобы точно и незыблемо опредѣлить границу своихъ индѣйскихъ владѣній, и какъ можно ближе къ нынѣшней, и укрѣпить ее такъ, чтобы уничтожить всякій призракъ опасности для этихъ владѣній, единственнаго интереса для Англіи въ Азіи. И у насъ не та же-ли самая задача, и для насъ не важнѣе-ли всего разъ навсегда обозначить предѣльную черту нашего движенія въ этой части свѣта и освободить себя самихъ отъ этого призрака, отъ этой ожидаемой съ нашей стороны опасности для Индіи, составляющей корень всѣхъ нашихъ замѣшательствъ съ Англіей по всѣмъ дѣламъ, придающей какой-то фантастическій и туманный характеръ всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ и предначертаніямъ въ Средней Азіи и вредной для насъ самихъ не менѣе, чѣмъ для англичанъ. Безъ сомнѣнія, для насъ гораздо труднѣе, чѣмъ для нихъ, намѣтить эту предѣльную черту, въ этихъ безпредѣльныхъ пескахъ; но на чемъ-нибудь да приходится же остановиться, хоть для ближайшаго будущаго, чтобы сколько-нибудь ограничить непроизводительную трату нашихъ силъ и уберечь ихъ на наше внутреннее благоустройство, на благополучіе болѣе близкихъ нашему сердцу русскихъ людей, чѣмъ всѣ эти азіятскія племена. Во всякомъ случаѣ, обозначить предѣльную черту нашего движенія будетъ неизмѣримо легче, когда мы разъ навсегда отрѣшимся отъ всякихъ грезъ относительно Индіи, отъ всякихъ стремленій къ угрозѣ тамъ противъ Англіи. Безъ этихъ грезъ, даже пріобрѣтеніе Герата, лучше котораго ничего для насъ не можетъ предвидѣться на этомъ пути, даже и это пріобрѣтеніе не можетъ вознаградить насъ за расходы на него. Конечно, какъ говорятъ, насъ движетъ въ Средней Азіи роковая стихійная сила; но все искусство государственныхъ людей заключается въ томъ, чтобы управлять и овладѣвать стихійными силами, которыми переполнена историческая жизнь и которыя, всѣ, безъ управленія ими, могутъ сдѣлаться роковыми.

Затѣмъ, другая предполагаемая причина

миролюбія Англіи вводитъ насъ въ весьма любопытныя международныя отношенія, установившіяся нынѣ въ Европѣ. Соображая всѣ условія борьбы между Англіей и Россіей, можно было придти къ заключенію, что единственные шансы сколько-нибудь серьезныхъ успѣховъ для первой могли быть только при вступленіи ея флота въ Черное море. Примѣръ первой восточной войны напоминалъ, что въ Балтійскомъ морѣ англичане едва-ли могли-бы нанести намъ какой-нибудь вредъ. Торговля пошла-бы по желѣзнымъ дорогамъ. На самомъ театрѣ войны въ Афганистанѣ мы бы имѣли сравнительно съ ними превозмогающія силы. Но для всѣхъ операцій этой войны, свобода на Черномъ морѣ была-бы чрезвычайно для насъ важна; съ новѣйшимъ расположеніемъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, Кавказъ и Черное море получили совсѣмъ другое значеніе. И вотъ, вопросъ о проходѣ англійскаго флота черезъ Дарданеллы, запертые парижскимъ и берлинскимъ трактатами, сдѣлался для Англіи первенствующимъ *). Ходило много слуховъ о переговорахъ Англіи съ Турціей на счетъ пропуска англійскихъ судовъ черезъ Дарданеллы. Но съ Турціей не пришлось бы Англіи много церемониться. Весьма вѣроятно, что сопротивленіе нарушенію трактатовъ о Дарданеллахъ оказалось со стороны Германіи и Австріи. Этимъ можетъ быть объяснено извѣстіе, распространившееся въ газетахъ изъ весьма компетентныхъ сферъ, что серьезною гарантіей мира явилось соглашеніе, состоявшееся въ прошедшемъ году на Скерневицкомъ свиданіи трехъ императоровъ.

Если это извѣстіе справедливо, то хотя нѣмецкая печать и много говорила о вытекающихъ отсюда великихъ для Россіи выгодахъ этого соглашенія, надо скорѣе думать, что тутъ всего болѣе дѣйствовали не столько договоры трехъ державъ, сколько интересы Австріи и съ нею Германіи на Балканскомъ полуостровѣ. Имъ нужны неприкосновенность Чернаго моря для Англіи и нераспространеніе на Балканскій полуостровъ борьбы ея съ Россіей. Во всякомъ случаѣ, тутъ заявила себя новая фаза, въ которую вступили старый восточный вопросъ и вопросъ о проливахъ, въ связи съ среднеазіатскимъ.

Не должно, однако, преувеличивать цѣну соглашеній между державами, какъ обезпеченій мира. При быстрой измѣнчивости обстоятельствъ и условій современной политической жизни, глухіе союзы, лишающіе свободы дѣйствія, даже скорѣе приводятъ къ недоразумѣніямъ. Всего прочнѣе миръ охраняется интересами, съ нимъ связанными. Въ международной исторіи Европы, всего болѣе выдается то явленіе, что всякое стремленіе одного государства къ преобладанію встрѣчало отпоръ отъ остальной Европы, и это прежде называлось ея равновѣсіемъ. Прежде этотъ отпоръ вовлекалъ въ кровопролитныя войны, теперь онъ производится болѣе мирными способами. Такое противодѣйствіе своимъ захватамъ встрѣтила со всѣхъ сторонъ Англія. Своимъ могуществомъ послѣ побѣдъ надъ Франціей—Германія обязана всего болѣе своей умѣренности въ пользованіи своими силами.

Одновременно съ мирною развязкою афганскаго вопроса, великобритантское правительство вдругъ объявило о своемъ рѣшеніи вывести свои войска изъ Судана и оставить безъ всякаго возмездія свое пораженіе въ Хартумѣ и смерть доблестнаго Гордона. Передъ этимъ, также быстро, также послѣ неудачи французскаго оружія и послѣ продолжительнаго похода, былъ заключенъ Франціей миръ съ Китаемъ. Не доказываетъ ли все это, что интересы мира, не смотря на вооруженія всей Европы, получаютъ превозмогающее значеніе въ ея жизни и что передъ ними начинаютъ блѣднѣть старинныя заботы о такъ называемомъ политическомъ «престижѣ».

Въ недавнихъ преніяхъ итальянскаго парламента раздались громкіе голоса, требовавшіе прекращенія кампаніи, предпринятой итальянскимъ правительствомъ, по слѣдамъ Англіи, безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей, а какъ-будто только ради этого «пре-

*) См. интересныя статьи по этому новому вопросу Лоренца Штейна въ «Аугсбургской Всеобщей газетѣ» — «Гератъ и Дарданеллы».

стижа», понадобившагося новой первоклассной европейской державѣ.

Во внутренней жизни каждаго европейскаго государства накопилось столько настоятельныхъ задачъ, что зрѣлое разрѣшеніе ихъ несовмѣстимо съ громомъ оружія. Вопросы народнаго благосостоянія и въ нихъ интересы рабочихъ массъ, равнодушныхъ къ военной славѣ и ежедневно получающихъ все болѣе и болѣе силы въ государственныхъ дѣлахъ, чрезвычайно затрудняютъ расходы на войны. Всего энергичнѣе заявила себя теперь поворотомъ къ этой новой политикѣ мира Англія. Необыкновенный государственный человѣкъ, стоящій во главѣ ея, еще разъ доказалъ, что онъ стоитъ на всей высотѣ задачъ современной политической жизни, успѣхамъ которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ. Всегда преданный болѣе всего вопросамъ внутреннимъ, другъ мира, онъ случайно получилъ на руки, въ наслѣдіе отъ предыдущаго кабинета Биконсфильда, международныя замѣшательства во всѣхъ странахъ; послѣ ряда своихъ неудачъ по этимъ дѣламъ, онъ, кажется, сознаетъ необходимость самымъ рѣшительнымъ образомъ разстаться съ этою политикою приключеній и сосредоточиться на государственныхъ задачахъ, гораздо болѣе существенныхъ для благополучія Англіи и болѣе близкихъ его сердцу. Она наканунѣ глубокаго переворота въ своемъ государственномъ строѣ. Избирательная реформа, для которой г. Гладстонъ только и взялъ снова на себя власть, вступитъ скоро въ дѣйствіе. Она прибавляетъ два мильона новыхъ избирателей изъ бѣднѣйшаго слоя общества, и никто не знаетъ, какія будутъ послѣдствія появленія у государственныхъ дѣлъ этой новой колоссальной силы, до сихъ поръ еще не дѣйствовавшей. Всѣ партіи въ Англіи загадочно озираются на будущее, вслѣдствіе вступленія демократіи въ ея политическую жизнь, и всѣ готовятся къ совсѣмъ новымъ комбинаціямъ въ направленіи дѣлъ страны.

Чтобы справиться съ этимъ новымъ политическимъ положеніемъ внутри страны, государственные люди всѣхъ партій въ Англіи, а въ особенности двухъ старыхъ,— виги и торіи,—должны быть свободны отъ международныхъ замѣшательствъ. Но въ томъ, что справится эта нація со всякими внутренними затрудненіями, возникающими изъ новыхъ историческихъ движеній европейскаго общества, едвали слѣдуетъ сомнѣваться. За это ручается коренное здоровье ея организма и также многовѣковая традиціонная опытность ея государственныхъ людей и ихъ глубокій патріотизмъ, всегда соединяющій ихъ всѣхъ, безъ различія партій, для разрѣшенія капитальныхъ государственныхъ задачъ. Гораздо сомнительнѣе внутреннее положеніе другой передовой западно-европейской націи.

Скоро исполнится столѣтіе, что Франція мечется отъ одного болѣзненнаго кризиса къ другому, успѣвая, только при необыкновенныхъ дарахъ своей природы и своего народнаго генія, возобновлять свои силы въ перемежающіеся краткіе періоды внутренняго мира. Послѣ нѣкотораго успокоенія, вслѣдъ за германскимъ погромомъ, подъ мудрымъ правленіемъ Тьера, которое сдѣлало третій опытъ республики болѣе удачнымъ, чѣмъ два предыдущіе, во Франціи начался опять внутренній кризисъ, который шелъ прогрессивно, быстрыми шагами. Великій ея патріотъ сказалъ, что «или республика будетъ консервативною, или она совсѣмъ не будетъ». Между тѣмъ республиканская власть, подъ гнетомъ какой-то стихійной силы, постоянно переходила изъ рукъ относительно умѣренныхъ къ людямъ болѣе и болѣе радикальнымъ. Предыдущій (оппортюнистскій) кабинетъ г. Ферри, при всѣхъ своихъ уступкахъ крайней партіи, еще считалъ себя связаннымъ нѣкоторыми преданіями практическаго государственнаго благоразумія и установившагося историческаго порядка вещей. Отчасти въ самомъ составѣ нынѣшняго французскаго министерства и еще болѣе во всѣхъ политическихъ рядахъ, его поддерживающихъ, стоятъ люди, обязанные своею извѣстностью только революціоннымъ бурямъ прежняго времени и всего болѣе связанные своимъ прошедшимъ съ революціонными страстями и предразсудками.

Недавняя дипломатическая катастрофа

по афганскому вопросу также изобличила международное безсиліе Франціи, обусловленное ея внутреннимъ недугомъ. Ей удалось, посреди замѣшательствъ Англіи съ Россіей, вырвать только соглашеніе первой по ничтожному своему недоразумѣнію въ Египтѣ по поводу французской газеты въ Каирѣ. Но о голосѣ Франціи въ предстоявшихъ соотношеніяхъ европейскихъ державъ при развязкѣ дипломатической катастрофы никому не приходилось думать. Всѣ политическіе люди Франціи слишкомъ поглощены своими внутренними раздорами, въ особенности теперь, наканунѣ парламентскихъ выборовъ, на основаніи новаго избирательнаго закона, чтобы они могли возымѣть серьезное вліяніе на международныя дѣла Европы. Было не мало характеристично для значенія Франціи въ этихъ дѣлахъ, что въ началѣ нашего столкновенія съ Англіей даже умѣренныя республиканскія французскія газеты всячески раздували во всѣ стороны эту распрю. Онѣ какъ-будто потирали себѣ руки, что при безсиліи Франціи въ совѣтахъ Европы для нея будетъ нѣкоторою отрадою война, которая обезсилитъ одну изъ двухъ европейскихъ націй или обѣ вмѣстѣ. Затѣмъ, эти-же газеты стали также безцѣльно, подъ вліяніемъ какого-то смутнаго чувства, радоваться ожидавшемуся (послѣ нашей побѣды на Кушкѣ) наказанію Россіи со стороны Англіи; при этомъ раздавались возгласы о естественномъ сродствѣ двухъ передовыхъ западно-европейскихъ націй на почвѣ всемірной цивилизаціи и о деспотизмѣ и варварствѣ восточной Европы! Въ это самое время, когда вся Европа, и даже республиканская Швейцарія, усиливаются охранить свое существованіе отъ интернаціональныхъ анархистовъ, французское правительство выпустило изъ тюрьмы на волю самыхъ отчаянныхъ демагоговъ—и французовъ, и иностранцевъ, совершившихъ въ самой Франціи грубыя преступленія противъ самыхъ обыкновенныхъ (нисколько не политическихъ) гражданскихъ законовъ.

Вся эта политическая безтактность, господствующая въ правительственной сферѣ Франціи, обусловлена совершеннымъ отсутствіемъ въ ея главѣ настоящихъ государственныхъ людей, сколько-нибудь воспитанныхъ въ преданіяхъ и практикѣ государственнаго дѣла. На всѣхъ ступеняхъ ея управленія и въ руководящихъ политическихъ кружкахъ получили господство люди, умудрившіеся только въ радикальныхъ и революціонныхъ распряхъ съ правительствами всякихъ оттѣнковъ, пропитанные прежде всего космополитическимъ духомъ своей секты и чуждые патріотизму. Всѣ сколько-нибудь умѣренные и способные къ государственной дѣятельности люди, не только изъ старыхъ монархическихъ партій, гдѣ ихъ всего болѣе, но и чистые республиканцы—вынуждены были удалиться отъ дѣлъ.

Отъ новыхъ депутатскихъ выборовъ ожидаютъ обновленія правительства и парламента, но результаты ихъ весьма загадочны и могутъ привести Францію къ еще болѣе жестокому кризису. Несчастіе этой страны, что съ великой революціи ея главныя партіи до сихъ поръ спорятъ между собою прежде всего о формѣ правленія, и несчастіе для республиканскаго правленія, что большинство республиканцевъ и самыхъ вліятельныхъ между ними принадлежитъ къ радикализму,—не англійскаго умѣреннаго характера, а самаго крайняго,—и даже прямо къ демагогіи, несовмѣстимымъ ни съ какимъ правильнымъ правительствомъ. Консервативные и годные для государственнаго дѣла люди исповѣдываютъ монархическую вѣру и никакъ не соединяются съ такими же людьми республиканской вѣры, и потому не можетъ образоваться значительной консервативной республиканской партіи. Монархисты изъ-за ненависти къ республикѣ даже безпрестанно, чтобы подорвать ее и обезсилить умѣренныхъ республиканцевъ, вступаютъ противъ нихъ въ союзы съ радикалами и революціонерами. Сверхъ того, монархисты такъ между собою раздѣлены, что они не могутъ устроить даже небольшой сплоченной группы, съ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ на выборахъ. Послѣдствіемъ всѣхъ условій этого гибельнаго положенія является торжество республиканцевъ самаго крайняго демократическаго и даже со-

ціалистическаго образа мыслей. Но эти люди своими фанатическими мѣрами, разрушающими государственное зданіе, напримѣръ своими гоненіями противъ религіи, разстройствомъ финансовъ и проч., могутъ наконецъ возбудить негодованіе громадной массы провинціальнаго народонаселенія, хотя и сдѣлавшейся индифферентной къ формамъ правленія, но въ душѣ своей консервативной и требующей прежде всего гражданскаго порядка и спокойствія. Провинція можетъ возмутиться противъ демагогическихъ страстей, продолжающихъ, какъ было всегда, заправлять ею изъ Парижа. Какія могутъ возникнуть отъ всего этого смуты и потрясенія—предвидѣть трудно.

Во всякомъ случаѣ, при такомъ внутреннемъ положеніи, которое можетъ долго продлиться, всякое серьезное дѣйствіе Франціи на международныя дѣла крайне затруднительно. Объ этомъ можно только пожалѣть для политической системы Европы и равновѣсія ея силъ: оно тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ эти силы разнообразнѣе, и отсутствіе въ нихъ лучшихъ традицій французской политики стараго времени и французской культуры весьма чувствительно.

Уже давно прошло время, когда всѣ образованные люди Европы смотрѣли только на Францію и съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за самымъ ничтожнымъ происшествіемъ въ Парижѣ. Теперь всѣ гораздо болѣе интересуются Берлиномъ и внутренними дѣлами державы, за которою признается наибольшая сила въ настоящей политической жизни Европы. Нельзя сказать, чтобъ и въ Германской имперіи парламентская дѣятельность шла нормальнымъ путемъ; но она сдерживается тамъ всесильною рукою монарха и энергически направляется великимъ государственнымъ человѣкомъ, историческія заслуги котораго признаются всѣми партіями. Происшедшее надняхъ закрытіе сессіи германскаго парламента заставляетъ сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Эта сессія, первая послѣ выборовъ новыхъ представителей, была одною изъ самыхъ оживленныхъ и между тѣмъ весьма мало производительна. И въ новомъ своемъ составѣ германскій парламентъ страдаетъ старымъ недугомъ: его партіи такъ раздроблены и мелки (онѣ раздробились теперь еще болѣе), что никакое, сколько-нибудь единообразное большинство въ немъ невозможно и оно, при всякомъ вопросѣ, образуется только изъ случайныхъ коалицій разныхъ фракцій, часто совсѣмъ противоположныхъ. Это явленіе, коренящееся въ средѣ самыхъ избирателей и объяснимое юностью Германіи на парламентской почвѣ, оправдываетъ кн. Бисмарка противъ обвиненій его въ ненависти къ представительной системѣ. Онъ не можетъ составить для себя правительственное большинство; но всякій другой государственный человѣкъ въ Берлинѣ былъ бы еще менѣе въ силахъ сдѣлать это, чѣмъ онъ. Онъ вынужденъ прибѣгать ко всякимъ коалиціямъ фракцій, чтобъ проводить свои законопроекты и мѣры; отсюда возникаетъ скудость законодательной дѣятельности, въ особенности въ послѣднее время, когда германскій канцлеръ предался чрезвычайно новой и оригинальной экономической политикѣ (такъ называемому государственному соціализму въ пользу рабочихъ классовъ), имѣющей за себя весьма мало искреннихъ приверженцевъ.

Вслѣдствіе упомянутыхъ обстоятельствъ многіе законопроекты были въ прошедшей сессіи отложены, и въ томъ числѣ почти всѣ мѣры по дальнѣйшему развитію соціальной политики (разные проекты распространенія государственныхъ и принудительныхъ мѣръ помощи рабочимъ классамъ). Нельзя кстати не замѣтить, что какъ по этой части, такъ и вообще по экономической и финансовой политикѣ, положеніе кн. Бисмарка невольно напоминаетъ о сходствѣ и противоположности его съ положеніемъ г. Гладстона: второй, самый замѣчательный финансистъ и государственный дѣятель по внутреннимъ дѣламъ, испыталъ горькія неудачи по выпавшимъ на его долю иностраннымъ дѣламъ, наиболѣе ему чуждымъ; первый, самый замѣчательный дипломатъ нашего времени, можетъ испытать такія же разочарованія по вдругъ захваченнымъ имъ въ свои руки финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, которыми онъ никогда прежде не занимался.

Соціалисты и соціальдемократы, для примиренія которыхъ была затѣяна вся эта соціальная политика кн. Бисмарка, нисколько ему не подчиняются и ратовали противъ него въ парламентѣ.

Составилось достаточное большинство въ парламентѣ только для проведенія двухъ крупныхъ мѣръ: разныхъ казенныхъ субсидій для поддержанія колоніальной политики, къ которой возбудился патріотическій духъ во всѣхъ партіяхъ, и новаго возвышенія таможеннаго тарифа, преимущественно на земледѣльческіе продукты. Послѣднею мѣрою, возбуждающею много раздраженія въ Германіи, кн. Бисмаркъ желалъ сдѣлать удовольствіе «аграрной» (землевладѣльческой или дворянской) группѣ, на которую онъ всего болѣе опирается.

Вся эта политическая система раздачи искусственныхъ воспособленій разнымъ общественнымъ классамъ и соблюденія равновѣсія между ними очень стара въ исторіи и много разъ оказывалась несостоятельною; она только прикрашена теперь нѣкоторыми новѣйшими красками «соціальной политики», но осталась въ сущности та-же самая.

Крайнее усиленіе таможеннаго протекціонизма въ Германіи вызываетъ протесты даже со стороны нѣмецкихъ протекціонистовъ (каковъ, напр., профес. Шмоллеръ). Послѣ эпохи повсемѣстнаго пониженія таможенныхъ налоговъ, въ духѣ свободы торговли, всѣ правительства, кромѣ Англіи, занялись теперь возвышеніемъ этихъ налоговъ. Этому нельзя удивляться. Всѣ успѣхи исторіи сопряжены съ волнообразными движеніями и никогда не идутъ постояннымъ, прямымъ и прогрессивнымъ шагомъ. Но поднявшаяся въ Европѣ таможенная война,—борьба таможенными репрессаліями, возвышеніе таможеннаго тарифа въ одной странѣ въ отместку за возвышеніе въ другой,—угрожаетъ сдѣлаться еще болѣе изнурительною для всѣхъ европейскихъ націй, чѣмъ настоящая война. Многіе весьма основательно думаютъ, что въ возвышеніи таможенныхъ налоговъ на ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ германскій канцлеръ, кромѣ милости для германскихъ землевладѣльцевъ, руководствовался также возвышеніями таможеннаго тарифа въ Россіи, для которой новая таможенная мѣра въ Германіи всегда болѣе невыгодна. Въ то-же время, у насъ раздались голоса за дальнѣйшее возвышеніе таможеннаго тарифа, въ видѣ репрессаліи противъ Германіи. Этому не можетъ быть конца, до тѣхъ поръ, пока громадная масса не только потребителей, но и производителей въ Европѣ, не заинтересованная въ недобросовѣстныхъ спекуляціяхъ на таможенный тарифъ, а заинтересованная только въ общемъ для всѣхъ интересѣ, въ удешевленіи жизни и возвышеніи своего благосостоянія, не сознаетъ этого интереса и не заговоритъ противъ этой гибельной войны. Эта реакція неизбѣжна и можетъ только ускорить повсемѣстное усиленіе таможеннаго протекціонизма, но до тѣхъ поръ сколько жертвъ принесутъ всѣ европейскіе народы на эту безсмысленную борьбу.

Всего менѣе удивительно, что таможенный протекціонизмъ, свирѣпствующій теперь во всей Европѣ, заразилъ и наше отечество; какъ никогда этого не было, ему предана теперь, за весьма немногими исключеніями, почти вся наша печать. Сколько-бы наши государственные мыслители и публицисты ни стремились къ самобытности и ни говорили объ ней, — и именно всего болѣе въ тѣхъ лагеряхъ, откуда съ наибольшею крайностью пропагандируется таможенный протекціонизмъ, — но мы до сихъ поръ все-таки продолжаемъ всего болѣе мыслить подъ дѣйствіемъ вѣтра изъ Западной Европы. Чтобы крѣпко стоять противъ него на своихъ ногахъ, наше просвѣщеніе и наша наука еще не довольно сильны и самостоятельны.

Крайній таможенный протекціонизмъ, завладѣвшій нашею печатью,—и къ тому-же въ такихъ чудовищныхъ формахъ, въ какихъ онъ неизвѣстенъ даже крайнимъ современнымъ протекціонистамъ Западной Европы, — далеко не единственный признакъ весьма жалкаго уровня экономическихъ и финансовыхъ понятій, заявляющихъ себя теперь въ нашемъ обществѣ. Эти странныя, крайне отсталыя понятія обнаруживаются по всѣмъ вопросамъ нашего

государственнаго и народнаго хозяйства, вопросамъ едвали не самымъ существеннымъ у насъ. Путаница этихъ понятій только немного извинительна вслѣдствіе современныхъ пертурбацій въ западно-европейской экономической наукѣ, мало понимаемыхъ нашими журнальными экономистами и финансистами, не потрудившимися ни надъ какой наукой. Всего хуже, что этою путаницею пользуются самые грубые личные матерьяльные интересы, и потому она составляетъ одно изъ печальнѣйшихъ явленій въ нашей общественной жизни настоящихъ дней, тормозящее всѣ наши успѣхи на экономической и финансовой почвѣ. Этотъ предметъ требуетъ болѣе пространнаго обсужденія, и мы имъ займемся въ другой разъ. Афганскій дипломатическій инцидентъ нѣсколько освѣтилъ также и этотъ предметъ. Въ ожиданіи войны, проявились такіе характеристическіе признаки нашего экономическаго положенія и были слышны такія сужденія въ нашей печати по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, которыя даютъ обильный матерьялъ для изученія нашего государственнаго и народнаго хозяйства, а также и воззрѣній на него нашей публикѣ.

В. Б.

III.

24 мая

Въ международной и политической жизни Европы послѣднихъ двухъ недѣль господствовало затишье, объяснимое отчасти Троицынымъ днемъ и перерывомъ парламентскихъ засѣданій по этому случаю. Афганскій вопросъ почти забытъ; по крайней мѣрѣ, совсѣмъ забыта всякая тревога по этому вопросу, хотя въ иностранныя газеты и проникали слухи, что будто-бы между Англіей и Россіей снова возникли какія-то пререканія относительно опредѣленія границъ нашихъ владѣній и Афганистана. Но никто этимъ не безпокоится, когда сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ нежеланіе войны со стороны обѣихъ державъ; можно, кажется, вполнѣ положиться на искусство дипломатовъ съ обѣихъ сторонъ, что, обезпеченные этимъ взаимнымъ миролюбіемъ и совершенною апатіей къ дѣлу со стороны самого Афганистана, они сумѣютъ успѣшно придти къ соглашенію. Оно тѣмъ болѣе незатруднительно, что разъ всякій вопросъ о международномъ самолюбіи и престижѣ устраненъ, техническая часть опредѣленія границъ Россіи и Афганистана въ этихъ малоплодныхъ туркменскихъ степяхъ, проведеніе граничной черты здѣсь или тамъ не представляютъ, ни для кого, ни малѣйшаго интереса. Подымавшіеся было у насъ совсѣмъ одинокіе воинственные голоса въ пользу колоссальнаго расширенія нашихъ владѣній до Гималая и Персидскаго залива, для разрѣшенія фантастическихъ задачъ въ Азіи, должны были смолкнуть передъ мудростью нашего правительства и всеобщимъ отвращеніемъ нашего общества отъ этой политики приключеній. А та или другая наша пограничная черта, — сѣвернѣе или южнѣе въ туркменскихъ степяхъ, — совершенно безразлична и для насъ, и для всѣхъ. Гораздо важнѣе всего этого вопроса о разграниченіи Афганистана сдѣланныя распоряженія о продолженіи закаспійской желѣзной дороги до Асхабада и Мерва; эта дорога и дальнѣйшее ея развитіе и на сѣверъ, къ нашей Туркестанской области, и на югъ, къ Афганистану, прочнѣе всего обезпечатъ и наши коммерческіе, и наши стратегическіе интересы, — гораздо лучше, чѣмъ та или другая граница въ туркменскихъ пескахъ.

Со стороны Англіи едва-ли можно ожидать какихъ-либо затрудненій къ мирному соглашенію. Воинственный задоръ давно въ ней улегся, въ виду множества и внѣшнихъ и въ особенности внутреннихъ замѣшательствъ, несравненно болѣе заслуживающихъ вниманія ея государственныхъ людей, чѣмъ призрачныя угрозы Россіи великобританскому могуществу въ Индіи. При миролюбіи же и благоразуміи нашего правительства, невозможно ожидать, чтобъ оно злоупотребило этою нуждою Англіи въ мирѣ, чтобъ оно потребовало отъ нея невозможныхъ уступокъ и тѣмъ заставило бы ее взяться за оружіе вопреки своему желанію. Миролюбивое настроеніе Англіи обнаружилось надняхъ командировкою въ Берлинъ молодаго члена великобританскаго кабинета, лорда Росберри, пользующагося высокимъ общественнымъ положеніемъ, — друга сына кн. Бисмарка. Пребываніе лорда Росберри въ Берлинѣ возбудило много

няетъ поляковъ изъ областей, на которыя они предполагаютъ за собою историческое право; онъ началъ съ пришлаго польскаго населенія и теперь хочетъ превратить все польское землевладѣніе въ нѣмецкое, сперва скупая земли у поляковъ и угрожая впослѣдствіи окончательною ихъ экспропріаціей. Онъ прямо говорилъ, что можно быть увѣреннымъ въ освобожденіи Пруссіи и съ нею Германіи отъ угнетающаго ихъ польскаго вопроса, только если всѣ поляки высшихъ классовъ, всѣ польскіе помѣщики и политики будутъ выселены въ другія страны Европы; для этого, съ своею обычною манерою глумленія, кн. Бисмаркъ рекомендовалъ имъ Парижъ и Монако и обѣщалъ доставить имъ средства для пріятной тамъ жизни на счетъ прусской государственной казны, черезъ хорошее вознагражденіе за экспропріированныя ихъ земли. Кн. Бисмаркъ неоднократно объяснялъ, проектируя свои мѣры, что онѣ дѣйствительно соотвѣтствуютъ политикѣ «желѣза и огня», необходимой въ этомъ случаѣ, что, когда предстоитъ опасность для государства, тогда всякія соображенія гуманности должны быть откинуты.

Которая изъ двухъ этихъ крайне-противоположныхъ другъ другу политикъ будетъ успѣшнѣе — можетъ рѣшить только время, и очень продолжительное время. Во всякомъ случаѣ, для государственнаго искусства будущаго будутъ весьма назидательны, а для будущихъ историческихъ изслѣдованій въ высшей степени интересны—великіе государственные опыты, предпринимаемые теперь двумя могущественными европейскими націями надъ разрѣшеніемъ весьма одинаковыхъ національныхъ вопросовъ,—труднѣйшихъ вопросовъ нашего времени.

Наконецъ, есть и еще нѣчто общее въ этихъ отважныхъ государственныхъ предпріятіяхъ Великобританіи и Пруссіи. И г. Гладстонъ и князь Бисмаркъ хотятъ, независимо отъ національнаго польскаго и ирландскаго вопросовъ, водворить, на государственный счетъ, мелкое крестьянское землевладѣніе на мѣстѣ крупнаго помѣщичьяго въ Ирландіи и въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Эта сторона государственныхъ мѣропріятій, о которыхъ мы говоримъ, уже переноситъ насъ совсѣмъ въ другую сферу—такъ называемаго соціальнаго вопроса, который болѣе и болѣе наступаетъ на всю Европу и какъ-будто готовъ отодвинуть на задній планъ вопросъ національный, составляющій до сихъ поръ главное бремя европейской государственной жизни въ нынѣшнемъ столѣтіи. Оба государственныхъ человѣка смѣло обращаются къ системѣ государственнаго соціализма, къ принудительному надѣленію землею рабочихъ классовъ на государственный счетъ, для устраненія висящаго надъ западно-европейскими государствами соціальнаго вопроса. Для насъ, въ Россіи, весьма утѣшительно, что, послѣ освобожденія крестьянъ и положенія 19 февраля 1861 г., мы не можемъ нуждаться въ подобныхъ рискованныхъ государственныхъ экспериментахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они для насъ въ высшей степени назидательны: въ виду ихъ, мы, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, должны дорожить нашимъ крестьянскимъ землевладѣніемъ. Въ Западной Европѣ оно создается съ величайшими затрудненіями, а у насъ испоконъ-вѣку существуетъ. Поэтому и необходимо наконецъ подумать объ его охранѣ и принять рѣшительныя мѣры противъ начавшагося скупа крестьянскихъ надѣловъ и перехода ихъ въ кулацкія руки. Для этого необходимы неотчуждаемость общинной поземельной собственности, воспрещеніе выкупа въ личную собственность крестьянскихъ надѣловъ или, по крайней мѣрѣ, воспрещеніе продажи ихъ лицамъ, непринадлежащимъ къ мѣстному сельскому обществу. Объ этомъ вопросѣ у насъ давно говорятъ, но съ нѣкоторыхъ поръ объ немъ какъ-то перестали думать.

Во внутренней жизни нашего отечества, за послѣднее время, всего болѣе обращали на себя вниманіе государственные финансы. Главными поводами къ обсужденію этого предмета въ нашей періодической печати послужили обнародованный отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи государственной росписи за 1884 г. и роспись на 1886 г. со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ ней министра финансовъ. Общіе

неудовлетворительные результаты нашего финансоваго положенія, изложенные въ этихъ документахъ, произвели весьма непріятное впечатлѣніе, которое возбудило жалобы на разстройство нашихъ финансовъ и нападки на наше финансовое управленіе, наполняющія почти всѣ наши газеты. Въ разсмотрѣніе обширной газетной литературы, посвященной нашимъ финансамъ, мы входить не будемъ, такъ какъ большая часть этой литературы и въ особенности всѣ шумливыя финансовыя статьи, осуждающія наше финансовое положеніе, изобличають полное непониманіе дѣла со стороны ихъ авторовъ. Мы укажемъ здѣсь только на самыя существенныя черты нашего финансоваго положенія, истекающія изъ упомянутыхъ выше оффиціальныхъ документовъ.

Государственная роспись на 1886 г. заключена съ дефицитомъ въ обыкновенныхъ доходахъ и расходахъ на $25^1/_4$ мильоновъ рублей. Такого значительнаго бюджетнаго дефицита въ обыкновенныхъ доходахъ и расходахъ уже давно у насъ не показывалось; можно утѣшаться тѣмъ, что эта дефицитная цифра откровеннѣе прежнихъ нашихъ бюджетныхъ балансовъ. Но все-таки нельзя сомнѣваться, что при сверхсмѣтныхъ расходахъ, вошедшихъ въ наши финансовыя привычки, дѣйствительная цифра дефицита въ 1886 г. далеко превзойдетъ бюджетную. Мы еще не имѣемъ свѣдѣній объ исполненіи государственной росписи за 1885 г., но, на основаніи разсужденій г. министра финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1886 г. и на основаніи контрольныхъ отчетовъ за предыдущіе годы, имѣемъ полное право предполагать, что дѣйствительный дефицитъ за 1885 г. былъ гораздо значительнѣе бюджетнаго (около 8 мил.). Согласно отчетамъ государственнаго контроля, дѣйствительный дефицитъ въ 1884 году составилъ $23^1/_4$ мил. (бюджетный былъ показанъ въ $11^1/_2$ мил,), а въ 1883 г. дѣйствительный дефицитъ составилъ $24^1/_2$ мил. вмѣсто ожидавшагося превышенія доходовъ надъ расходами въ $1^1/_2$ мил.

Такимъ образомъ, дефицитъ въ обыкновенныхъ нашихъ государственныхъ доходахъ и расходахъ сдѣлался нормальнымъ или хроническимъ за послѣдніе годы. Это явленіе, ослабляющее могущество государства и его внутреннюю и международную дѣятельность, не можетъ не возбуждать серьезныя заботы правительства и нѣкоторую тревогу въ публикѣ. Если-бы дѣло шло только о случайномъ или чрезвычайномъ дефицитѣ, о недостаточности обыкновенныхъ доходовъ государства для покрытія его чрезвычайныхъ расходовъ, то объ этомъ не стоило бы безпокоиться.

Само собою разумѣется, что, прежде всякаго разсужденія о средствахъ къ исправленію этого зла, тутъ долженъ быть поставленъ вопросъ о причинахъ этого дефицита, получившаго въ послѣдніе годы характеръ хроническій. Этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго тщательнаго изслѣдованія и самаго строгаго вниманія, такъ какъ подобные дефициты и финансовые недуги имѣютъ весьма разнообразныя причины, болѣе или менѣе зловредныя и устранимыя весьма разнородными средствами. Мы можемъ сдѣлать здѣсь только нѣсколько весьма бѣглыхъ указаній на вопросы, возбуждаемые этимъ печальнымъ финансовымъ явленіемъ.

Во всеподаннѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ все неудовлетворительное положеніе нашего бюджета объясняется современнымъ промышленнымъ кризисомъ, «охватившимъ многія отрасли народнаго хозяйства какъ въ Россіи, такъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы», и въ особенности сельское хозяйство. Но кризисъ, какъ всякій кризисъ, есть по самой натурѣ своей явленіе преходящее, временное,—если только подъ этимъ именемъ не разумѣются болѣе глубокіе и продолжительные недуги государственнаго и народнаго хозяйства. А нашъ бюджетный дефицитъ продолжается многіе годы; если-бы мы заглянули далеко назадъ, за четыре послѣдніе года, о которыхъ упомянули выше, то нашли бы его и тамъ, въ томъ-же хроническомъ видѣ. Затѣмъ, не смотря на промышленный кризисъ, парализующій источники народнаго богатства и съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляющій естественный ростъ

государственныхъ доходовъ, бюджетное равновѣсіе должно быть все-таки непремѣнно возстановлено, и хроническій дефицитъ въ обыкновенныхъ доходахъ и расходахъ устраненъ, какъ величайшее государственное зло.

Задумываясь надъ этою мыслью, нельзя не обратить самое серьезное вниманіе на одно весьма выпуклое и болѣзненное явленіе въ исторіи нашихъ государственныхъ финансовъ за послѣдніе годы: наши обыкновенные государственные расходы непрерывно возрастаютъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ наши обыкновенные государственные доходы. Такимъ образомъ, даже на 1886 г., когда ожиданія г. министра финансовъ далеко не блистательны, доходы должны увеличиться только на 11 мильоновъ, а расходы на 28½ мильоновъ, если даже предположить, что бюджетныя предвидѣнія будутъ вѣрны и что дѣйствительное исполненіе бюджета будетъ не хуже этихъ цифръ.

Въ указанномъ явленіи слѣдуетъ видѣть коренную финансовую причину нашихъ дифицитовъ, кромѣ временнаго ослабленія въ ростѣ государственныхъ доходовъ подъ вліяніемъ ослабленія въ развитии нашей промышленности. Изъ изложеннаго нами взгляда можетъ быть выведена необходимость сокращенія нашихъ государственныхъ расходовъ. Объ этомъ сокращеніи уже давно у насъ говорили, и для этой цѣли была даже учреждена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, особая коммисія, труды которой остаются до сихъ поръ неизвѣстны. Но сущность финансовой задачи, выше намѣченной, состоитъ собственно не въ сокращеніи, а въ пересмотрѣ нашихъ государственныхъ расходовъ. Одни наши расходы излишне-роскошливы, другіе совсѣмъ не нужны для пользы государства; но, въ то-же время, многіе иные расходы совсѣмъ недостаточны и скупы для своихъ государственныхъ цѣлей. Весьма многіе наши государственные расходы, не смотря на свое совершенное излишество, имѣютъ инертную силу возрастанія, и таковы почти всѣ наши расходы, каковы бы ни были ихъ абсолютныя цифры, ихъ отношенія къ удовлетворяемымъ ими государственнымъ потребностямъ и соразмѣрность дѣйствительной государственной нужды и пользы, заключающихся въ этихъ потребностяхъ. Поэтому необходимъ пересмотръ всей системы нашихъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ,—пересмотръ, имѣющій въ виду только государственную пользу и справедливость и независимый отъ отдѣльныхъ интересовъ вѣдомствъ и лицъ. Такого общаго пересмотра у насъ уже давно не было, и онъ невозможенъ при обыкновенномъ порядкѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ смѣтъ.

Само собою разумѣется, что этою задачею далеко не исчерпываются вопросы о нашихъ государственныхъ финансахъ; но мы могли коснуться здѣсь только тѣхъ изъ этихъ вопросовъ, которые возникаютъ съ перваго взгляда на нынѣшнее наше финансовое положеніе.

III

11 февраля

Балканскія дѣла. Соглашеніе Порты съ княземъ болгарскимъ относительно Восточной Румеліи; возраженія Россіи. Прокламація Петра Карагеоргіевича и путешествіе князя черногорскаго. Дѣйствія державъ относительно Греціи. Единодушіе Европы.—Бунтъ въ Лондонѣ; его особенный характеръ. Затруднительное положеніе кабинета г. Гладстона.—Разные признаки гражданской смуты въ Европѣ.—Г. Бали объ убійствѣ Вотрена.—Примиреніе Пруссіи съ латинской церковью.—Возобновленіе германскаго закона противъ соціалистовъ.—Промышленный застой въ Россіи.

До сихъ поръ 1886-й годъ большею частью оправдываетъ мрачныя ожиданія, съ нимъ связывавшіяся къ концу истекшаго года.

Мы должны прежде всего упомянуть о восточномъ вопросѣ, который продолжаетъ висѣть грозною тучею надъ всей европейскою жизнью. Очень немногое выяснилось въ балканскихъ дѣлахъ въ послѣдніе дни, и очень неопредѣленно будущее, даже самое ближайшее. О движеніи международныхъ вопросовъ, даже тѣхъ, въ которыхъ мы прямо заинтересованы, мы узнаемъ что-нибудь только изъ иностранныхъ источниковъ, главнѣйше изъ сообщеній министровъ Великобританіи и ея парламентскихъ преній. Нашъ дипломатическій органъ, хотя и не отказывается повременамъ посвящать русскую публику въ тайны дипломатіи и дѣлаетъ это въ послѣднее время довольно часто, но его откровенія облечены въ такія общія фразы, большею частью даже таинственныя, переполненныя только смутными намеками, что изъ нихъ невозможно извлечь никакихъ точныхъ указаній на настоящее положеніе дѣлъ. Густой туманъ продолжаетъ лежать на Балканскомъ полуостровѣ, и мы не знаемъ, на что мы можемъ наткнуться нѣсколько шаговъ впереди. При этомъ туманѣ, особенно впечатлительны слова, сказанныя г. Гладстономъ въ первомъ его парламентскомъ сообщеніи послѣ окончательной организаціи его кабинета, если только эти слова вѣрно переданы телеграфомъ. Глава новаго великобританскаго кабинета сообщилъ будто-бы парламенту, что положеніе восточнаго вопроса теперь «критическое»! Подождемъ подлинной рѣчи великобританскаго премьера, чтобы положительно судить объ этомъ критическомъ положеніи.

Между тѣмъ въ точности намъ извѣстны немногіе новые факты относительно балканскихъ дѣлъ, а что извѣстно—мало успокоительно. Въ то время, какъ срокъ перемирія между Сербіей и Болгаріей уже истекъ и военныя операціи между ними могутъ всегда возобновиться (послѣ условленнаго взаимнаго предупрежденія о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій), переговоры ихъ о мирѣ въ Бухарестѣ нисколько не подвинулись впередъ. Самымъ важнымъ фактомъ въ послѣдніе дни на Балканскомъ полуостровѣ—было соглашеніе Порты съ княземъ болгарскимъ относительно Восточной Румеліи. Какъ уже давно ожидалось, соглашеніе это заключается въ назначеніи князя Александра Батенбергскаго генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи на пять лѣтъ. Такимъ образомъ, должно, казалось-бы, разрѣшиться возвѣщенное на весь свѣтъ болгарскимъ правительствомъ, въ сентябрѣ прошедшаго года, послѣ филиппопольскаго переворота, объединеніе обѣихъ Болгарій! Этотъ договоръ Порты съ княземъ Батенбергскимъ сообщенъ ею великимъ державамъ для полученія ихъ на то согласія. Изъ газетныхъ свѣдѣній, кажется вполнѣ достовѣрныхъ, подтверждаемыхъ отчасти и нашею французскою дипломатическою газетой, видно, что противъ этого договора возражала только Россія. Нельзя удивляться, что наше правительство, — если только, послѣ всѣхъ бывшихъ недоразумѣній съ княземъ Александромъ, оно не рѣшилось покинуть Болгарію на ея собственную судьбу, — возражало преимущественно противъ двухъ пунктовъ соглашенія съ нимъ Порты: противъ проектированнаго оборонительнаго и наступательнаго между ними союза, т. е. обязательства Болгаріи ставить свои войска подъ

знамена Турціи во всѣхъ ея войнахъ, и также противъ предполагавшагося возобновленія всего этого договора, по истеченіи пяти лѣтъ, безъ согласія великихъ державъ. Обязательство ставить христіанскія войска подъ знамя Магомета—дѣло неслыханное въ исторіи Оттоманской имперіи; даже въ періоды величайшаго своего могущества она не налагала этой повинности на подвластные ей христіанскіе народы. Тѣмъ не менѣе, это слишкомъ натуральное возраженіе Россіи толкуется враждебными намъ органами иностранной печати въ томъ смыслѣ, что Россія противится такимъ отношеніямъ Болгаріи къ Портѣ, которыя должны освободить болгарскую націю и ея войска отъ подчиненія русскому правительству. Казалось бы, что послѣ всего того, что произошло между нашимъ правительствомъ и княземъ Александромъ Батенбергскимъ,—по крайней мѣрѣ пока онъ еще на престолѣ Болгаріи,—не можетъ быть никакого вопроса о ея подчиненіи Россіи! Вмѣстѣ съ тѣмъ въ непріязненной намъ европейской печати сообщаются и такія свѣдѣнія, что будто-бы главнымъ побужденіемъ Россіи въ ея возраженіяхъ противъ соглашенія Порты съ княземъ болгарскимъ служитъ желаніе Россіи, чтобы вмѣсто этой личной и случайной уніи произошло полное объединеніе обѣихъ Болгарій, согласно желаніямъ болгарскаго народа, заявившимъ себя въ филиппопольскомъ переворотѣ, и согласно предначертаніямъ санъ-стефанскаго договора. О тѣхъ или другихъ побужденіяхъ нашего правительства, въ происходящихъ дипломатическихъ переговорахъ относительно балканскихъ дѣлъ, мы не имѣемъ никакого основанія судить. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что неудовольствіе противъ Россіи вслѣдствіе ея возраженій Портѣ высказывается даже органами, отчасти офиціозными, отчасти дружественными правительствамъ въ двухъ союзныхъ намъ державахъ, въ Австро-Венгріи и даже Германіи. По газетнымъ свѣдѣніямъ, кажется, достовѣрнымъ, Порта отчасти уступила, отчасти не уступаетъ возраженіямъ Россіи. Дальнѣйшій ходъ этихъ переговоровъ неизвѣстенъ. Итакъ первый вопросъ, который зажегъ весь пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ и который, казалось, былъ близокъ къ своей развязкѣ, все еще находится въ смутномъ положеніи. Такъ-же смутны и тревожны для мира всѣ другія извѣстія о юго-востокѣ Европы.

Весьма значительнымъ фактомъ въ ходѣ балканскихъ дѣлъ была прокламація Петра Карагеоргіевича къ сербскому народу. Обвиняя самымъ жестокимъ образомъ короля Милана въ измѣннической политикѣ противъ своего народа и всего славянскаго міра и представляя положеніе Сербіи въ самомъ мрачномъ видѣ, Петръ Карагеоргіевичъ заявляетъ себя претендентомъ на сербскій престолъ, готовымъ занять его по первому призыву сербовъ. Съ этимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ предполагалась связь путешествія по всей Европѣ князя Николая Черногорскаго, находящагося въ родственныхъ отношеніяхъ къ князю Петру Карагеоргіевичу. Это путешествіе князя черногорскаго, самаго дружественнаго Россіи государя на Балканскомъ полуостровѣ, и въ особенности пребываніе его въ Петербургѣ произвели шумъ въ европейской печати. Но до сихъ поръ не видно никакихъ послѣдствій двухъ упомянутыхъ фактовъ, хотя и невозможно предполагать, чтобъ они остались безъ всякаго значенія въ дальнѣйшемъ ходѣ балканской смуты.

Всего болѣе тревоги возбуждаетъ до сихъ поръ воинственный пылъ грековъ, при крайней неурядицѣ ихъ государственной жизни. Великія державы продолжаютъ производить давленіе на Грецію, угрожая ей даже своими флотами, но до сихъ поръ довольно безуспѣшно. Всего успокоительнѣе, въ этомъ отношеніи, были рѣшительное присоединеніе къ другимъ державамъ г. Гладстона, несмотря на его извѣстное эллинофильство, и продолженіе имъ политики предыдущаго кабинета, въ чемъ было прежде сомнѣніе. Но, какъ ни внушительны настоянія великихъ державъ относительно разоруженія, имъ плохо внемлютъ и Греція и Сербія, будучи увѣрены, что до совокупныхъ принудительныхъ дѣйствій державъ дойти не можетъ, что «Европа» существуетъ только на бумагѣ и въ академическихъ дипломатическихъ разговорахъ

Въ дѣйствительное единодушіе Европы никто не вѣритъ. Всѣмъ этимъ малымъ балканскимъ государствамъ, въ особенности при крайнемъ разстройствѣ ихъ внутреннихъ дѣлъ, терять нечего отъ войны, какія бы ни были ея послѣдствія, а всякое новое вооруженное столкновеніе на Балканскомъ полуостровѣ должно неминуемо привести къ столкновенію между великими державами при совершенной разнородности и враждебности ихъ интересовъ, которыя уже столько разъ обнаруживались даже посреди самыхъ пламенныхъ заявленій всѣхъ офиціозныхъ газетъ о единодушіи Европы.

Можно до нѣкоторой степени вѣрить въ это единодушіе, только совсѣмъ въ отрицательномъ смыслѣ: всѣ великія державы,—каждая по своимъ причинамъ, — не желаютъ приступить нынѣ къ рѣшенію восточнаго вопроса, который будетъ тотчасъ поставленъ во всемъ своемъ объемѣ при какой бы то ни было новой войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Всего болѣе ручается за этого рода единодушіе положеніе Великобританіи, которая переживаетъ глубокій внутренній кризисъ, и отъ которой, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, всегда всего скорѣе ожидать разстройства европейскаго концерта. Съ другой стороны, иные, напротивъ, думаютъ, что Англія можетъ быть расположена отвлечь умы своего общества отъ внутреннихъ замѣшательствъ къ иностраннымъ предпріятіямъ. Но это несогласно съ преданіями и политическимъ духомъ ея государственныхъ людей и всѣхъ ея партій.

Самымъ впечатлительнымъ событіемъ послѣднихъ двухъ недѣль, сосредоточившимъ на себѣ наибольшее вниманіе всего свѣта, былъ бунтъ на лондонскихъ улицахъ, бушевавшій въ теченіе двухъ цѣлыхъ дней (27 и 28 января). Ничего подобнаго Англія не запомнитъ въ своей исторіи. Не только англичане, но весь міръ былъ убѣжденъ, что она навсегда застрахована своими учрежденіями и своимъ народнымъ духомъ отъ подобныхъ безпорядковъ. Это было настоящее революціонное движеніе, тождественное съ такъ называемыми парижскими journées, возстаніями народныхъ массъ въ революціонныя эпохи Франціи. Многотысячныя толпы черни и рабочихъ неистовствовали на лондонскихъ улицахъ, разрушая и разграбляя магазины, клубы, всякое имущество богатыхъ людей и производя всяческія насилія противъ высшихъ классовъ. Руководили этими безобразіями нѣсколько соціалистовъ-демагоговъ, которые развернули красное знамя и проповѣдывали толпѣ соціальную революцію, сокрушеніе всего существующаго государственнаго и общественнаго строя. Вотъ эта-то послѣдняя черта придаетъ особенный характеръ этимъ народнымъ волненіямъ, еще никогда небывалый въ Великобританіи, прирожденный Франціи и оттуда распространившійся по континентальной Европѣ. Кромѣ ирландцевъ, враждующихъ съ великобританскими государственными учрежденіями изъ-за одной національной ненависти, Великобританія не знала до сихъ поръ другихъ революціонеровъ; этимъ она всего болѣе гордилась и, безбоязненно для себя, гостепріимно принимала у себя демагоговъ всего свѣта. А тутъ впервые появляются народныя толпы чистокровныхъ англичанъ, готовыя къ насильственному и систематическому низверженію не только государственнаго, но и общественнаго порядка, отрицающія не только отъ многовѣковыхъ государственныхъ учрежденій Англіи, но и отъ соціальныхъ (правъ собственности), и желающія ихъ разрушить вооруженною рукою. Бывали насилія рабочихъ противъ фабрикантовъ; но они имѣли характеръ частныхъ ссоръ, безъ всякаго соціалистическаго и революціоннаго оттѣнка. Подобные же безпорядки были въ нѣсколькихъ большихъ городахъ Англіи.

Все это движеніе, сперва утихшее, снова возобновляется, и неизвѣстно что дальше будетъ. Впечатлѣніе его на англійское общество было, можно сказать, ошеломляющее. Первое время въ Лондонѣ господствовала паника; теперь всѣ разсчитываютъ, въ случаѣ возобновленія безпорядковъ, на самыя энергическія дѣйствія правительства, какія всегда принимаются въ Англіи противъ насильственныхъ нарушеній порядка. Англійскія газеты говорятъ

весьма сдержанно объ этихъ явленіяхъ, крайне непріятныхъ для ихъ національнаго самолюбія, стараясь не придавать имъ особаго значенія. Всего болѣе раздраженія, въ особенности въ оппозиціонной и консервативной печати, высказывается противъ полиціи, допустившей эти безпорядки. Они захватили врасплохъ полицію, также какъ и все англійское общество.

Дѣло въ томъ, что въ Лондонѣ, на Трафальгарской площади, этомъ обычномъ мѣстѣ народныхъ митинговъ, готовилось огромное сборище рабочихъ, не имѣющихъ занятій, для обсужденія печальнаго своего положенія, вслѣдствіе застоя промышленности, и заявленія своихъ желаній правительству. Такія сборища не представляютъ собою ничего новаго, необычайнаго и страшнаго для лондонской полиціи. По принятому порядку, она не сочла себя въ правѣ сколько-нибудь стѣснять самыя ожесточенныя словесныя манифестаціи, даже демагогическія рѣчи соціалистовъ, приглашавшихъ народъ къ немедленной кровавой расправѣ съ высшими и имущими классами.

Эти соціалисты, въ сопровожденіи самыхъ грязныхъ и преступныхъ подонковъ черни, чуждыхъ всякой политикѣ и готовыхъ на всякую мерзость, прибавились, какъ совсѣмъ посторонняя струя, къ массамъ голодающихъ рабочихъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ полиціи, которая весьма многочисленна въ Лондонѣ и не успѣла собрать свои силы, толпа черни, воодушевившись демагогическими рѣчами соціалистовъ, быстро перешла, по ихъ указаніямъ, отъ рѣчей и словопреній къ насиліямъ, и неистовству — по всѣмъ богатымъ кварталамъ Лондона. Такова сущность этихъ волненій, какъ объясняетъ ихъ англійская печать.

Могутъ-ли всѣ эти печальныя и омерзительныя явленія, которымъ до сихъ поръ была чужда въ западной Европѣ покрайней мѣрѣ Англія, не внушать глубокаго унынія не только англійскому, но и всему европейскому обществу. Многочисленные враги Англіи и свободныхъ государственныхъ учрежденій — съ крайнимъ злорадствомъ повсемѣстно раздуваютъ эти явленія и какъ-будто ликуютъ. Но эта радость слишкомъ мрачная для мыслящихъ и образованныхъ людей, къ какой-бы націи они ни принадлежали. Нужно однако замѣтить, что, при всемъ сходствѣ лондонскихъ революціонныхъ безпорядковъ съ парижскими и вообще континентальными, между ними есть и существенныя различія. Во-первыхъ, массы рабочихъ, даже и голодающихъ, оставались въ сторонѣ отъ этого революціоннаго движенія и протестовали противъ него вслѣдъ затѣмъ и публично, и въ печати. Во-вторыхъ, не только ни одинъ образованный и сколько-нибудь порядочный англичанинъ, ни одинъ политическій человѣкъ не принималъ участія въ этихъ безпорядкахъ, но люди самыхъ радикальныхъ оттѣнковъ заявляютъ свое крайнее негодованіе и необходимость принятія самыхъ энергическихъ противъ нихъ мѣръ.

Лондонскіе безпорядки какъ нарочно совпали со вступленіемъ въ дѣйствіе кабинета г. Гладстона; онъ и безъ того находится въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, а тутъ новый случай для его осужденія со стороны его враговъ. Оппозиціонная консервативная печать весьма недовольна мягкостью мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ бунтовщиковъ. Главное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ заключается въ учрежденіи коммисіи для изслѣдованія причинъ безпорядковъ (не слѣдствія) и также бездѣйствія полиціи. Три главные вожака соціалистовъ преданы суду за возмутительныя рѣчи, но отпущены на-поруки. Для пособій рабочимъ, не имѣющимъ занятій, въ Лондонѣ идетъ подписка, въ которой приняли живое участіе всѣ значительныя лица, начиная съ королевы. Въ нѣсколько первыхъ дней было собрано до 400,000 руб. Можно быть увѣреннымъ, что великобританская нація не останется бездѣйствующею передъ открывшимся зломъ, что она взглянетъ на него лицомъ къ лицу, изслѣдуетъ его въ корнѣ и не остановится ни передъ какими мѣрами, необходимыми для его устраненія. Если окажется къ этому несостоятельнымъ нынѣшнее министерство, то его смѣнитъ другое. Вскорѣ мы узнаемъ изъ парламент-

скихъ преній дѣйствительное положеніе дѣлъ, о которомъ нельзя вѣрно судить по газетнымъ статьямъ и телеграммамъ.

Нужно также ожидать полныхъ свѣдѣній о возобновившихся засѣданіяхъ парламента, чтобы судить о намѣреніяхъ новаго кабинета. До сихъ поръ извѣстно только, что шаги его очень робки, что онъ идетъ ощупью, не смотря на рѣшительность и отважность, съ которыми г. Гладстонъ взялся снова за власть. По главному вопросу—ирландскому онъ еще не имѣетъ никакой программы, а хочетъ предварительно изслѣдовать и изучить положеніе дѣлъ въ Ирландіи, какъ онъ объ этомъ заявилъ въ обращеніи къ своимъ избирателямъ и въ письмѣ къ ирландскому лорду Весчи. Немудрено, что г. Гладстонъ недоумѣваетъ. Несмотря на самые радикальные политическіе принципы, возвѣщенные имъ при низверженіи кабинета лорда Салисбери, всѣ крайніе элементы и въ Ирландіи и въ Англіи,—какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ,—стали требовать отъ правительства еще болѣе, чѣмъ прежде. Въѣздъ новаго вице-короля, лорда Эбердина, въ Ирландію, былъ встрѣченъ манифестаціями ирландцевъ, враждебными не только министерству, но и самой королевѣ, т. е. коронѣ великобританской. Противъ самого г. Парнелля, на котораго рѣшился опереться г. Гладстонъ, возстаютъ крайніе ирландскіе сепаратисты, не примиряющіеся ни на чемъ другомъ, кромѣ политической независимости Ирландіи.

Совокупно съ революціонными безпорядками въ Англіи, стихіи гражданской смуты заявили себя, въ послѣднее время, разными вспышками и признаками повсемѣстно въ Европѣ. Всего рѣзче были эти признаки во Франціи. Хотя въ этой странѣ уже давно свыклись со всякими демагогическими явленіями и давно перестали чему-бы то ни было удивляться, но всетаки французское общество было поражено безобразными выходками въ палатѣ депутатовъ новаго ея члена, г. Бали, по поводу стачки и волненій рабочихъ на каменноугольныхъ копяхъ въ Деказевилѣ. Выходки этого почтеннаго депутата, бывшаго кабатчика въ окрестностяхъ Парижа, напомнили о худшихъ дняхъ французскаго террора великой революціи, съ которымъ, казалось, навсегда покончили успѣхи европейской цивилизаціи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Деказевильскіе рабочіе, которые не имѣли никакихъ законныхъ поводовъ жаловаться на управленіе копями, всячески заботившееся объ ихъ благосостояніи, и которые насильственно требовали возвышенія заработной платы и сокращенія рабочихъ часовъ, совершили звѣрское убійство главнаго инженера, г. Вотреня, ни въ чемъ неповиннаго. Они были отданы подъ судъ. За это депутатъ Бали сдѣлалъ интерпелляцію правительству, осуждая его и возводя преступленіе деказевильскихъ рабочихъ на степень великаго подвига, справедливой казни рабочаго пролетаріата надъ преступными представителями капитала! Цѣлое засѣданіе французскаго парламента было посвящено croнѣ его президента и министровъ съ этимъ неистовымъ депутатомъ, который, опираясь на свою депутатскую безнаказанность, произносилъ демагогическія соціалистическія рѣчи, недопускаемыя во Франціи на площади. Во французскихъ газетахъ сообщаютъ, что г. Бали полуграмотенъ, и доказываютъ это опубликованіемъ его писемъ. Но это нисколько не ослабляетъ прискорбности подобныхъ явленій, унижающихъ парламентское правленіе. Каждый себя спрашиваетъ, какимъ образомъ такіе полудикари попадаютъ въ народные представители? Однако крайности зла часто бываютъ цѣлительны. Не только французская палата со всѣми своими радикальными группами была возмущена противъ рѣчей г. Бали, но громкое негодованіе противъ него высказали даже такіе люди, какъ г. Клемансо, глава крайней радикальной партіи, и даже такой недавній демагогъ, какъ г. Рошфоръ!

Въ послѣднее время, всюду, даже въ Сѣв. Америкѣ, снова напомнили о своемъ существованіи и возбудили тревогу всѣхъ правительствъ анархическія стихіи, подкапывающіяся подъ государственныя и общественныя основы образованнаго историческаго міра. Эти стихіи, совсѣмъ неизвѣстныя въ прежнія столѣтія европейской исторіи до конца XVIII, продолжаютъ

свою подпольную работу во всѣхъ государствахъ, вопреки самымъ разнороднымъ условіямъ ихъ государственнаго быта. Онѣ не примиряются ни съ какими формами европейскаго государственнаго правленія, которыя всѣ безъ исключенія, и монархическія, и республиканскія, одинаково имъ ненавистны. Эти стихіи составляютъ теперь главное препятствіе ко вступленію государственной жизни въ Европѣ на нормальный путь политической и гражданской свободы и правильныхъ реформъ. Подъ паническимъ страхомъ разрушительнаго дѣйствія этихъ стихій, государственная дѣятельность всюду идетъ по искривленнымъ линіямъ, то вслѣдствіе малодушныхъ уступокъ анархистамъ, какъ напр. во Франціи, то вслѣдствіе необходимости усиленной охраны противъ нихъ общественнаго порядка, какъ въ другихъ странахъ. Въ Австріи, правительство проектировало цѣлый рядъ мѣръ такой охраны, наподобіе германскаго закона о социалистахъ. Въ германскомъ парламентѣ обсуждается теперь предложеніе правительства о продолженіи еще на пять лѣтъ этого временнаго закона, значительно стѣсняющаго общественную свободу (слова, печати, ассоціацій и проч.). Это предложеніе встрѣчаетъ оппозицію со стороны нѣкоторыхъ партій. Пренія по этому предмету только-что начались и обѣщаютъ быть весьма плодотворными для освѣщенія какъ фактическаго положенія этой главной злобы дня въ современной Европѣ, такъ и воззрѣній разныхъ политическихъ партій на нее и на способы борьбы съ нею.

Важнѣйшее событіе въ Германіи—ожидавшееся заключеніе мира между прусскимъ правительствомъ и Ватиканомъ, или прекращеніе такъ называемаго Kultur-kampf'а, продолжавшагося много лѣтъ. Князь Бисмаркъ предлагаетъ прусскому ландтагу измѣненіе законовъ, стѣснившихъ съ 70-хъ годовъ независимость латинской церкви, ея духовенства и папской власти по отношенію къ государству; въ сущности предлагается, хотя и нѣсколько въ скрытой формѣ, отмѣна этихъ законовъ въ главныхъ ихъ частяхъ (по образованію духовныхъ лицъ и назначенію ихъ на мѣста), за исключеніемъ изгнанія іезуитскаго ордена изъ Пруссіи. Собственно желѣзный канцлеръ отступаетъ отъ своей войны съ Ватиканомъ, который одержалъ надъ нимъ полную побѣду. Князь Бисмаркъ мотивируетъ это отступленіе тѣмъ, что онъ воспользовался, для отмѣны временныхъ стѣсненій свободы латинской церкви, первымъ удобнымъ временемъ, когда прекратилось давленіе на прусское правительство со стороны ультрамонтанской партіи, уступить которой было бы недостойно правительства. Однако, это давленіе нисколько не прекращалось до настоящаго дня. Но, вступая въ новую борьбу, князь Бисмаркъ вынужденъ былъ прекратить старую. Начиная свою истребительную войну противъ поляковъ, онъ не могъ не разлучить польскій вопросъ съ католическимъ и не примириться съ папскою властью, которая должна если не сдѣлаться его союзницей въ этой войнѣ, то по крайней мѣрѣ быть поставлена въ нейтральное положеніе. Обѣщавъ цѣлый рядъ мѣръ къ противодѣйствію полонизаціи восточныхъ провинцій Пруссіи и къ ихъ германизаціи, неутомимый канцлеръ не замедлилъ проектированіемъ этихъ мѣръ (по пріобрѣтенію на государственный счетъ земель у польскихъ помѣщиковъ, колонизаціи на нихъ нѣмецкихъ крестьянъ, усиленію нѣмецкой школы), и теперь онѣ обсуждаются въ прусскомъ парламентѣ.

Въ нашемъ отечествѣ, общественное вниманіе продолжало, въ послѣдніе дни, быть сосредоточеннымъ главнѣйше на застоѣ въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Во всѣхъ слояхъ общества, жалобы на «дурное время» обращены преимущественно въ эту сторону. Это ненормальное общественное явленіе, которое слыветъ и въ публикѣ и въ печати подъ названіемъ «застоя», заключается въ томъ, что сбыты и внутренніе и внѣшніе для нашего промышленнаго производства по разнымъ важнѣйшимъ его частямъ, въ томъ числѣ земледѣльческой, сократились въ послѣдніе годы, и производство не можетъ продолжаться въ прежнихъ размѣрахъ, въ какихъ оно расширилось въ особенности съ конца 70-хъ годовъ. Очевидно, что это явленіе

должно отзываться самыми болѣзненными ощущеніями во всѣхъ классахъ общества. Обсужденіями его и предложеніями мѣръ помощи переполнена періодическая печать. Какъ это всегда бываетъ у насъ въ такихъ случаяхъ, всѣ жалобы съ разныхъ сторонъ обрушиваются на недостатокъ казенныхъ пособій и покровительства промышленности и сельскому хозяйству и во всемъ оказываются виноватыми правительственныя лица.

Этого послѣдняго вопроса мы здѣсь касаться не будемъ во всемъ его объемѣ; но не можемъ не сообщить одного самаго естественнаго размышленія, которое всего болѣе возбуждается въ каждомъ непредубѣжденномъ читателѣ обширною литературою, накопившеюся у насъ въ послѣднее время по этому предмету. Органы печати, которые наиболѣе рѣзко обвиняютъ, во всѣхъ нашихъ экономическихъ невзгодахъ, правительственную систему, постоянно призываютъ къ своему суду какихъ-то финансистовъ фритредеровъ и доктринеровъ, благодаря распоряженіямъ которыхъ наше народное хозяйство будто-бы страдаетъ въ настоящее время. Но все это направленіе мыслей,—правильное или ошибочное, мы объ этомъ здѣсь говорить не будемъ, — связано съ самымъ грубымъ извращеніемъ фактовъ.

Мы не знаемъ ничего, да и никто ничего не знаетъ, объ этихъ миѳическихъ финансистахъ — фритредерахъ и доктринерахъ, дѣйствующихъ будто-бы у насъ нынѣ и также дѣйствовавшихъ прежде. Оставимъ также въ сторонѣ совсѣмъ здѣсь ненужный общій и теоретическій вопросъ о фритредерствѣ или свободѣ торговли и о покровительственной таможенной системѣ. Но вотъ фактъ, который, кажется, долженъ каждому самому несвѣдущему человѣку бить въ глаза: не подлежитъ ни малѣйшему оспариванію, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наша таможенная и промышленная политика перешла къ значительному усиленію покровительства или къ возвышенію тарифа, получившему по многимъ статьямъ характеръ не только усиленно покровительственный, но и запретительный. Эта система, прогрессивно и быстро развиваясь, уже дѣйствуетъ у насъ цѣлое десятилѣтіе, начиная съ перевода таможеннаго тарифа, въ 1876-мъ году, на золотую монету. Поэтому, если уже привлекать къ отвѣтственности, за наши промышленныя затрудненія, ту или другую таможенную политику или ту или другую финансовую доктрину, то нельзя не придти,—идя тѣмъ-же чисто-практическимъ или, если угодно, индуктивнымъ путемъ мышленія, но только путемъ логическимъ,—къ выводу, который діаметрально противоположенъ сужденіямъ новѣйшихъ хулителей нашихъ финансовъ. Неужели десятилѣтняго періода недостаточно, чтобы оказались какія-нибудь послѣдствія той или другой промышленной политики? А по словамъ самихъ этихъ публицистовъ—дѣйствовала у насъ, 10 лѣтъ тому назадъ, другая таможенная система, фритредерская (хотя въ сущности ея никогда не было, а было только, съ начала 50-хъ годовъ до конца 60-хъ, нѣкоторое ослабленіе таможеннаго покровительства) и по ихъ-же словамъ положеніе нашей промышленности нѣсколько лѣтъ тому назадъ было гораздо лучше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за войною, тѣ-же публицисты пѣли диѳирамбы необыкновеннымъ успѣхамъ нашего народнаго хозяйства и между прочимъ говорили о торжествѣ нашей промышленности на московской выставкѣ 1882 г. Итакъ, если слѣдовать порядку мыслей самихъ этихъ публицистовъ, но только при этомъ быть безпристрастнымъ и не придерживаться никакой доктрины, то къ какому другому заключенію можно придти, какъ не къ самому простому и логическому: эпоха процвѣтанія нашей промышленности была послѣдствіемъ одной промышленной системы, а эпоха упадка—другой системы, ей противоположной?

IV

24 февраля

Балканскія дѣла. Сдѣлка Порты съ княземъ болгарскимъ и отношенія къ ней Россіи. Затрудненія, связанныя съ этой личной уніей.—Внутренній кризисъ въ Англіи. Энергическія и быстрыя дѣйствія англійскаго правительства противъ революціонныхъ насилій. Требованія и настроеніе рабочихъ классовъ. Затруднительное положеніе кабинета г. Гладстона.—Дѣла во Франціи.—Пренія германскаго парламента о законѣ противъ соціалистовъ и въ прусскомъ сеймѣ о полякахъ.

Въ балканскихъ дѣлахъ произошелъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, рѣшительный поворотъ къ мирной развязкѣ, — такой рѣшительный, какого еще не было съ тѣхъ поръ, какъ сентябрскій филиппопольскій переворотъ посѣялъ смуту на Балканскомъ полуостровѣ. Переговоры о мирѣ между Болгаріей и Сербіей въ Бухарестѣ совершенно и благополучно закончились. Оба государства уже приступили къ разоруженію. Греція и воинственные агитаторы эллинской націи, по благоразумію или изъ страха, кажется вполнѣ успокоились или подчинились требованіямъ Европы, преимущественно Великобританіи. Въ послѣдніе дни ничего не слышно даже объ ожидавшемся въ Греціи внутреннемъ переворотѣ или о смѣнѣ министерства, въ случаѣ если оно, подъ давленіемъ европейскихъ державъ, остановится въ своихъ честолюбивыхъ и воинственныхъ замыслахъ. Наконецъ, и третій тревожный и спорный вопросъ о соглашеніи Порты съ княземъ болгарскимъ, относительно соединенія Восточной Румеліи съ Болгаріей подъ его личнымъ управленіемъ, близокъ къ своей мирной развязкѣ, если только можно вѣрить самымъ офиціознымъ и самымъ достовѣрнымъ органамъ европейской и нашей дипломатіи.

Однако этотъ послѣдній вопросъ окруженъ еще нѣкоторымъ туманомъ, который тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе нашей публики, что въ этомъ вопросѣ всего болѣе заинтересована Россія. Признаніе сдѣлки султана съ княземъ Александромъ великими державами встрѣтило препятствіе главнѣйше въ возраженіяхъ Россіи. Насколько извѣстно изъ офиціозной печати, русское правительство требовало: исключенія предполагавшагося оборонительнаго и наступательнаго союза между Турціей и Болгаріей, соединенія управленія Восточной Румеліи и Болгаріи въ рукахъ не лично князя Александра Батенбергскаго, а князя болгарскаго (такъ что въ случаѣ возведенія на болгарскій престолъ другаго лица—оно съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлается генералъ-губернаторомъ Румеліи), возобновленія этой сдѣлки по истеченіи ея пятилѣтняго срока только съ согласія державъ, и наконецъ пересмотра статута (административнаго устройства) Румеліи при участіи державъ. Въ послѣдніе дни возникло еще спеціальное возраженіе противъ сдѣлки Порты съ княземъ болгарскимъ, по таможенному вопросу. Вслѣдствіе предстоящаго, по этой сдѣлкѣ, проведенія таможенной линіи между Турціей и Восточной Румеліей, значительное количество

французскихъ товаровъ, свободно ввозившихся въ Румелію изъ Константинополя, стало-бы оплачиваться таможенными сборами. По новѣйшимъ извѣстіямъ, этому возраженію Франціи уже дано удовлетвореніе, посредствомъ недопущенія таможенной границы между Турціей и Румеліей. Гораздо существеннѣе возникшій при этомъ общій вопросъ о разныхъ подобныхъ административныхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, связанныхъ съ этимъ объединеніемъ, совершаемымъ въ видѣ личной уніи, т. е. посредствомъ соединенія двухъ земель въ лицѣ главы управленія. Оказалось при этомъ, что князь болгарскій и его правительство уже давно, вслѣдъ за филиппопольскимъ переворотомъ, фактически объединили Румелію съ Болгаріей почти во всѣхъ отношеніяхъ государственной жизни—въ военномъ, судебномъ и административномъ (въ томъ числѣ и таможенномъ). Предполагаемая административная унія въ лицѣ князя болгарскаго нисколько не предполагаетъ такого объединенія, но разрушить то, что уже фактически устроилось, будетъ почти невозможно. Эта унія, впрочемъ, есть личная государственная унія двухъ земель совсѣмъ новаго вида, едва-ли когда-нибудь существовавшаго. Нельзя не предвидѣть, что изъ нея истечетъ не мало политическихъ недоразумѣній, если только державы, и въ томъ числѣ Порта, не рѣшатся смотрѣть на все, что будетъ происходить въ этихъ земляхъ, сквозь пальцы, сознавъ, что эта сдѣлка есть ничто иное какъ формальный и чисто-условный компромиссъ, чтобы избѣжать пересмотра берлинскаго трактата, притязанія всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова на расширеніе своихъ территорій, и съ тѣмъ вмѣстѣ избѣжать возбужденія всего восточнаго вопроса. Однако, эту сдѣлку нельзя не считать шаткою, почти гнилою, и не быть готовымъ, что она всякій день можетъ рухнуть.

Во всемъ этомъ и въ дальнѣйшей судьбѣ этого компромисса наиболѣе заинтересована изъ всѣхъ европейскихъ державъ Россія, какъ потому, что исторически ей наиболѣе близка участь созданной ею болгарской націи, такъ и потому, что тѣ или другія условія, при которыхъ окончательно состоится вся эта сдѣлка, будутъ опредѣлены подъ преимущественнымъ вліяніемъ Россіи и согласно ея желаніямъ, которымъ всѣ прочія державы какъ-бы только уступаютъ въ дипломатическихъ переговорахъ по этому предмету. Поэтому нельзя не ожидать, что въ будущемъ, за тѣ или другія послѣдствія этой сдѣлки, общественное мнѣніе, какъ въ самой Болгаріи, такъ и въ Европѣ, будетъ привлекать къ отвѣтственности наше отечество.

Между тѣмъ эти послѣдствія, и во внутренней, и въ международной жизни болгарской націи, при несомнѣнномъ усложненіи ихъ всяческими внутренними и внѣшними интригами, будутъ наименѣе зависѣть отъ воли нашего правительства. Великодушное и безкорыстное заступничество его за интересы болгарской націи въ этой сдѣлкѣ князя Александра Батенбергскаго съ султаномъ нисколько не усиливаетъ вліянія Россіи на болгарское правительство и на ходъ дѣлъ въ Болгаріи, а когда снова пробудится въ сознаніи болгарскаго народа чувство признательности къ Россіи за всѣ ея жертвы и когда это сознаніе будетъ имѣть значеніе въ дѣйствительной государственной жизни Болгаріи и въ ея правительственной средѣ — все это пока еще неизвѣстно.

Все это положеніе возникло изъ тѣхъ совершенно исключительныхъ и едва-ли не единственныхъ въ своемъ родѣ отношеній, въ какія, страннымъ сплетеніемъ историческихъ обстоятельствъ, Россія была поставлена къ Болгаріи и къ сдѣлкѣ князя Александра съ султаномъ. Россія приняла дѣятельное участіе въ пересмотрѣ этой сдѣлки и въ измѣненіи ея условій единственно ради охраны существенныхъ интересовъ болгарской націи, въ то время, когда Россія не имѣетъ ничего общаго съ болгарскимъ правительствомъ и его главою и они даже находятся въ непріязненныхъ къ ней отношеніяхъ. Наше правительство несомнѣнно охраняетъ, въ этомъ случаѣ, національные интересы болгарскаго народа лучше и вѣрнѣе, чѣмъ дѣлаетъ это само болгарское правительство. Возвышенность и благородство такой политической роли нашего отечества въ со-

временныхъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ не могутъ не быть признаны исторіей въ позднѣйшемъ будущемъ, но въ настоящемъ эта роль связана съ большими политическими затрудненіями для насъ. Въ то время, какъ Россія рѣшительно ничего не выигрываетъ для себя отъ этихъ безкорыстныхъ дѣйствій на пользу болгарскаго народа и славянскаго міра, они толкуются совершенно въ противоположномъ смыслѣ нашими многочисленными врагами въ Западной Европѣ и даже въ дружественныхъ намъ государствахъ. И эти лжетолкованія, переполняющія европейскую печать, смущаютъ неопытные политическіе умы въ Болгаріи и путаютъ понятія въ этой странѣ, ко вреду Россіи. Слишкомъ очевидно, что Россія ничего не можетъ выиграть для себя, не только матеріально, но и нравственно, отъ исправленія сдѣлки князя Александра Батенбергскаго съ султаномъ условіями, улучшающими ее въ пользу болгарской націи, хотя-бы въ европейской печати и говорилось о своекорыстіи Россіи, будто-бы опасающейся лично для себя оборонительнаго и наступательнаго союза Болгаріи и Турціи. Какимъ образомъ этотъ союзъ можетъ быть опасенъ для насъ, когда посреди политическихъ элементовъ, дѣйствующихъ на Балканскомъ полуостровѣ, всего менѣе для насъ страшны войска Болгаріи и Турціи, хотя-бы чудовищнымъ образомъ и соединенныя подъ однимъ знаменемъ? Если предложенныя Россіей условія упрочатъ эту сдѣлку, отношенія Болгаріи къ Портѣ и ея внутреннее положеніе, то заслуга за все это припишется все-таки этой сдѣлкѣ и ея первоначальному автору, кн. Александру Батенбергскому, а если послѣдствія этой сдѣлки будутъ плачевны для Болгаріи, то это припишется поправкамъ, внесеннымъ въ нее Россіей.

Таково это фальшивое политическое положеніе, наставшее для насъ относительно Болгаріи и всего Балканскаго полуострова послѣ филиппопольскаго переворота. Это фальшивое положеніе началось, какъ мы это уже раньше объясняли, гораздо ранѣе, во время семилѣтняго участія нашего во внутреннихъ дѣлахъ Болгаріи.

Всего болѣе сосредоточиваетъ на себѣ теперь вниманіе всего образованнаго міра внутреннее положеніе Англіи. Бунтъ многотысячной черни, опозорившій лондонскія улицы неслыханными въ этой странѣ насиліями, и революціонныя движенія, вслѣдъ за тѣмъ показавшіяся въ другихъ большихъ городахъ Великобританіи, продолжаютъ быть главнымъ предметомъ сужденій и въ англійской, и во всей европейской печати. Эти революціонныя насилія, впрочемъ быстро пріостановленныя энергическими распоряженіями правительства и полиціи, составляютъ только одинъ изъ многихъ симптомовъ глубокаго политическаго и соціальнаго кризиса, переживаемаго нынѣ Великобританіей. Все великобританское общество находится въ броженіи, въ какомъ давно не бывало, можетъ быть съ XVII вѣка; всѣ политическія и общественныя противорѣчія жизни Англіи обострились до-нельзя и требуютъ разрѣшенія. Хотя въ этомъ кризисѣ дѣйствуютъ многія историческія обстоятельства и элементы, свойственные только великобританской націи, но ими возбуждаются общіе политическіе и соціальные вопросы, поставленные нынѣ, въ той или другой формѣ, во всемъ современномъ историческомъ мірѣ. Поэтому въ событіяхъ англійской жизни одинаково заинтересованы всѣ другія европейскія страны. Въ этихъ событіяхъ, при всѣхъ ихъ историческихъ и національныхъ особенностяхъ, совершается всемірный историческій процессъ жизни, общій всему образованному міру, со всѣми тѣми его болѣзненными пароксизмами и со всѣми порывами къ историческому прогрессу, которымъ не чужда жизнь ни одного европейскаго народа. Этимъ отличаются всѣ передовыя историческія націи, во главѣ которыхъ шла до сихъ поръ попреимуществу Великобританія; въ ихъ мѣстныхъ и національныхъ движеніяхъ отражаются только болѣе рельефно движенія всего свѣта. Сверхъ того, вслѣдствіе своеобразія учрежденій Великобританіи и принимаемыхъ ими мѣръ противъ болѣзненныхъ

общественныхъ явленій, общихъ всему образованному міру, эти явленія и противодѣйствіе имъ со стороны государства особенно назидательны для континентальныхъ европейскихъ государствъ, когда они происходятъ въ Великобританіи.

Болѣе всего впечатлительны въ этомъ послѣднемъ отношеніи быстрыя и энергическія распоряженія великобританскаго правительства противъ общественныхъ безпорядковъ, не смотря на то, что личный составъ нынѣшняго кабинета самый либеральный, какой когда-либо былъ въ Англіи, и что его дѣйствія окружены величайшими внутренними затрудненіями и даже ослаблены разногласіями между самими его членами — умѣренными и радикальными. Не прошло двухъ недѣль послѣ лондонскихъ безпорядковъ, какъ учрежденная для ихъ изслѣдованія министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Чайдельрсомъ коммисія окончила свою работу и онъ представилъ полный объ этомъ изслѣдованіи отчетъ парламенту. Такія работы производятся въ другихъ государствахъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже годовъ. Въ этомъ отчетѣ объясняется вообще недостаточность полицейской организаціи въ Лондонѣ, для предупрежденія безпорядковъ, подобныхъ происшедшимъ, и правительство, не медля ни одного дня, уже приступило къ реформѣ лондонской полиціи.—Главнымъ недостаткомъ нынѣшней полицейской организаціи въ Лондонѣ признается то, что часть полицейской стражи подчинена городу, т. е. муниципалету, а другая наибольшая часть полицейскихъ силъ находится въ прямомъ распоряженіи правительства и министерства внутреннихъ дѣлъ. Замѣчательно,—и это наиболѣе характеризуетъ политическій духъ Англіи,—что для усиленія дѣйствія полиціи предполагается передать ее всю въ распоряженіе органовъ лондонскаго общественнаго управленія, такъ какъ, съ одной стороны, необходимо сосредоточеніе полицейской охраны, а съ другой стороны — «городскіе обыватели наиболѣе заинтересованы въ спокойствіи столицы. Съ этою мыслью согласна консервативная партія. Посреди взрыва революціонныхъ страстей, общественное мнѣніе Англіи и мнѣніе всѣхъ ея партій всего болѣе разсчитываетъ на развитіе самоуправленія, на самостоятельное дѣйствіе здоровыхъ общественныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе министра внутреннихъ дѣлъ и его докладъ парламенту строго осуждаютъ распоряженія главнаго начальника лондонской полиціи, г. Гендрихсона, который, для предупрежденія уличныхъ безобразій, не умѣлъ воспользоваться тѣми полицейскими силами, какія были въ его распоряженіи. Г. Гендрихсонъ былъ немедленно уволенъ въ отставку «по прошенію», несмотря на то, что онъ пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе и даже славу своею многолѣтнею полицейскою дѣятельностью въ Лондонѣ. Къ извиненію г. Гендрихсона въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ правительства не послужило даже то обстоятельство, что онъ не имѣлъ права пріостановить народный митингъ, какъ-бы онъ ни былъ многочисленъ, и не могъ ожидать, чтобы онъ разразился бунтовскими дѣйствіями, какихъ никогда еще не бывало въ Англіи на такихъ народныхъ собраніяхъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ.

Также быстро были преданы суду и приговорены имъ къ наказаніямъ зачинщики бунта, восемь ораторовъ-соціалистовъ, которые возбуждали своими рѣчами толпу къ насиліямъ и къ «уничтоженію имуществъ богатыхъ». Наказанія, которымъ они подверглись, весьма суровы: для всѣхъ назначена каторга, которая опредѣлена для главнаго зачинщика на пять лѣтъ. Тщетно обвиненные старались оправдать себя на судѣ безусловною свободою народныхъ собраній и свободою слова, дозволяемыми англійскими законами, а также бѣдствіями, испытываемыми нынѣ рабочими отъ застоя въ промышленности и бездѣйствіемъ со стороны правительства на пользу рабочихъ. Они, между прочимъ, ссылались на то, что сами радикальные члены нынѣшняго правительства (г. Чемберлейнъ, который былъ вызванъ ими свидѣтелемъ на судѣ) произносили на народныхъ митингахъ не менѣе возбудительныя рѣчи о страданіяхъ рабочихъ классовъ и необходимости коренныхъ реформъ въ гражданскомъ строѣ Англіи. Обвиненные хотѣли затѣять на судѣ политиче-

скія пренія о мѣрахъ помощи рабочимъ. Всему этому судъ не далъ ни малѣйшаго хода, ограничивъ судоговореніе исключительно обвиненіемъ въ возбужденіи народа къ бунту. Онъ призналъ, что всякое право на свободу слова прекращается, когда ораторъ прямо взываетъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ лицъ и собственности, въ особенности когда насилія толпы слѣдуютъ за его рѣчью и когда она уже получаетъ сама характеръ матерьяльнаго насилія и перестаетъ быть только словомъ.

Этотъ взглядъ единодушно высказали всѣ органы англійской печати отъ самыхъ консервативныхъ до самыхъ либеральныхъ. Весьма примѣчательна была рѣчь, произнесенная въ палатѣ лордовъ главою павшаго кабинета. Лордъ Салисбери съ необыкновенною ясностью доказывалъ, что самыя рѣшительныя и безпощадныя мѣры къ предупрежденію и подавленію матерьяльныхъ революціонныхъ насилій на народныхъ собраніяхъ именно необходимы для охраны безусловной свободы сходокъ и слова, составляющей исконный законъ Англіи. Если народныя собранія будутъ сопряжены съ опасностями матерьяльныхъ насилій, какія видѣла въ эти дни Англія, тогда все англійское общество возстанетъ противъ этой свободы. Безопасность лицъ и имуществъ есть первый законъ каждаго государства, для исполненія котораго прежде всего существуетъ всякая правительственная власть. Каждая страна можетъ выносить только ту долю политической свободы, какая, при тѣхъ или другихъ нравахъ и обычаяхъ народа и степени его политической зрѣлости, соединима съ этою безопасностью.

Огромное большинство рабочихъ, и даже голодныхъ, энергически заявило себя противъ соціалистовъ и революціонныхъ безпорядковъ, протестуя противъ нихъ и требуя отъ правительства охраны митинговъ отъ бунтовщиковъ. Тѣмъ не менѣе массы рабочихъ безъ занятій, не довольствуясь благотворительною помощью, щедро раздаваемою теперь высшими классами, настойчиво ожидаютъ отъ правительства другихъ мѣръ для улучшенія ихъ положенія, главнѣйше—публичныхъ казенныхъ работъ, введенія покровительственнаго таможеннаго тарифа противъ тѣхъ государствъ, которыя не согласятся ввести у себя такую-же свободу торговли, какъ въ Англіи, и обезпеченія поземельною собственностью сельскаго рабочаго народонаселенія, для противодѣйствія приливу его въ города. Кромѣ этой послѣдней мѣры, которую правительство уже проектировало, оно очень затруднено въ принятіи прочихъ мѣръ, такъ какъ, при всей своей демократической программѣ, весь личный составъ кабинета Гладстона приверженъ свободѣ торговлѣ и противенъ прямому вмѣшательству правительства въ промышленныя дѣла. Кабинетъ г. Гладстона находится въ особенно затруднительномъ положеніи относительно рабочихъ массъ, такъ какъ и самъ глава его и радикальные его члены горячо проповѣдывали необходимость улучшенія быта рабочихъ классовъ и въ значительной степени сочувствуютъ ихъ настроенію противъ высшихъ классовъ. «Великій старикъ» (the great old man) съ необыкновеннымъ мужествомъ удерживаетъ свое положеніе и борется противъ обуревающихъ его крайнихъ теченій. На заявленіе нѣкоторыхъ радикальныхъ депутатовъ о пользѣ отмѣны наслѣдственнаго перства, онъ высказалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ свое мнѣніе о необходимости сохраненія наслѣдственныхъ правъ членовъ палаты лордовъ.

Съ какою стойкостью ни выдержитъ британское племя происходящій теперь общественный кризисъ и какъ ни мало еще заражены народныя массы Англіи революціоннымъ духомъ, но въ нынѣшнемъ ея общественномъ броженіи показывается много скверныхъ симптомовъ, никогда еще небывалыхъ. Такъ надняхъ, на банкетѣ, данномъ либеральною партіей новымъ депутатамъ изъ рабочаго класса, съ участіемъ министровъ, обычный традиціонный тостъ президировавшаго лорда Гобгауза въ честь королевы былъ встрѣченъ шиканьемъ. Это небывалое въ Англіи явленіе произвело сильное впечатлѣніе, вызвавшее даже запросъ въ парламентѣ, на который лорду Гобгаузу не оставалось ничего другаго отвѣчать, какъ что «онъ

не слыхалъ шиканья». Еще болѣе глубокое впечатлѣніе произвело величіе духа королевы Викторіи. Какъ нарочно вслѣдъ за упомянутымъ скандаломъ, она пріѣхала изъ Виндзора въ Лондонъ на публичный концертъ, хотя уже въ теченіе десяти лѣтъ не посѣщала публичныхъ зрѣлищъ. Чрезвычайно восторженныя народныя демонстраціи были сдѣланы королевѣ на всемъ ея пути и въ залѣ концерта.

Консервативная партія съ азартомъ обвиняетъ за все это смутное внутреннее положеніе г. Гладстона и его сообщниковъ, пасующихъ будто-бы передъ наступающею демократіей. Никогда взаимная ненависть партій и рѣзкость взаимныхъ осужденій не доходили до такой крайней степени. Органы консервативной печати прямо называютъ нынѣшній кабинетъ «правительствомъ анархіи» и нѣкоторыхъ министровъ «якобинцами», озаглавливая этими словами свои статьи. Либералы обвиняютъ консерваторовъ въ подкупѣ бунтовщиковъ и черни. Необузданный лордъ Черчиль, этотъ тори-демагогъ, проповѣдуетъ въ Ирландіи гражданскую войну, совѣтуя ирландцамъ-протестантамъ, вѣрнымъ соединенію съ Великобританіей, возстать, по примѣру предковъ, съ оружіемъ въ рукахъ противъ предположеннаго либералами отдѣленія Ирландіи, которое, по его словамъ, опаснѣе для Англіи, чѣмъ гражданская война!

Посреди этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, положеніе кабинета г. Гладстона тѣмъ затруднительнѣе, что онъ возвѣстилъ такое радикальное направленіе своей политики, какого еще никогда не было въ Англіи, и ктому-же, при новости этого направленія, идущаго въ-разрѣзъ со всѣми, традиціонными политическими понятіями и при видимомъ разногласіи въ самомъ кабинетѣ, онъ еще не могъ предложить окончательно имъ обдуманныхъ и рѣшенныхъ мѣръ. При наружной самоувѣренности и спокойствіи, г. Гладстонъ несомнѣнно колеблется въ своихъ намѣреніяхъ. По всѣмъ частямъ управленія, онъ только говоритъ о необходимыхъ предварительныхъ изслѣдованіяхъ и изысканіяхъ. За это онъ всего болѣе осуждается оппозиціей, которая говоритъ, что, когда она была свергнута имъ съ власти, у нея были готовыя мѣры къ умиротворенію страны. Вопросъ надъ всѣмъ господствующій — ирландскій. Парламентъ и все англійское общество ждутъ съ судорожнымъ нетерпѣніемъ обѣщанной реформы и не хотятъ заниматься никакими другими серьезными вопросами, пока она не будетъ предложена, зная только смутно, что она должна заключаться въ отдѣльномъ управленіи Ирландіи и въ особомъ ирландскомъ парламентѣ. Г. Гладстонъ отказывается дать какія-нибудь точныя объясненія и обѣщаетъ свой проектъ не ближе мѣсяца; для его обработки онъ завелъ переписку съ ирландцами, которая освѣтитъ ему пути. Между тѣмъ въ Ирландіи снова начались преступленія противъ ландлордовъ, вопреки приказанію союзника Гладстона, г. Парнелля, о перемиріи до представленія реформы парламенту. Умѣренные либералы все болѣе и болѣе покидаютъ кабинетъ; однако усилія консерваторовъ образовать новое парламентское большинство изъ умѣренныхъ оттѣнковъ консервативныхъ и либеральныхъ пока безуспѣшны. Члены министерства открыто заявляютъ, что оно можетъ сдѣлаться несостоятельнымъ и потерять большинство, и что тогда придется распустить парламентъ и снова прибѣгнуть къ приговору народа.

Все это положеніе—почти критическое, надъ которымъ можетъ восторжествовать только крѣпкій организмъ британской націи.

Въ противоположность Англіи, совершенно исключительнымъ образомъ настало спокойствіе въ правительственной средѣ Франціи. Совсѣмъ неожиданно государственное благоразуміе возъимѣло верхъ надъ республиканскимъ большинствомъ палаты депутатовъ, и оно остановилось на крутомъ радикальномъ склонѣ къ разстройству республиканскаго правленія, по которому шло до сихъ поръ. Это благоразуміе выказалось въ двухъ важныхъ случаяхъ, въ которыхъ огромное парламентское большинство поддержало правительство, безъ всякихъ съ его стороны малодушныхъ уступокъ политическимъ страстямъ и упрочило кабинетъ г. Фрейсине, кото-

вымъ надзоромъ другихъ европейскихъ государствъ и связанъ съ опасностями международныхъ недоразумѣній въ Европѣ. Чѣмъ менѣе остается свободныхъ земель на земномъ шарѣ, чѣмъ болѣе возрастающая густота народонаселенія и развивающаяся промышленность (стѣсненная ктому-же въ настоящую минуту въ Европѣ таможенною войною) нуждаются въ отливѣ своихъ силъ и своихъ произведеній на новые рынки, тѣмъ строже стали европейскія государства наблюдать другъ за другомъ въ дѣлѣ колоній, въ раздѣлѣ между собою остальныхъ земель на земномъ шарѣ. Въ новѣйшей европейской колоніальной политикѣ оказываются всего болѣе успѣшными колоніальныя предпріятія, связанныя съ новосозданнымъ въ Берлинѣ Конгскимъ государствомъ въ Африкѣ; въ основаніе всѣхъ европейскихъ пріобрѣтеній на его территоріи положены начала взаимнаго мирнаго соглашенія между образованными державами Европы и Америки, ихъ равноправность, вообще начала международнаго права, а не права сильнаго, уваженія къ африканскимъ племенамъ и гуманныя, общеполезныя для всемірной цивилизаціи цѣли. Можно ожидать, что берлинское соглашеніе относительно Конго послужитъ примѣромъ для подобныхъ-же общеевропейскихъ соглашеній по всѣмъ другимъ колоніальнымъ вопросамъ въ другихъ частяхъ свѣта, и въ этомъ будетъ немалое торжество европейской цивилизаціи. При этомъ нельзя не удивляться геніальной прозорливости кн. Бисмарка, умѣющаго овладѣвать для своихъ цѣлей всѣми силами современной политической жизни и направлять ихъ къ удовлетворенію даже эгоистическихъ національныхъ интересовъ Германіи, къ совершаемымъ ею такъ успѣшно мирнымъ завоеваніямъ. Поэтому, между прочимъ, колоніальныя предпріятія кн. Бисмарка оказываются пока самыми удачными и стоившими наименѣе жертвъ для метрополіи.

Испанскій министерскій кризисъ имѣетъ чисто-мѣстный интересъ, какъ всѣ испанскія дѣла, утратившія почти всякое значеніе для Европы. Этотъ кризисъ былъ вызванъ раздраженіемъ населенія противъ мѣръ, принятыхъ кабинетомъ Кановаса дель Кастильо относительно холерной эпидеміи, свирѣпствующей теперь въ Испаніи, и также разногласіемъ министровъ съ королемъ Альфонсомъ, вознамѣрившимся посѣтить пораженныя эпидеміей мѣстности. Король все-таки привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, и, кажется, министры перестали упорствовать на своей отставкѣ. Общеинтересно при этомъ только то, что король Альфонсъ всюду сопровождается восторженными оваціями народа, посреди самыхъ враждебныхъ его демонстрацій противъ администраціи и полиціи; уже давно королевская власть не пользовалась въ Испаніи такою популярностью, какая заявляетъ себя теперь.

Послѣ великобританскаго министерскаго кризиса вниманіе политическаго міра было всего болѣе обращено на выборы новыхъ членовъ австрійскаго парламента. Общіе результаты этихъ выборовъ не измѣняютъ положенія дѣлъ въ Австріи, и кабинетъ Таафе сохранитъ за собою, въ большей или меньшей степени, слабое парламентское большинство, съ помощью котораго онъ управляетъ Австріей или, лучше, Цислейтаніей въ теченіе шести лѣтъ, и кое-какъ удерживаетъ равновѣсіе своей, такъ называемой, «политики примиренія народностей». Хотя въ печати, и мѣстной, и европейской, и во всѣхъ австрійскихъ политическихъ собраніяхъ всѣхъ политическихъ и національныхъ оттѣнковъ—слышно только неудовольствіе противъ политики г. Таафе, но справедливость требуетъ сказать, что его управленіе было изъ наиболѣе устойчивыхъ и продолжительныхъ въ имперіи Габсбурговъ, и что едва-ли какое-нибудь другое правительство способно быть состоятельнѣе посреди совершенно противоестественныхъ для современной политической жизни историческихъ и энтографическихъ условій Австріи. Къ національнымъ группамъ подвластныхъ скипетру Габсбурговъ земель и къ національнымъ распрямъ, которыя ктому-же раздѣляютъ между собою непримиримою враждою не крупныя только племена, какъ напр. славянское, германское, венгерское, итальянское, еврейское, а раздираютъ на еще болѣе враждебныя части народности, принадлежащія

къ одному и тому-же племени (каково по-преимуществу славянское, наиболѣе страдающее отъ своихъ междоусобій),—ко всему этому присоединяются еще раздоры политическихъ партій внутри многихъ національностей, преимущественно германской. Есть, напр., нѣмецкая національная партія (главнѣйше крупные землевладѣльцы—консерваторы), и есть еще нѣсколько чисто-политическихъ нѣмецкихъ партій (главнѣйше либералы и демократы), составляющихъ нынѣшнюю парламентскую оппозицію, впрочемъ весьма слабо сплоченную. Сверхъ всего этого, разъѣдаютъ всѣ эти національныя группы религіозные раздоры и страсти. Такъ, напримѣръ, хорватскій католическій епископъ Штроссмаеръ, пламенный поборникъ всѣхъ славянскихъ народностей, вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ фанатическую латинскую пропаганду и возстановляетъ противъ своихъ приверженцевъ всѣхъ славянъ православнаго вѣроисповѣданія. Римская курія пользуется всѣми раздорами въ Австріи, чтобы сѣять на ихъ почвѣ еще свои раздоры для своихъ собственныхъ цѣлей.

Всю эту слишкомъ хорошо извѣстную картину вавилонскаго смѣшенія языковъ въ Австріи нельзя не припомнить, чтобы въ нѣкоторой степени извинить политику г. Таафе. Для упорядоченія этого лабиринта перекрещивающихся между собою со всѣхъ сторонъ теченій и партій,—національныхъ, политическихъ и религіозныхъ,—трудно придумать какую-нибудь состоятельную систему, способную жить постоянно не только со дня на день, «отъ случая къ случаю», какъ жили всѣ испытывавшіяся новѣйшія правительства Австріи, послѣ крушенія осужденной исторіей системы Меттерниха.

Однако, недуги нынѣшней австрійской «политики примиренія народностей» стали возрастать въ послѣднее время въ сильной степени. Самое выдающееся явленіе въ этой политикѣ, угрожающее наибольшими затрудненіями и противорѣчащее выставленной въ ней цѣли,—превозмогающее передъ всѣми племенами значеніе, которое получили поляки. Съ ними идутъ рука-объ-руку только чехи. Господствующимъ вліяніемъ поляковъ на австрійскія дѣла раздражены всѣ другія племена Цислейтаніи, въ особенности нѣмцы и русскіе въ Галиціи. Положеніе русскаго населенія подъ гнетомъ польскаго, который поддерживается австрійскими чиновниками, сдѣлалось совершенно безотраднымъ. На послѣднихъ выборахъ болѣе чѣмъ трехмильонное русское народонаселеніе Галиціи, при давленіи поляковъ и принадлежащей имъ мѣстной администраціи на выборы, смогло получить только одного своего представителя въ рейхстагѣ изъ 63 депутатовъ отъ Галиціи; всѣ остальные депутаты—поляки, хотя количество польскаго народонаселенія равно русскому или скорѣе—меньше его. Администрація Галиціи призываетъ теперь къ допросу и слѣдствію русскихъ за ихъ участіе въ меѳодіевскомъ празднествѣ въ Россіи. Такова слишкомъ извѣстная печальная участь русскаго народонаселенія въ Австріи, хотя оно самое безмятежное и самое преданное коронѣ Габсбурговъ. Одно изъ величайшихъ несчастій польскаго народа въ его злополучной исторіи—это неумѣнье уживаться съ другими народностями на своихъ территоріяхъ.

Опасность со стороны бѣднаго, малообразованнаго и подавленнаго русскаго народонаселенія была бы невелика для австрійскаго правительства, но за русскихъ вступаются теперь нѣмцы, если и не изъ любви къ русскимъ, то изъ вражды къ полякамъ. Нѣмцы, хотя и въ значительномъ меньшинствѣ въ Австрійской имперіи, хотя они недостаточно между собою соединены, вслѣдствіе своихъ политическихъ раздоровъ,—но къ нимъ принадлежатъ, кромѣ венгерцевъ, самые политически воспитанные и самые вліятельные на образованное общество люди въ Австріи. Ихъ, сверхъ того, поддерживаетъ Германія. Нѣмцы и въ Австріи и въ Германіи крайне раздражены уступками австрійскаго правительства полякамъ. Отношенія Австріи къ Германіи самыя затруднительныя и подготовляющія ей наибольшія замѣшательства въ будущемъ.

Вслѣдствіе всего своего международнаго положенія въ Европѣ, Австрія вынуждена была совсѣмъ подчиниться политикѣ Гер-

манiи; между тѣмъ возложенная Берлиномъ на Австрiю задача, въ уплату за союзъ, сопряжена для нея съ затрудненiями, почти неодолимыми. Германiя желаетъ, чтобы Австрiя совсѣмъ отказалась отъ своего прежняго характера нѣмецкой державы и сдѣлалась славянскою; для этого она толкаетъ ее на Востокъ, на Балканскiй полуостровъ. Но, сколько можно понять изъ нѣмецкой публицистики, особенно недовольной въ послѣднее время Австрiей, Германiя желаетъ, чтобы имперiя Габсбурговъ овладѣвала славянскими народами никакъ не для охраны ихъ нацiональной самостоятельности, а напротивъ—какъ германскiй пiонеръ на Востокѣ, который-бы никогда не позабывалъ своего нѣмецкаго знамени: оно должно быть покинуто Австрiей только относительно Германiи. Борьба съ панславизмомъ на Востокѣ—такова миссiя, возлагаемая Германiей на Австрiю, какъ буквально говорятъ объ этомъ германскiя газеты. Подъ панславизмомъ разумѣется влiянiе Россiи на славянскiе народы Балканскаго полуострова. Хотя нѣмецкiе публицисты объясняютъ, что подъ панславизмомъ они понимаютъ только «подчиненiе» славянскихъ народовъ Россiи, а не ихъ самостоятельность, но до сихъ поръ всякое наше вмѣшательство въ дѣла славянскихъ народовъ имѣло результатомъ только возбужденiе духа ихъ нацiональной независимости и устройство ихъ политической самостоятельности, даже до забвенiя съ ихъ стороны благодарности за услуги Россiи.

Миссiя, возлагаемая Германiей на Австрiю, связана съ величайшими опасностями и для нея самой, и для мира на Балканскомъ полуостровѣ, какъ мы видимъ это теперь на положенiи Сербiи. Владычество Австрiи надъ сербскимъ правительствомъ возбуждаетъ противъ него раздраженiе въ сербскомъ народѣ, и король Миланъ все болѣе и болѣе теряетъ подъ собою нацiональную почву. Отсюда могутъ возникнуть потрясенiя въ Сербiи, которыя легко распространятся на весь Балканскiй полуостровъ. Въ послѣднее время было тамъ повсемѣстно много признаковъ снова зачинающагося броженiя, которое, при неустойчивомъ порядкѣ вещей, созданномъ берлинскимъ конгресомъ, можетъ ежедневно разразиться бурею. Между прочимъ, въ Болгарiи политическая интрига работаетъ надъ самымъ противоестественнымъ дѣломъ—надъ возбужденiемъ противъ Россiи вражды, которая, конечно, не можетъ имѣть никакой будущности, но можетъ породить немало печальныхъ недоразумѣнiй во вредъ болгарамъ.

У Россiи слишкомъ много дѣла на рукахъ и слишкомъ много болѣе близкихъ интересовъ у себя дома, нуждающихся въ удовлетворенiи, чтобъ она обязана была приносить новыя жертвы славянскому мiру. Кромѣ того, политическое благоразумiе заставляетъ желать, ради пользы самихъ-же славянскихъ народовъ, чтобы они собственными своими силами поработали на свою самостоятельность и чтобы они собственными усилiями и жертвами выработали свою политическую зрѣлость.

Недавнiя происшествiя другаго порядка, въ самой Австрiи, сосредоточившiя на себѣ вниманiе всей Европы, забастовка и безпорядки 13,000 рабочихъ въ Брюнѣ, столицѣ Моравiи, главномъ фабричномъ городѣ Австрiи, напомнили австрiйскому правительству и всѣмъ европейскимъ правительствамъ, что позади всѣхъ озабочивающихъ ихъ политическихъ, нацiональныхъ и международныхъ распрей стоитъ гораздо болѣе грозная туча—рабочiй или соцiальный вопросъ, который перерѣзываетъ собою всѣ политическiе вопросы и партiи. Сверхъ всѣхъ упомянутыхъ внутреннихъ замѣшательствъ Австрiи, въ ней съ особенною силою проявляются новѣйшiя волненiя рабочихъ массъ, предводимыхъ такъ называемыми соцiальными демократами и анархистами, непризнающими никакихъ политическихъ, а также и нацiональныхъ интересовъ. Мы можемъ здѣсь только коснуться этого сложнаго предмета, насколько рабочая смута въ Брюнѣ бросила новый на него свѣтъ. Она происходила вслѣдъ за обнародованiемъ въ Австрiи закона о нормальномъ рабочемъ днѣ, входящемъ въ программу новѣйшаго государственнаго соцiализма, т. е. организацiи труда для увеличенiя благосостоянiя рабочихъ классовъ посредствомъ принудительныхъ государ-

ственныхъ мѣръ. Передъ нормальнымъ рабочимъ днемъ, нарушающимъ всякую гражданскую свободу, остановился однако даже кн. Бисмаркъ въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ соціальной политики. Австрійскій законъ опредѣлилъ максимумъ рабочаго дня въ 11 часовъ. Воодушевленные этимъ закономъ и намѣреніями правительства улучшить бытъ рабочихъ классовъ, брюнскіе рабочіе не удовольствовались этою мѣрою и стали требовать пониженія рабочаго дня до 10 часовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенія рабочей платы на 30 процентовъ. Они знаютъ проповѣдь соціальнаго демократа Бебеля, который доказываетъ, что нормальный рабочій день долженъ быть доведенъ до 4 часовъ! Тутъ разногласіе только количественное, а не качественное, т. е. по принципу австрійскій законъ тождественъ съ соціально-демократическою программою. Брюнскіе фабриканты отказались исполнить требованія рабочихъ, и вотъ со всѣхъ сторонъ—жалобы на правительство; но оно могло бы удовлетворить желанія рабочихъ не иначе, какъ превративъ всѣ брюнскія фабрики въ казенныя. Принудить фабрикантовъ платить ту или другую плату рабочимъ за то или другое количество рабочихъ часовъ не можетъ же никакое правительство. Между тѣмъ массы австрійскихъ рабочихъ вопіютъ, что правительство, обѣщавъ улучшить ихъ бытъ, нисколько его не улучшило. Въ такія трудныя и, можно сказать, безвыходныя положенія ставятъ себя правительства, выходящія на путь вмѣшательства въ экономическія отношенія промышленнаго производства и ихъ регламентаціи. Между прочимъ, нужно замѣтить, что брюнскія волненія рабочихъ были подстрекаемы нѣкоторыми австрійскими аристократами, крупными землевладѣльцами, признающими своимъ долгомъ вести борьбу противъ финансовой аристократіи, противъ капитала, и ожесточать противъ него рабочія массы!

Брюнская смута, сопровождавшаяся насиліями и даже убійствами, произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что теперь всюду происходитъ въ Европѣ однородное общее явленіе, крайне любопытное. Забастовки и волненія рабочихъ усилились послѣ всѣхъ тѣхъ мѣръ правительственной помощи рабочимъ классамъ и опеки надъ ихъ отношеніями къ хозяевамъ, которыя были приняты въ континентальной Европѣ въ послѣднее время; и всего болѣе волнуются и недовольны рабочія массы именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ правительства выказали наиболѣе относительно ихъ попеченій,—во Франціи и Германіи, и въ особенности въ послѣдней. Соціальная политика кн. Бисмарка и цѣлый рядъ законовъ, имъ изданныхъ по этой части, для водворенія общественнаго мира, никакъ не примиряютъ рабочія массы съ фабрикантами, капиталистами и съ правительствомъ, а напротивъ какъ-будто разожгли недовольство фабричныхъ пролетаріевъ и нисколько не сократили агитацію между ними анархистовъ и ихъ преступные замыслы. Примѣромъ послѣднихъ служитъ судебный процессъ, происходившій надняхъ во Франкфуртѣ противъ Лиске, политическаго убійцы начальника полиціи Румпфа.

Въ связи со всѣмъ этимъ вопросомъ находится курьезный процессъ извѣстнаго придворнаго проповѣдника Штекера въ Берлинѣ, надѣлавшій много шуму. Г. Штекеръ стоитъ во главѣ такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ; при покровительствѣ свыше, онъ дѣйствовалъ какъ-бы заодно съ правительственною соціальною политикою и агитировалъ во имя христіанской любви между рабочими. Онъ привлекъ къ судебной отвѣтственности за оскорбленіе его чести одного журналиста, который и былъ осужденъ судомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ на судѣ обнаружились крайне неблаговидныя и безнравственныя дѣйствія г. Штекера, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднята завѣса надъ многими закулисными тайнами прусской политической жизни. Г. Штекеръ, занимавшій очень высокое положеніе въ берлинскомъ обществѣ и выдававшій себя за пламеннаго филантропа, пользовался своими благотворительными отношеніями къ рабочимъ для эксплоатаціи ихъ, въ своихъ партійныхъ цѣляхъ, на выборахъ народныхъ представителей, входилъ для этого въ связи съ анархистами и политическими преступниками и между прочимъ употреблялъ деньги, жертвовавшіяся черезъ него для благотво-

ренія и милостыни, на подкупъ избирателей. Весь этотъ процессъ былъ величайшимъ скандаломъ, разгласившимся на весь свѣтъ.

Кромѣ многихъ другихъ причинъ волненій рабочихъ, они много обусловлены въ настоящее время крайнимъ усиленіемъ таможеннаго протекціонизма, распространившагося теперь во всей Европѣ, кромѣ Англіи. Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, старающихся какъ-будто превзойти въ этомъ отношеніи другъ друга, и эта таможенная европейская война—сократили сбытъ продуктовъ всѣхъ государствъ; отсюда повсемѣстное сокращеніе производства, лишившагося иностранныхъ рынковъ, увеличеніе расходовъ производства и вынужденное со стороны хозяевъ пониженіе рабочихъ платъ. Всего очевиднѣе это теперь на застоѣ ліонской шелковой промышленности, породившемъ смуту между ліонскими рабочими. Германскіе рабочіе также недовольны результатами таможенной политики: въ пользу ея были проводимы правительствомъ интересы пролетаріата, а до сихъ поръ, кромѣ вздорожанія жизни, они не ощущаютъ на себѣ никакихъ другихъ послѣдствій этой политики.

Всего любопытнѣе и назидательнѣе для европейскихъ правителей контрастъ съ континентальной Европой, представляемый во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ Англіей. Уже нѣсколько лѣтъ въ ней совсѣмъ прекратились забастовки рабочихъ и ихъ враждебныя столкновенія съ фабрикантами. Всѣ ихъ споры улаживаются мирнымъ путемъ соглашеній, главнѣйше черезъ посредство представителей союзовъ рабочихъ, которые организовались собственными ихъ усиліями, безъ всякаго участія правительства, и о которыхъ мы уже говорили. Промышленность Англіи нынѣ въ застоѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ, ибо усилившіяся всюду таможенныя преграды отзываются всего болѣе на ней, при ея системѣ свободы международной торговли, хотя она все-таки легче выноситъ это положеніе, нежели если-бы прибѣгла къ таможеннымъ репрессаліямъ. Не смотря на застой и на низкія промышленныя прибыли хозяевъ, заработки рабочихъ, послѣ сильнаго возвышенія въ предыдущемъ періодѣ, не понизились, нигдѣ они въ настоящее время не пользуются такимъ высокимъ уровнемъ благосостоянія и нигдѣ такъ относительно мало раздражены, какъ въ Англіи. Для всего этого представлены надняхъ точныя статистическія данныя извѣстнымъ экономистомъ, государственнымъ дѣятелемъ, г. Гошеномъ, въ его рѣчи въ манчестерской торговой палатѣ. Между тѣмъ, промышленная и коммерческая политика Англіи совершенно противоположна политикѣ всѣхъ великихъ континентальныхъ державъ. Она совершенно чужда всякой опекѣ надъ рабочимъ классами и промышленностью, всякому вмѣшательству въ ихъ экономическія отношенія и въ свободу договоровъ, всякимъ прямымъ мѣрамъ дѣйствія на бытъ рабочихъ классовъ, и бюрократическимъ и соціалистическимъ. При широкой филантропической дѣятельности англійской аристократіи, рабочіе классы Англіи, наиболѣе образованные и самостоятельные въ Европѣ, наименѣе также эксплоатируются политическою интригою. Совсѣмъ новыя въ этомъ отношеніи затѣи новыхъ торіевъ-демократовъ, въ-родѣ лорда Черчиля, несомнѣнно потерпятъ фіаско.

Развитіе, которое мы должны были дать настоящему обозрѣнію другихъ государствъ, заставляетъ насъ отложить до слѣдующаго раза русскія дѣла, требующія нынѣ особенно внимательнаго разсмотрѣнія, при многочисленности и важности вновь изданныхъ узаконеній.

VI

9-го іюля.

Программа новаго великобританскаго кабинета и положеніе дѣлъ въ Англіи.—Афганскій, египетскій и ирландскій вопросы.—Нынѣшнее перемиріе и будущая борьба партій въ Англіи. — Воинственныя возбужденія въ печати. — Движенія анархистовъ.—Таможенная война.—Очеркъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ въ Россіи.—Новый дисциплинарный законъ по судебному вѣдомству.—Желѣзнодорожный уставъ.—Финансовыя мѣры.—Реформы по прямымъ и косвеннымъ налогамъ.—Таможенный протекціонизмъ.—Мѣры къ охранѣ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ.

Главный и почти исключительный интересъ въ политической жизни Европы, за послѣднія двѣ недѣли, сосредоточивался,—въ особенности при затишьѣ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ,—на заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ парламентѣ новымъ великобританскимъ кибинетомъ, относительно предполагаемой имъ политики, и на его первыхъ распоряженіяхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Всѣ офиціальныя заявленія кабинета лорда Салисбери произвели отличное впечатлѣніе какъ въ самой Англіи, на всѣ безъ изъятія ея партіи, такъ и во всей Европѣ. Съ замѣчательною государственною мудростью, тактомъ и честностью, торійскій кабинетъ начерталъ для себя программу, строго соотвѣтствующую исключительнымъ политическимъ обстоятельствамъ страны. Онъ предполагаетъ заняться только неотложными внутренними и внѣшними вопросами, отсрочить на будущее всякія законодательныя мѣры, могущія возбудить пререканія партій, и поспѣшить парламентскими выборами, которые должны развязать нынѣшнее запутанное положеніе партій и образовать ясное и прочное большинство въ парламентѣ. Эти выборы, вслѣдствіе новаго избирательнаго закона, требующаго много распоряженій для своего приведенія въ дѣйствіе, не могутъ быть произведены ранѣе ноября. Неотложными лордъ Салисбери признаетъ только вопросы, которые привели кабинетъ г. Гладстона къ пораженію, афганскій, египетскій, ирландскій и сверхъ того бюджетный, который былъ поводомъ къ отставкѣ прежняго кабинета.

Не скрывая своего несочувствія къ иностранной политикѣ своего предшественника, глава торійскаго кабинета торжественно заявилъ свою обязанность честно исполнить всѣ обязательства, принятыя на себя прежнимъ кабинетомъ передъ другими державами, и продолжать переговоры съ ними съ той точки, на которой они были прерваны смѣною министровъ. Это само собою разумѣется; иначе никакая правильная иностранная политика не была бы возможна для конституціонныхъ государствъ. Упомянутое заявленіе было сдѣлано главнѣйше относительно афганскаго вопроса; лордъ Салисбери выразилъ свою крѣпкую надежду на близкую мирную развязку переговоровъ съ Россіей. Приэтомъ интересно высказанное имъ мнѣніе, которое не можетъ быть противно и интересамъ России, что Англія не должна полагаться ни на какія дипломатическія сдѣлки въ Средней Азіи, въ особенности на свои отношенія къ Афганистану, а должна сосредоточить все свое вниманіе на укрѣпленіи своей собственной границы въ Индіи. Чѣмъ болѣе обѣ великія

державы освободили бы себя отъ всякихъ взаимныхъ дипломатическихъ обязательствъ относительно этихъ пространствъ и полудикихъ государствъ, раздѣляющихъ ихъ владѣнія въ Азіи и эксплоатирующихъ ихъ столкновенія, тѣмъ болѣе онѣ устранили бы поводы всякихъ между собою недоразумѣній. Афганистанъ также мало необходимъ для благополучія Россіи, какъ и для обороны Индіи. Между тѣмъ, въ виду тѣхъ или другихъ случайностей, какъ въ своихъ азіятскихъ владѣніяхъ, такъ и въ шаткихъ судьбахъ всѣхъ этихъ пока независимыхъ азіятскихъ народовъ и наконецъ въ виду тѣхъ или другихъ случайностей въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и для Россіи и для Англіи одинаково неудобно связывать себя какими бы то ни было обязательствами и обѣщаніями относительно Афганистана.

Египетскій вопросъ изложенъ лордомъ Салисбери—какъ гораздо болѣе затруднительный для Англіи, чѣмъ афганскій, и съ военной, и съ политической, и въ особенности съ финансовой стороны. Выражая свое несочувствіе къ вызову изъ Египта англійскихъ войскъ и предоставленію Судана на волю анархіи, которая уже тамъ началась, торійскій кабинетъ прежде какихъ-либо дѣйствій вознамѣрился произвести черезъ своихъ агентовъ изслѣдованіе на мѣстѣ положенія дѣлъ. Чтобы помочь плачевному состоянію египетскихъ финансовъ, требующему наискорѣйшей помощи, онъ устраиваетъ новый египетскій заемъ съ согласія другихъ европейскихъ державъ. Заявленное имъ желаніе дѣйствовать относительно Египта сообща съ другими державами произвело хорошее впечатлѣніе, преимущественно во Франціи.

Относительно Ирландіи торійскій кабинетъ отказался отъ продленія чрезвычайныхъ мѣръ усиленной охраны, которыя считали еще нужными умѣренные члены либеральнаго кабинета и которымъ противились его радикальные члены. Наконецъ, по бюджетному вопросу, временное возвышеніе нѣкоторыхъ налоговъ, предложенное либеральнымъ кабинетомъ для покрытія дефицита и бывшее поводомъ къ его паденію, замѣняется краткосрочнымъ государственнымъ займомъ. Кромѣ всего этого, изъ распоряженій торійскаго кабинета заслуживаетъ упоминанія только усиленіе флота и всѣхъ морскихъ учрежденій и способовъ обороны.

Вся программа и всѣ предложенія новаго кабинета были, при ничтожныхъ оговоркахъ, поддержаны либеральною оппозиціей и г. Гладстономъ, который, не смотря на крайнее свое утомленіе, на другой же день послѣ своей отставки, бодро сталъ въ ея главѣ, для контроля надъ правительствомъ и надъ исполненіемъ сдѣлки, заключенной между партіями по волѣ королевы. Очень интересное политическое зрѣлище представляетъ теперь Англія: она управляется, въ этомъ періодѣ междуцарствія, до новыхъ выборовъ обѣими враждующими партіями, рѣшившимися для блага страны на полугодовое перемиріе. Все это возможно только въ Англіи, при неограниченной со стороны всѣхъ ея партій преданности престолу и основнымъ учрежденіямъ, при всеобщемъ чувствѣ законности и при существованіи обширной нейтральной почвы политическихъ мнѣній, въ которыхъ согласны всѣ партіи и даже самые крайніе ихъ оттѣнки (кромѣ мятежной и иноплеменной ирландской партіи, на сепаратистическія и революціонныя желанія которой не согласны самые крайніе англійскіе радикалы).

Между тѣмъ борьба партій внѣ парламента и круга текущихъ дѣлъ продолжается, и даже съ ожесточеніемъ. Вожди ихъ высказываютъ свои программы для будущаго, когда выборы рѣшатъ, кому принадлежитъ общественное мнѣніе страны, и каждая партія старается завербовать новые два мильона избирателей въ свою пользу. Эти выборы должны совсѣмъ переставновить англійскія партіи, которыя нынѣ пришли въ разстройство вслѣдствіе нѣскольких политическихъ элементовъ — консервативнаго или торійскаго, умѣренно либеральнаго или стараго вигскаго и радикальнаго,—препятствующихъ своими согласіями и несогласіями по разнымъ вопросамъ существованію двухъ крупныхъ партій, а безъ двухъ крупныхъ партій невозможенъ правильный ходъ парламентскаго правленія. Всего любопытнѣе, что всѣ

спорящія между собою программы сосредоточены никакъ не на иностранныхъ вопросахъ, а преимущественно на внутреннихъ, и именно на мѣстномъ самоуправленіи.

Въ этомъ отношеніи, для сужденія о будущемъ Англіи, гораздо интереснѣе всего сказаннаго лордомъ Салисбери въ парламентѣ его рѣчь на банкетѣ шотландскихъ университетовъ. Самымъ энергическимъ образомъ онъ указалъ на расширеніе мѣстнаго самоуправленія и на административную децентрализацію, какъ на главную государственную задачу ближайшаго будущаго Англіи и вообще какъ на самую существенную задачу въ современной жизни европейскихъ народовъ; всего болѣе обвинялъ либеральную партію за развитіе административной централизаціи и усиленіе вліянія бюрократіи и центральныхъ правительственныхъ учрежденій на мѣстныя дѣла, въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, вопреки всѣмъ многовѣковымъ историческимъ преданіямъ Англіи и историческому духу великобританской конституціи, зиждущейся прежде всего на самостоятельности мѣстнаго управленія и самодѣятельности его органовъ. Ораторы другихъ партій—либеральной и радикальной—также всего болѣе говорятъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, подготовляющихъ будущіе выборы, о развитіи самоуправленія. Каждая партія желаетъ этого развитія въ своемъ направленіи, но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ вопросъ будетъ первый на очереди въ будущей политической борьбѣ и въ законодательной дѣятельности Великобританіи, какая-бы партія ни стала во главѣ ея правительства. Политическіе люди всѣхъ оттѣнковъ надѣются между прочимъ, посредствомъ разрѣшенія этого вопроса, всего болѣе залечить главную рану Великобританіи—Ирландію. Это явленіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія со стороны всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, что для всѣхъ ихъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи—самый существенный, вездѣ наименѣе удовлетворительно разрѣшенный и тѣсно связанный со всѣми политическими и соціальными вопросами нашего времени. Зачавшееся всестороннее обсужденіе его въ Англіи обѣщаетъ много назиданій для всей остальной Европы.

Въ заключеніе о дѣйствіяхъ новаго великобританскаго кабинета, мы должны упомянуть о газетныхъ слухахъ, распространяемыхъ во всей европейской печати относительно его воинственныхъ замысловъ, преимущественно по афганскому вопросу, вопреки всѣмъ официальнымъ миролюбивымъ его заявленіямъ и миролюбивымъ обѣщаніямъ нашего дипломатическаго органа. Эти слухи возбудили даже надняхъ мгновенную панику на лондонской биржѣ и произвели колебанія въ курсѣ нашихъ процентныхъ бумагъ и нашего бумажнаго рубля. Всего менѣе можно удивляться появленію этихъ слуховъ до окончательной развязки афганскаго дипломатическаго инцидента. Кромѣ биржевыхъ спекулянтовъ, пользующихся ими для легкой наживы на биржевой игрѣ, они нужны и журналистамъ, посреди политическаго затишья, для развлеченія своей публики. Сверхъ всего этого, нельзя сомнѣваться въ существованіи воинственныхъ или, лучше, задорныхъ общественныхъ элементовъ и въ Англіи, и въ Россіи, а также въ Германіи, гдѣ нѣкоторые органы печати немало старались раздуть англо-русскій афганскій споръ. Однако, едва-ли всѣмъ этимъ задорникамъ можетъ удаться, какъ это впрочемъ, къ несчастію, случалось въ исторіи не разъ, поколебать государственное благоразуміе, господствующее у обѣихъ спорящихъ націй! Нельзя не пожелать, для пользы ихъ обѣихъ, возможно скорѣйшей развязки этой слишкомъ затянувшейся дипломатической кампаніи, хотя-бы и съ пожертвованіями съ той или другой стороны. Казалось-бы, что послѣ необычайнаго усиленія русскаго престижа въ Средней Азіи, всего болѣе уступокъ, для ускоренія всѣми желанной развязки, могла-бы сдѣлать Россія. Не посвященные въ дипломатическія тайны и потому весьма способные ошибаться, мы позволимъ себѣ только одно размышленіе: не говоря даже о бѣдствіяхъ войны, нельзя не подумать, что одни приготовленія къ ней и потери частныхъ лицъ на колебаніяхъ биржевыхъ курсовъ кредитныхъ бумагъ стóятъ неизмѣримо дороже

для обѣихъ странъ, чѣмъ десятки и даже сотни квадратныхъ верстъ земли въ афганскихъ пустыняхъ!

Обязанность поспѣшить къ обозрѣнію нашихъ внутреннихъ дѣлъ, которыхъ накопилось много за послѣднее время, облегчается для насъ отсутствіемъ сколько-нибудь крупныхъ политическихъ фактовъ въ другихъ государствахъ Европы. Упомянемъ только о двухъ явленіяхъ, обращающихъ на себя въ настоящую минуту большое вниманіе,—о возобновившихся почти повсемѣстно движеніяхъ анархистовъ и о разгорающейся въ Европѣ таможенной войнѣ. То и другое угрожаетъ всѣмъ европейскимъ государствамъ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ всѣ ихъ международныя—политическія и національныя распри.

Международная или всемірная, космополитическая партія разрушенія опять напомнила о себѣ полицейскими раскрытіями злоумышленій въ разныхъ мѣстахъ, и между прочимъ въ Брюсселѣ, гдѣ были арестованы между людьми всякихъ національностей двое русскихъ. Въ Барцелону созывается всемірный конгрессъ анархистовъ со всего свѣта; это новое бѣдствіе для Испаніи, которая испытывается съ нѣкоторыхъ поръ всякими несчастіями и которую непримиримые враги порядка во всемъ свѣтѣ избрали теперь для своего сборища, за невозможностью собраться ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Европы. Министерскій кризисъ въ Испаніи, до сихъ поръ не улаженный, и всѣ вообще запутанныя ея внутреннія дѣла благопріятствуютъ конгрессу анархистовъ, невозможному теперь ни въ какой другой странѣ. Будутъ-ли въ силахъ не допустить этотъ чудовищный конгрессъ нѣсколько укрѣпившаяся въ Испаніи королевская власть и кабинетъ той или другой партіи, окончательная организація котораго теперь ожидается, — неизвѣстно. Но никакая политическая партія въ Европѣ не можетъ терпѣть подобныхъ сборищъ; они не имѣютъ ничего общаго съ какою бы то ни было свободою политической мысли и съ свободнымъ обсужденіемъ какихъ-бы то ни было политическихъ мнѣній, такъ какъ эти сборища ни что иное какъ соглашенія отъявленныхъ злодѣевъ всего свѣта относительно устройства самыхъ гнусныхъ преступленій. Терпѣть такія сборища все равно, что дозволять устройство международныхъ конгрессовъ обыкновенныхъ разбойниковъ и воровъ всѣхъ странъ, которыхъ впрочемъ анархисты безъ зазрѣнія совѣсти принимаютъ въ свои ряды. Всемірная партія анархистовъ, открыто заявляющая, что она ничего не имѣетъ въ своей программѣ кромѣ разрушенія всего существующаго всякими способами, есть безъ сомнѣнія самое болѣзненное явленіе въ современной жизни историческаго міра, всего болѣе задерживающее успѣхи его цивилизаціи. Но есть надежды на то, что эта болѣзнь приближается къ своему кризису. Въ наиболѣе свободной странѣ Европы, въ Швейцаріи, происходитъ теперь самая энергическая борьба съ анархистами, не только со стороны правительственныхъ, но и общественныхъ силъ. Самое многочисленное общество рабочихъ въ Швейцаріи (союзъ Грютни) рѣшило исключить изъ своей среды всякаго члена, имѣющаго малѣйшее прикосновеніе не только къ анархистамъ, но и къ соціалистамъ, которые своею пропагандою, хотя только теоретическою, работаютъ на-руку анархистамъ.

Таможенная война, занимающая не послѣднюю страницу въ современной европейской исторіи, разыгрывается теперь крайне любопытными и поучительными эпизодами—въ таможенныхъ спорахъ Франціи и Румыніи, Австро-Венгріи и Германіи. Румынія, утѣсненная таможенными налогами Германіи и Франціи на единственный свой вывозной товаръ—земледѣльческіе продукты, въ возмездіе за это возвысила свой тарифъ по всѣмъ фабричнымъ произведеніямъ, а Франція въ видѣ репрессаліи возвысила еще болѣе налогъ на румынскій хлѣбъ и скотъ. Гораздо болѣе серьезные размѣры угрожаетъ принять таможенная борьба между Германіей и Австро - Венгріей, которая своими послѣдствіями можетъ отозваться на таможенной политикѣ всей Европы. Усиленіе таможеннаго протекціонизма въ Германіи, и именно по отдѣлу всѣхъ сырыхъ продуктовъ, особенно невыгодно для Ав-

стріи и главнѣйше для Венгріи, такъ какъ онѣ изобилуютъ преимущественно этими продуктами. Съ другой стороны, при крайнемъ напряженіи таможеннаго протекціонизма во всей континентальной Европы, Германія чрезвычайно нуждается въ сбытѣ своихъ фабрикатовъ на ближайшемъ австро-венгерскомъ рынкѣ. Усилія къ заключенію таможеннаго договора между обѣими имперіями о взаимныхъ тарифныхъ уступкахъ, о которомъ хлопотали съ обѣихъ сторонъ, оказываются до сихъ поръ безуспѣшными. Весь этотъ таможенный вопросъ усложняется для вѣнскаго правительства его отношеніями къ Венгріи; въ будущемъ году настаетъ срокъ пакта Цислейтаніи съ Венгріей, на которомъ зиждется весь нынѣшній государственный строй имперіи Габсбурговъ, а внутренній таможенный договоръ между обѣими частями имперіи составляетъ существенную часть этого пакта. Этотъ-же договоръ обусловленъ таможенными отношеніями Австро-Венгріи къ другимъ государствамъ, и преимущественно къ Германіи. Поэтому таможенный споръ между обѣими имперіями вступилъ теперь въ острый кризисъ, для котораго съ обѣихъ сторонъ видятъ только двѣ возможныя развязки: или таможенныя репрессаліи со стороны Австро-Венгріи по отношенію къ германскимъ фабрикатамъ, и затѣмъ такія-же репрессаліи въ Германіи по отношенію къ австрійскимъ продуктамъ, или заключеніе между обѣими имперіями таможеннаго союза (подобнаго прежнему германскому), въ силу котораго была-бы открыта полная или почти полная свобода торговли (безпошлинной) между обѣими имперіями, съ усиленіемъ (для вознагражденія ихъ за ущербы въ ихъ таможенныхъ доходахъ) налоговъ на товары всѣхъ другихъ государствъ. Мысль о такомъ союзѣ возникла въ Венгріи, которая всего болѣе страдаетъ отъ этой таможенной борьбы, и она теперь много обсуждается въ нѣмецкой печати.

Весь этотъ вопросъ—общеевропейскій. Рано или поздно онъ, въ томъ же самомъ видѣ, станетъ для всей Европы. Рано или поздно,—и вѣроятно скоро, при непрерывномъ ожесточеніи таможенной войны,—она во всѣхъ государствахъ континентальной Европы и также въ Сѣв. Америкѣ вступитъ въ ту-же самую критическую фазу. Или должно дойти до-нельзя, до полнаго прекращенія всякой международной торговли, повсемѣстное усиленіе таможенныхъ репрессалій, или должны возникать таможенные союзы — германо-австрійскій, латинскій (о которомъ также уже шла рѣчь) и т. д., и та-же война репрессаліями возгорится между этими группами государствъ, или наконецъ станутъ заключаться таможенные облегчительные договоры, которыми въ 50-хъ годахъ ознаменовалась эра фритредерской политики послѣ предыдущаго періода сильныхъ таможенныхъ охранъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, несомнѣнно одно разрѣшеніе этой самоубійственной войны—повсемѣстное торжество свободно-торговой политики, въ необходимости которой, какъ единственнаго способа существованія новѣйшей промышленности, торговли и цивилизаціи, всѣ должны будутъ убѣдиться. Крайній протекціонизмъ, развиваясь все болѣе и болѣе, не можетъ не дойти, чисто практическимъ путемъ, до своего абсурда, какимъ онъ давно признанъ въ теоріи, которая, къ сожалѣнію, не въ одной только экономической наукѣ не бываетъ вразумительна для народовъ безъ тяжкихъ практическихъ опытовъ. Все это нужно имѣть въ виду и у насъ, въ Россіи, которая, слѣпо подражая всегда во всемъ, и главнѣйше, въ наихудшемъ, западной Европѣ, вступила, по примѣру Германіи, на тотъ-же таможенный путь.

Обращаясь къ нашему отечеству, мы можемъ сдѣлать здѣсь только самый быстрый очеркъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, которыми закончилась сессія государственнаго совѣта и которые вносятъ значительныя перемѣны по многимъ частямъ нашего государственнаго строя и управленія.

Всего болѣе обратилъ на себя вниманіе и возбудилъ толковъ въ печати и публикѣ законъ объ усиленіи дисциплинарной отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и объ учрежденіи высшаго дисциплинарнаго присутствія въ пра-

вительствующемъ сенатѣ, которое призвано, какъ высшая инстанція, окончательно вершить всѣ дисциплинарные вопросы по судебной части. Этотъ законъ разрѣшилъ собою рядъ прискорбныхъ недоумѣній, возбуждавшихся въ нашемъ обществѣ нѣкоторыми дѣйствіями нашихъ судовъ и злоупотребленіями нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ по судебной части. Нельзя не признать, что онъ разрѣшилъ эти недоумѣнія самымъ удовлетворительнымъ образомъ: дисциплинарная отвѣтственность судей и дисциплинарныя съ нихъ взысканія значительно усилены, но вся процедура по этимъ дѣламъ обставлена достаточными гарантіями безпристрастія и коллегіальности, недопускающими зависимости судей и налагаемыхъ на нихъ взысканій отъ личнаго усмотрѣнія кого бы то ни было и отъ администраціи. Наилучшею гарантіей служитъ подчиненіе всѣхъ этихъ дѣлъ правительствующему сенату, самому самостоятельному и самому независимому отъ администраціи и отъ всякихъ тенденціозныхъ теченій въ обществѣ государственному учрежденію въ Россіи. Новый законъ, соображенный съ практическимъ опытомъ, какого не было при учрежденіи судебныхъ установленій Императора Александра II, составленъ въ духѣ великихъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ установленій. Подобныя дополненія и поправки желательны относительно всѣхъ государственныхъ преобразованій прошедшаго царствованія, которыя не могутъ оставаться неподвижными посреди новыхъ теченій и опытовъ жизни. Весьма естественно, что новый судебный законъ не удовлетворилъ ни тѣхъ новѣйшихъ ожесточенныхъ хулителей всѣхъ учрежденій прошедшаго царствованія, которые требуютъ радикальной ихъ ломки,— и въ этомъ главное достоинство новаго закона,—ни поборниковъ буквы этихъ учрежденій.

Изданъ давно ожидавшійся, основанный на многолѣтнемъ изученіи дѣла, желѣзнодорожный уставъ. Онъ долженъ упорядочить нашу желѣзно-дорожную администрацію,—самую безпорядочную въ государствѣ, — и подчинить господствовавшіе въ ней до сихъ поръ личные интересы интересамъ государственнымъ и общественнымъ. Въ какой степени это удастся, при крайней запутанности отношеній нашихъ желѣзно-дорожныхъ компаній къ правительству,—можно будетъ судить только при приведеніи въ дѣйствіе желѣзно-дорожнаго устава. Разрѣшеніе самаго существеннаго для народнаго хозяйства и самаго труднаго вопроса по этой части,—о правилахъ относительно желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, — еще впереди; должно ожидать успѣшнаго его разрѣшенія отъ коммисіи, подвергнувшей его всестороннему изслѣдованію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Гюббенета.

Самою обширною законодательною дѣятельностью заявило себя, въ послѣднее время, министерство финансовъ; всѣ части государственныхъ финансовъ,—подати прямыя и косвенныя, пошлины, кредитъ и банки, финансовая администрація, — подвергаются преобразованіямъ, которыя болѣе или менѣе кореннымъ образомъ измѣняютъ разныя отрасли нашей финансовой системы, въ томъ числѣ — нѣкоторыя отрасли (подушная и оброчная подать), неизмѣнно существовавшія почти два вѣка. Многія и важнѣйшія изъ этихъ реформъ составляютъ несомнѣнное усовершенствованіе нашего государственно-финансоваго организма, излечиваютъ коренные его недуги и должны быть безспорно признаны несомнѣннымъ прогрессивнымъ его движеніемъ,—останутся въ нашей финансовой исторіи и заслужатъ благодарность потомства. Такова попреимуществу реформа прямыхъ податей. Общій смыслъ цѣлаго ряда мѣръ, прежде и теперь принятыхъ по этому предмету нынѣшнимъ министромъ финансовъ, заключается въ перенесеніи податной тяжести съ бѣднѣйшихъ общественныхъ классовъ, которые прежде были почти исключительно ею обременены, на зажиточнѣйшіе классы, которые были отъ нея почти свободны. Въ этомъ направленіи должна дѣйствовать, съ одной стороны, самая рѣшительная и самая радостная финансовая мѣра—отмѣна подушной подати съ 1886 г. для многихъ категорій плательщиковъ и съ 1887 г. для всѣхъ (кромѣ Сибири) и, съ другой стороны, установленіе новыхъ податей, разсчитанныхъ

преимущественно на имущественные классы, — только-что учрежденный сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и ранѣе учрежденные дополнительные сборы съ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устроенъ съ 1887 г. выкупъ оброчной подати, лежащей на государственныхъ крестьянахъ (вмѣсто ея возвышенія); черезъ это, въ томъ-же направленіи къ болѣе равномѣрному распредѣленію повинностей между разными классами народонаселенія, положеніе государственныхъ крестьянъ (черезъ возвышеніе оброчной подати посредствомъ выкупныхъ платежей) приравнивается къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, до сихъ поръ гораздо болѣе платившимъ казнѣ, вслѣдствіе выкупныхъ платежей.

Въ ожиданіи еще дальнѣйшихъ неизбѣжныхъ мѣръ по нашей системѣ прямыхъ податей въ томъ-же направленіи, уже совокупностью всѣхъ сдѣланныхъ нынѣ распоряженій въ этой первостепенной финансовой области положено начало устраненію великой государственной несправедливости въ нашей жизни и цѣлому перевороту въ нашемъ государственномъ строѣ,—уничтоженію различія между податными и неподатными сословіями и упраздненію давно отжившей свой вѣкъ податной привиллегіи высшихъ сословій. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ народно-хозяйственномъ отношеніи, устраняются препятствія къ болѣе естественному, справедливому и свободному распредѣленію народнаго богатства, къ сохраненію денежныхъ сбереженій въ рукахъ тѣхъ самыхъ общественныхъ классовъ, и ктому-же бѣднѣйшихъ, которые ихъ заработали своимъ трудомъ и у которыхъ всѣ излишніе заработки вырывались крайне несправедливою податною системою. Сверхъ всего этого, оммѣна подушной подати освобождаетъ крестьянъ отъ гнета круговой податной поруки и ига міра надъ личностью и свободою труда, и обѣщаетъ еще болѣе освободительное для личности и труда преобразованіе паспортной системы. Наконецъ, связанныя съ реформами въ прямыхъ податяхъ новыя мѣстныя финансовыя учрежденія,—податные инспекторы и губернскія и уѣздныя податныя присутствія, — обѣщаютъ также немало добра, внося болѣе правильный законный контроль надъ поступленіемъ государственныхъ налоговъ и правомѣрныя гарантіи, оберегающія какъ интересы казны, такъ и плательщиковъ.

Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и даже съ совершенно противоположнымъ характеромъ и представляются мѣры, принятыя по другимъ частямъ финансоваго управленія,—принятыя не вслѣдствіе зрѣло обдуманнаго, сознательнаго и самостоятельнаго государственнаго плана, а подъ давленіемъ разныхъ временныхъ теченій въ обществѣ, превозмогающихъ и личныхъ интересовъ, каковы, напр., интересы нашихъ крупныхъ фабрикантовъ, сумѣвшихъ съ замѣчательною ловкостью организовать, и въ печати, и въ публикѣ, агитацію въ пользу усиленія таможеннаго покровительства,—агитацію, получившую фальсифированное значеніе «общественнаго мнѣнія», которому всегда уважительно уступать съ какой бы то ни было стороны.

Поэтому въ будущности новыхъ финансовыхъ распоряженій, сдѣланныхъ въ этомъ совсѣмъ иномъ направленіи, по другой отрасли государственныхъ податей—косвенныхъ или съ потребленія (по питейной и таможенной частямъ) можно сомнѣваться. Впрочемъ, если новыя правила о торговлѣ крѣпкими напитками, ожидавшіяся много лѣтъ и разработывавшіяся въ многочисленныхъ коммисіяхъ, не удовлетворяютъ связывавшихся съ ними ожиданій публики (какъ объ этомъ можно судить по неодобрительнымъ объ нихъ отзывамъ въ газетахъ всѣхъ оттѣнковъ), то въ значительное оправданіе этихъ правилъ нужно привести трудность поставленной тутъ правительству задачи, для него неразрѣшимой. Мы говоримъ о сокращеніи пьянства, котораго большая часть самыхъ громкихъ органовъ печати требовала отъ государства. Какъ ни гибеленъ этотъ порокъ въ нашемъ народѣ, но государство не обладаетъ никакими способами прямаго на него дѣйствія; это доказываетъ примѣръ всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, также безуспѣшно дѣйствовавшихъ противъ того-же зла. Другое дѣло—сокращеніе и даже уничтоженіе кабаковъ, этихъ вертеповъ всякихъ

злодѣяній и всякой эксплоатаціи народа, искусственно созданныхъ самымъ законодательствомъ. Новыя питейныя правила прямо направлены къ этой цѣли: они безусловно воспрещаютъ кабаки, т. е. питейные дома, занимающіеся исключительно распивочною продажею спиртныхъ напитковъ, и замѣняютъ ихъ трактирными заведеніями, торгующими кромѣ питей теплыми кушаньями или холодными закусками. Затѣмъ новыя правила даютъ вновь созданнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ — уѣзднымъ по питейнымъ дѣламъ присутствіямъ и городскимъ думамъ—право сокращать число и этихъ заведеній и вообще регламентировать торговлю спиртными напитками. Во всемъ этомъ—главная сущность новыхъ правилъ. Весь ходъ и успѣхъ дѣла будутъ зависѣть отъ дѣятельности этихъ новыхъ учрежденій, устроенныхъ наподобіе разныхъ другихъ «сборныхъ» (изъ разныхъ должностныхъ лицъ) присутствій, до сихъ поръ не совсѣмъ удавшихся, а также отъ городскихъ думъ; объ этой дѣятельности судить на основаніи изданныхъ правилъ нѣтъ никакой возможности. Въ какой степени новыя трактирныя заведенія будутъ лучше кабаковъ и въ какой степени, напр., холодныя закуски измѣнятъ характеръ этихъ послѣднихъ или будутъ въ нихъ только фикціей и вывѣской—можетъ показать только время.

Всего болѣе недоумѣній и сомнѣній связано съ новѣйшею таможенною системою, покровительственный и запретительный характеръ которой ежедневно возрастаетъ. Новое общее возвышеніе таможенныхъ налоговъ на 20% и возвышеніе ихъ по финляндской границѣ,—послѣ всѣхъ бывшихъ въ недавніе годы, и спеціальныхъ и общихъ, возвышеній тарифа,—привело къ тому, что нашъ таможенный тарифъ въ общемъ своемъ видѣ далеко превосходитъ нынѣ тарифы всего свѣта, даже тѣхъ странъ, которыя всего болѣе усилили свою покровительственную таможенную политику. Мы совсѣмъ не желаемъ касаться здѣсь малѣйшимъ образомъ вопроса о таможенномъ протекціонизмѣ и свободѣ торговлѣ; уже выше было указано на ту любопытную въ практическомъ отношеніи фазу, въ которую вступаетъ теперь этотъ вопросъ во всей Европѣ. Но здѣсь мы упомянемъ только объ одномъ замѣчательномъ недавнемъ явленіи, освѣщающемъ у насъ этотъ вопросъ. Всѣ доселѣ бывшія у насъ возвышенія тарифа никакъ не привели къ тѣмъ результатамъ, которые были обѣщаны защитниками этой системы: къ выгодному для насъ международному торговому балансу и къ увеличенію нашего товарнаго отпуска, къ возвышенію иностраннаго вексельнаго курса или цѣнности нашей валюты, т. е. бумажнаго рубля, и къ увеличенію нашего фабричнаго производства и его внутреннихъ сбытовъ. Совсѣмъ напротивъ, появилось много симптомовъ въ движеніи нашего народнаго хозяйства, совсѣмъ противоположныхъ обѣщаннымъ благодѣяніямъ: нашъ вывозъ по многимъ и важнѣйшимъ статьямъ сокращался, происходили самыя сильныя колебанія и паденія вексельнаго курса и бумажнаго рубля и наконецъ въ нашемъ промышленномъ производствѣ обнаружились застой, даже потрясенія, хотя они и значительно преувеличиваются заинтересованными лицами, въ надеждѣ на испрошеніе новыхъ правительственныхъ субсидій и милостей. Всѣ указанные факты совершались въ-очію всѣхъ, били глаза самой несвѣдущей публики, и отрицать ихъ не было никакой возможности. И вотъ самые задорные органы нашихъ крупныхъ фабрикантовъ и таможеннаго протекціонизма, которыхъ голосъ былъ немалозначителенъ въ новѣйшей нашей таможенной политикѣ, обращаются къ маневру, возможному только передъ массою самыхъ невѣжественныхъ читателей, хотя, къ сожалѣнію, далеко не первому маневру этого рода со стороны этихъ органовъ. Они сами съ величайшею рѣзкостью, составляющею главную принадлежность ихъ нравовъ, выставляютъ всѣ эти печальные для ихъ предсказаній факты; но, вопреки грубѣйшему противорѣчію съ тѣмъ, что они говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о таможенной покровительственной системѣ, какъ о главномъ орудіи правительства къ подъему отечественной промышленности, какъ о панацеѣ противъ всѣхъ экономическихъ бѣдъ, они силятся доказать теперь,

съ тѣми же обычными имъ окриками, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ покровительственной таможенной системѣ, что она сама по себѣ не даетъ ничего для усиленія производительности и торговли страны, для возвышенія народнаго благосостоянія и богатства, что нужны и гораздо болѣе существенныя, совсѣмъ другія правительственныя мѣры: элеваторы для облегченія хлѣбнаго отпуска (надобность въ которыхъ эти самые органы прежде отвергали); торговый флотъ и правительственныя субсидіи въ пользу него; преміи за кораблестроеніе и стѣснительныя и запретительныя мѣры противъ иностранныхъ судовъ въ нашихъ водахъ; привиллегированные желѣзнодорожные тарифы для русскихъ товаровъ и къ русскимъ портамъ, сравнительно съ иностранными; воспрещеніе иностранныхъ фабрикъ на нашихъ западныхъ окраинахъ, гдѣ онѣ быстро размножаются съ усиленіемъ таможеннаго покровительства; дозволеніе иностраннымъ капиталистамъ, мастерамъ и рабочимъ водворяться у насъ только въ глубинѣ Россіи и на восточныхъ нашихъ окраинахъ; учрежденіе министерства промышленности и торговли вмѣсто неспособнаго къ этой функціи министерства финансовъ, и проч., и проч. Проектируется безконечный рядъ правительственныхъ денежныхъ пособій промышленности и торговлѣ, искусственныхъ и насильственныхъ государственныхъ мѣръ къ облагодѣтельствованію этой области,—такихъ мѣръ, при которыхъ все и всякіе барыши доставались бы нашимъ капиталистамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ даромъ, безъ малѣйшихъ съ ихъ стороны усилій!

Подвергать критикѣ всѣ эти проекты мы не станемъ. Насъ интересуетъ только одно особенное направленіе газетныхъ сужденій и возгласовъ, сопровождающихъ эти проекты: по ихъ тону какъ-будто всего болѣе оказываются виноватыми именно тѣ, которые послушались совѣтовъ этихъ-же самыхъ органовъ относительно таможеннаго протекціонизма, а не обратились прежде всего ко вновь проектируемымъ теперь мѣрамъ. Эта грубая, возможная только у насъ тактика нѣкоторыхъ органовъ нашей печати слишкомъ извѣстна: оказываются практически несостоятельными мѣры, которыя они самымъ настоятельнымъ образомъ требовали для спасенія государства, и они быстро отъ нихъ отворачиваются, умывая себѣ руки и осуждая только тѣхъ, которые ихъ послушались и не приняли вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ мѣръ, безъ которыхъ первыя и не могли-де имѣть никакихъ хорошихъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, въ этой новѣйшей агитаціи органовъ нашего протекціонизма онъ и у насъ начинаетъ самъ себя побивать, какъ мы это видѣли въ западной Европѣ.

Въ кругу мѣропріятій по фабричной части, возбудили у насъ единодушное сочувствіе всѣхъ незаинтересованныхъ лицъ и заслуживаютъ полной благодарности общества всѣ начавшіяся у насъ, давно желанныя ограниченія звѣрской эксплоатаціи дѣтскаго труда и новѣйшія распоряженія министерства финансовъ, воспрещающія ночную работу малолѣтковъ на фабрикахъ нѣкоторыхъ категорій. Хотя именно эти фабрики пользуются наисильнѣйшимъ таможеннымъ покровительствомъ, но въ кругу ихъ владѣльцевъ началась дерзкая агитація противъ этихъ распоряженій. Это характеризуетъ духъ значительной невѣжественной части нашихъ фабрикантовъ: они вопіютъ о всякихъ субсидіяхъ и жертвахъ со стороны государства въ ихъ пользу, а сами не расположены принести даже ничтожныхъ жертвъ государству и народу, вызываемыхъ вполнѣ естественнымъ чувствомъ человѣколюбія и самыми непреложнымк задачами общественной пользы. Притомъ заслуживаетъ вниманія, что крайняя необходимость ночныхъ работъ, нужныхъ только для самаго напряженнаго производства, заявляется въ той именно средѣ, которая теперь громко стонетъ о постигшемъ ее промышленномъ застоѣ! Это обстоятельство, кромѣ множества другихъ, обязываетъ нашу публику воздерживаться отъ излишняго довѣрія къ показаніямъ нашихъ промышленниковъ относительно хода своихъ дѣлъ.

VII

23 іюля

Афганскій вопросъ; воинственные слухи; настоящее и будущее этого вопроса.—Смерть магди.—Возстаніе въ Аннамѣ.—Колоніальныя затрудненія европейскихъ державъ.—Борьба политическихъ партій въ Англіи и Франціи; погоня за избирателями.—Дружба великобританскаго кабинета съ ирландскими сепаратистами.—Избирательныя программы французскихъ партій.

Афганскій вопросъ можно было-бы давно почесть сданнымъ въ архивъ, а между тѣмъ онъ продолжаетъ до сихъ поръ висѣть дамокловымъ мечемъ надъ миромъ Европы и безпрерывно тревожить ее разными мрачными слухами. Правда, что серьезная часть читающей публики, не видя никакихъ положительныхъ признаковъ разрыва между Англіей и Россіей и никакихъ разумныхъ для него основаній въ настоящемъ случаѣ, знаетъ, что главная причина всѣхъ этихъ тревожныхъ слуховъ — нынѣшній политическій штиль Европы, вынуждающій журналистовъ пускать гадательныя сенсаціонныя извѣстія, за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было событій. При этомъ примѣчательна роль офиціозныхъ газетъ (какова напр. вѣнская «Политическая Корреспонденція», слывущая заграницей органомъ Россіи), которыя всего болѣе содѣйствовали, въ послѣдніе дни, своими мнимыми откровеніями общественной тревогѣ и раздражительной газетной полемикѣ въ Англіи и Россіи. Между тѣмъ этого рода газеты, если только онѣ имѣютъ какуюнибудь разумную цѣль для своего существованія, должны служить, въ качествѣ литературныхъ буферовъ между государствами, для облегченія ихъ международныхъ столкновеній, для противодѣйствія ложнымъ воинственнымъ слухамъ и чувствительности страстныхъ національныхъ самолюбій, должны служить для успокоенія общественнаго мнѣнія. И на литературной почвѣ, какъ на государственной, — по примѣру Афганистана, — мирная роль этихъ международныхъ буферовъ оказывается совершенно несостоятельною. Впрочемъ, наименѣе сомнительный офиціозный органъ нашей дипломатіи (Journal de St.-Pétersbourg) не переставалъ категорически опровергать всѣ распускавшіеся въ эти дни воинственные слухи, хотя къ сожалѣнію онъ не сообщаетъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ и ограничивается, по своему слишкомъ извѣстному обычаю, иронизирующими замѣчаніями на смутныя сообщенія враждебныхъ Россіи иностранныхъ газетъ и на публичныя рѣчи великобританскихъ государственныхъ людей. Эта иронія, которая могла бы, въ другомъ случаѣ, служить свидѣтельствомъ о презрительномъ спокойствіи духа и тѣмъ самымъ успокоить умы, у насъ никого не успокоиваетъ и не прекращаетъ тревожныхъ слуховъ, къ которымъ слишкомъ падка извѣстная несвѣдущая часть нашей публики, такъ какъ у насъ давно всѣ привыкли къ этимъ успокоительнымъ иронизирующимъ бесѣдамъ нашего дипломатическаго органа, которыя случались даже наканунѣ событій самыхъ серьезныхъ, какъ напр. послѣдней восточной войны.

Тѣмъ не менѣе, не видно рѣшительно никакихъ основательныхъ причинъ сомнѣваться въ мирной развязкѣ афганскаго

спора между Россіей и Англіей. Мы достаточно говорили прежде о соображеніяхъ, заставляющихъ ожидать этой развязки, и они нисколько теперь не измѣнились. Надняхъ глава великобританскаго кабинета, въ торжественной рѣчи на обычномъ ежегодномъ обѣдѣ лондонскаго лорда-мэра, заявилъ, что не только должно ожидать мирнаго разрѣшенія афганскаго инцидента, но что даже въ ближайшемъ будущемъ Англія и Россія должны соединиться дружбою, въ кругу нѣсколькихъ союзныхъ европейскихъ державъ. Какой смыслъ имѣютъ эти загадочныя слова, переданныя по телеграфу, мы узнаемъ впослѣдствіи изъ подлинной рѣчи маркиза Салисбери; но никакъ нельзя думать, что они сказаны на вѣтеръ, и еще менѣе хотимъ мы думать,—подобно нѣкоторымъ воинственнымъ органамъ печати, старающимся разжечь непріязненныя чувства между Россіей и Англіей, что за этими медоточивыми рѣчами англійскаго премьера скрываются коварные замыслы—затянуть переговоры и воспользоваться какимъ-нибудь предлогомъ, который бы оправдалъ его передъ мирно настроеннымъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, чтобы грянуть войною на Россію. Для сколько-нибудь выгодныхъ Англіи шансовъ этой войны и даже удобныхъ для нея условій этого боя, при нынѣшнемъ внутреннемъ ея положеніи и критическихъ обстоятельствахъ торійскаго кабинета—нѣтъ никакихъ данныхъ.

Однако, не слѣдуетъ слишкомъ полагаться,—какъ это проповѣдуютъ иные публицисты, весьма расположенные съ «легкимъ сердцемъ» вовлечь Россію въ ненужную ей борьбу,—не слѣдуетъ полагаться на эти критическія обстоятельства нынѣшняго великобританскаго правительства, которое держится, какъ говорятъ, благодаря милости парламентской оппозиціи, непріязненной ко всякой войнѣ и дружественной къ Россіи. На такія вещи, въ международныхъ дѣлахъ, полагаться невозможно,— тѣмъ менѣе въ Англіи, гдѣ всѣ партіи быстро и патріотически соединяются за одно въ международныхъ столкновеніяхъ, хотябы и возбужденныхъ по винѣ или ошибкѣ правительства и вопреки желанію страны

Какъ-бы то ни было, но дипломатическіе переговоры по афганскому вопросу, по общему мнѣнію и у насъ, и заграницей, слишкомъ затянулись. Серьезные органы иностранной печати замѣчаютъ, что переговоры, предшествовавшіе всѣмъ новѣйшимъ великимъ событіямъ и войнамъ Европы, за исключеніемъ послѣдней восточной войны, далеко не длились такъ долго. Въ настоящемъ случаѣ, дипломаты особенно отличились своею классическою медлительностью, которую они всегда оправдываютъ своими миролюбивыми цѣлями,—«gagner de temps» (выиграть время),— но которая однако не разъ приводила къ самымъ печальнымъ результатамъ. Изъ этой дипломатической медлительности составляетъ исключеніе только кн. Бисмаркъ, — самый побѣдоносный дипломатъ нашего вѣка.

Какъ-бы ни были основательны надежды на миръ и онъ имѣетъ за себя авторитетъ кн. Бисмарка, который, по словамъ его органовъ, предсказалъ невозможность войны изъ-за афганскаго вопроса, но ускореніе его развязки сдѣлалось весьма настоятельнымъ. Разграниченіе Афганистана всетаки держитъ въ извѣстномъ напряженіи Европу и въ особенности наше отечество, и парализуетъ движеніе торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, неудобное преимущественно для насъ. По общему мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей и всѣхъ органовъ печати, и иностранной и русской, всѣхъ оттѣнковъ,—единственный теперь спорный пунктъ между Англіей и Россіей, Зюльфагарскій горный проходъ, не заключаетъ въ себѣ ничего существеннаго ни для Россіи, ни для Англіи, ни для Афганистана, ни въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ предъявляетъ на эту мѣстность свои права Россія, ни въ тѣхъ, какими желаетъ ограничить эти права Англія. Серьезные и болѣе естественные рубежи, которые-бы могли на продолжительное время обезпечить наши среднеазіятскія владѣнія, ихъ гражданское устройство, обезопашеніе всего этого края отъ безпокойныхъ кочевниковъ и наше стратегическое въ немъ положеніе, — такіе рубежи находятся не въ этой мѣстности, а дальше на югъ, по линіи Паропамизскаго хребта, — единственной географической границы всего

этого пространства. Эта естественная граница идетъ по сѣверному склону этого хребта, по меньшей мѣрѣ, или еще лучше — она должна идти по южному его склону, т. е. въ долинѣ Герата и Герируда. Этотъ взглядъ былъ надняхъ высказанъ въ иностранной печати весьма компетентными лицами, лично изучившими все это пространство и дружественными Россіи. Поэтому очень распространено, и въ дружественныхъ, и во враждебныхъ Россіи политическихъ сферахъ, а также въ нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ кружкахъ мнѣніе, что какъ-бы ни было вѣроятно мирное разрѣшеніе нынѣшняго нашего столкновенія съ Англіей, но дальнѣйшее движеніе наше къ нашей естественной границѣ неминуемо и съ тѣмъ вмѣстѣ неминуема рано или поздно борьба между двумя державами.

Изо всего этого многіе, и не одни даже воинственно настроенныя лица выводятъ то заключеніе, что для Россіи было бы выгоднѣе, при нынѣшнихъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ, для нея благопріятныхъ и которыя могутъ не повториться, теперь же упредить эту роковую борьбу и занять въ Афганистанѣ позиціи, безъ которыхъ она рано или поздно обойтись не можетъ, вмѣсто того, чтобы вести мучительные дипломатическіе переговоры, которые, при ничтожествѣ ихъ задачи, безплодны для насъ, даже въ случаѣ самаго блистательнаго ихъ завершенія.

Для друзей мира, каковы, за самыми малыми изъятіями, всѣ русскіе люди, и мыслящіе и не мыслящіе, должна всегда представляться крайне сомнительною разумность подобныхъ соображеній: рѣшаться на войну въ данную минуту только потому, что она признается неминуемою въ будущемъ! Никому невѣдомый послѣдующій ходъ историческихъ событій много разъ доказывалъ несостоятельность этого рода предположеній относительно борьбы между государствами, казавшейся неизбѣжною въ будущемъ. Лучшимъ доказательствомъ служитъ война отместки со стороны Франціи, казавшаяся въ 1871 г. неминуемою для ближайшаго времени. Но не въ этомъ вопросъ, возбуждаемый нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ по отношенію къ Афганистану и Англіи.

Тотъ-же вопросъ можетъ быть поставленъ на другую, нисколько не воинственную точку зрѣнія. Если дипломатическіе переговоры затягиваются теперь не по нашей винѣ,—какъ на это не разъ намекала наша офиціозная дипломатическая печать, — и если, съ другой стороны, самая задача этихъ переговоровъ такъ ничтожна для интересовъ Россіи, то не лучше-ли и не проще-ли намъ вовсе освободиться отъ этихъ безплодныхъ переговоровъ, воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы очистить территорію Средней Азіи отъ всякихъ политическихъ недоразумѣній, уже давно насъ тамъ опутавшихъ, освободить и себя и Англію отъ страннаго положенія, неопредѣлимаго никакимъ международнымъ правомъ, отъ этого посредничества третьей державы за государство, къ которому она имѣетъ самыя смутныя и неуловимыя отношенія, и наконецъ пріобрѣсти для Россіи въ Азіи такую-же свободу дѣйствій, какую имѣютъ всѣ европейскія государства въ другихъ частяхъ свѣта?

Такой выходъ изъ нынѣшняго афганскаго дипломатическаго инцидента былъ-бы для насъ самый счастливый. Онъ освободилъ бы для насъ отъ обязательствъ, которыя не налагаются на насъ никакимъ международнымъ правомъ, ни положительнымъ, ни теоретическимъ, и исполненіе которыхъ можетъ сдѣлаться для насъ крайне тяжкимъ при невѣдомомъ будущемъ ходѣ событій въ глубинахъ азіятскаго материка. Такой выходъ не можетъ угрожать войной, такъ какъ и государственные люди всѣхъ партій въ Англіи высказывали въ послѣднее время мнѣніе, что для нея всего выгоднѣе развязаться съ Афганистаномъ и ограничить свои дѣйствія могущественною обороною индійской границы. Но, если-бы и возможна была, противъ всякаго вѣроятія, война изъ-за этого дѣла самой естественной эманципаціи Россіи, то такая война была бы со стороны нашей только оборонительною за охрану самыхъ неотъемлемыхъ правъ всякаго независимаго государства. А наступленіе на насъ въ такой войнѣ

было бы въ высшей степени затруднительно для нашихъ враговъ, и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи.

Мы могли, на этотъ разъ, нѣсколько распространить наши сужденія по единственному близко интересующему Россію международному вопросу, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія событій и дѣлъ въ политической жизни Европы за послѣднее время. Она находится въ полномъ вакаціонномъ періодѣ; только великобританскій и французскій парламенты спѣшатъ закончить свои сессіи разрѣшеніемъ неотложныхъ текущихъ дѣлъ. Между сколько-нибудь выдающимися событіями, можно упомянуть только о неожиданной смерти магди въ пустыняхъ Судана и возстаніи, вслѣдъ за заключеніемъ мира между Китаемъ и Франціей, туземнаго населенія въ Аннамѣ противъ французскихъ войскъ. Смерть пророка, воодушевившаго давно неслыханнымъ фанатизмомъ весь мусульманскій міръ, внезапно порвала развитіе его колоссальныхъ замысловъ къ покоренію всего Египта, которое, послѣ необыкновенныхъ успѣховъ его оружія, никому не казалось совершенно фантастическимъ и невозможнымъ. Какія будутъ послѣдствія упомянутаго событія и въ какой степени имъ будетъ облегчено затруднительное положеніе Англіи въ Египтѣ—теперь еще неизвѣстно.

Новое неожиданное напряженіе силъ, къ которому вынуждаютъ Францію безпорядки въ Аннамѣ и сверхъ того болѣзни во французскомъ войскѣ, въ то время, когда она наконецъ надѣялась успокоиться отъ этого злосчастнаго предпріятія на другомъ концѣ свѣта, довело до крайняго раздраженія политическія страсти между французскими партіями и ожесточеніе во французскомъ обществѣ противъ бывшаго министра Ферри, признаваемаго главнымъ виновникомъ аннамской экспедиціи. Посреди чрезвычайно бурныхъ засѣданій палаты депутатовъ, какія бываютъ только во Франціи, г. Ферри произнесъ блистательную рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость широкаго развитія колоніальной политики для цѣлей экономическихъ, гуманитарныхъ и политическихъ: для расширенія сбыта премышленныхъ произведеній, стѣсняемаго нынѣшнимъ таможеннымъ протекціонизмомъ Европы, для просвѣщенія варварскихъ племенъ и для заявленія могущества Франціи, какъ великой державы, въ другихъ частяхъ свѣта. Многочисленные противники г-на Ферри принадлежатъ главнѣйше къ политическимъ группамъ болѣе или менѣе радикальнымъ, нынѣ господствующимъ и вообще враждебнымъ ко всякой воинственной и завоевательной политикѣ.

Для насъ всего болѣ интересно во всемъ этомъ, что всѣ европейскія государства, за исключеніемъ Россіи, запутаны нынѣ въ большихъ затрудненіяхъ своихъ колоніальныхъ предпріятій въ другихъ частяхъ свѣта. Свободно отъ нихъ только наше отечество, и въ этомъ отношеніи совершенно измѣнилось его политическое положеніе въ свѣтѣ. Въ прежнее время, самою слабою стороною нашей внутренней государственной жизни и нашихъ международныхъ дѣйствій признавалось колоссальное протяженіе нашихъ владѣній, а теперь всѣ европейскія правительства вынуждены къ гораздо бо̀льшему напряженію своихъ государственныхъ силъ для управленія своими территоріями, на разстояніяхъ отъ своихъ государственныхъ центровъ отчасти не меньшихъ, отчасти гораздо большихъ, чѣмъ наши. При этомъ великое превосходство нашего положенія съ этой стороны заключается въ томъ, что всѣ безъ изъятія наши владѣнія составляютъ одну непрерывную территорію; къ тому-же, нигдѣ, на самыхъ отдаленныхъ ея точкахъ, она несопряжена съ такими опасностями столкновеній съ другими европейскими государствами и съ варварскими племенами, какъ колоніальныя владѣнія другихъ націй. Надо только умѣть воспользоваться этимъ превосходствомъ нашего положенія въ настоящую эпоху исторической жизни.

Посреди нынѣшняго политическаго затишья всего любопытнѣе умственныя движенія, теченія политической мысли, подготовляющія будущія событія. Въ этомъ отношеніи всего болѣе обращаютъ на себя вниманіе Англія и Франція, которыхъ внутреннее политическое положеніе, при всемъ историческомъ различіи обѣихъ націй, весьма сход-

но, въ настоящій моментъ. Обѣ страны готовятся къ парламентскимъ выборамъ, которые должны имѣть рѣшительное вліяніе на характеръ ихъ правительствъ и на всю ихъ политическую и даже общественную жизнь. Въ обѣихъ странахъ началась теперь избирательная агитація и въ обѣихъ выборы будутъ происходить по новымъ избирательнымъ системамъ, которыя при всемъ своемъ различіи тождественны въ одномъ отношеніи: народная политически - невоспитанная масса, низшіе классы, сильные численностью, а не качествомъ, не сознательностью своихъ голосовъ, толпы избирателей, слѣдующихъ не своему личному убѣжденію, а слѣпо повинующихся политическимъ агитаторамъ, умѣющимъ овладѣть ихъ инстинктами и предубѣжденіями,—должны возъимѣть наибольшую власть на будущихъ выборахъ и во Франціи, и въ Англіи. Отсюда, изъ этого демократическаго потока нашего времени, охватившаго не только Францію, но даже и Англію, возникаетъ великое зло, приводящее въ уныніе самыхъ пламенныхъ приверженцевъ парламентскаго правленія, передовыми представительницами которыхъ служатъ обѣ эти націи. Отсюда возникаетъ погоня политическихъ людей и кандидатовъ на депутатовъ за толпою, вопреки всякимъ своимъ убѣжденіямъ, и отсюда—устраненіе отъ выборовъ всѣхъ значительныхъ и просвѣщенныхъ государственныхъ людей, всѣхъ талантовъ, всѣхъ честныхъ характеровъ, неспособныхъ подчиняться прихотямъ толпы или ея недобросовѣстныхъ вожаковъ, ради карьеры. Затѣмъ, изо всего этого слѣдуетъ наполненіе представительныхъ собраній посредственностями всякаго рода. Все это дѣло уже давно предсказано опытными людьми, когда учреждалось во Франціи «поголовное голосованіе» (suffrage universel) въ 1848 г., и когда оттуда оно стало распространяться по всей Европѣ.

Этотъ недугъ еще весьма слабъ въ Англіи въ сравненіи съ Франціей, но уже онъ зачался и тамъ и угрожаетъ доброкачественности будущихъ выборовъ. Всѣ честно мыслящіе и воспитанные въ добрыхъ политическихъ нравахъ государственные люди Великобританіи весьма озабочены этою болѣзнью погони за толпою и за избирателями; всѣ ораторы много говорятъ объ этомъ на многочисленныхъ митингахъ, подготовляющихъ теперь избирательную агитацію. Въ этомъ направленіи ухаживанія за «толпою» избирателей и исканія въ ней популярности, вопреки всякимъ своимъ убѣжденіямъ, произошли въ Англіи, въ послѣдніе дни, странныя, небывалыя тамъ явленія. Можно было ожидать, что упомянутымъ недугомъ всего болѣе заражены радикалы, которые всего болѣе желали распространенія избирательнаго права на низшіе классы и всего болѣе ищутъ популярности между ними, а между тѣмъ этотъ недугъ оказался теперь всего болѣе свирѣпствующимъ въ аристократической и горделивой консервативной партіи. Кромѣ демократическихъ замысловъ лорда Черчиля и его кокетничанья съ будущими избирателями, производитъ въ этомъ отношеніи необыкновенное впечатлѣніе нѣжное обращеніе консервативнаго кабинета съ ирландскими сепаратистами (руководимыми г. Парнеллемъ); отъ нихъ торійская партія, согласно всѣмъ основнымъ и историческимъ своимъ принципамъ, стояла на наибольшемъ разстояніи изъ всѣхъ англійскихъ партій и она всегда всего болѣе осуждала либераловъ за уступки ирландцамъ. Между тѣмъ нынѣ установилась тѣсная дружба между торіями и парнеллистами — революціонерами, сопровождающаяся скандальными эпизодами. Члены кабинета и консервативные ораторы, въ угоду парнеллистамъ, обратились самымъ оскорбительнымъ образомъ въ парламентѣ съ бывшимъ намѣстникомъ Ирландіи лордомъ Спенсеромъ, который выказалъ необыкновенное мужество при водвореніи порядка въ Ирландіи и тѣмъ возбудилъ противъ себя жесточайшую ненависть ирландскихъ сепаратистовъ. Они между прочимъ обвиняли лорда Спенсера, во все услышаніе и въ парламентѣ, въ томъ, что онъ «посылалъ на висѣлицу людей (политическихъ преступниковъ), завѣдомо невинныхъ»! Вслѣдствіе этого либералы и радикалы устроили въ честь лорда Спенсера банкетъ, на которомъ была воздана громкая хвала лорду Спенсеру за

его гражданское мужество, за его патріотическія и вѣрноподданническія доблести, по управленію Ирландіей. Благодаря успѣхамъ этого управленія, торійскій кабинетъ могъ отмѣнить мѣры чрезвычайной охраны въ Ирландіи и тѣмъ снискать для себя временную дружбу парнеллистовъ. При этомъ самый старый и самый уважаемый вождь радикальной партіи, знаменитый въ политической жизни Англіи за все XIX столѣтіе, Джонъ Брайтъ, въ краткихъ, но чрезвычайно впечатлительныхъ словахъ, объяснилъ коренное различіе между всѣми англійскими партіями и ирландскою; въ справедливое возмездіе ирландскимъ членамъ парламента, за ихъ возмутительныя обвиненія противъ лорда Спенсера, онъ назвалъ ихъ «защитниками политическихъ убійствъ и измѣнниками передъ государствомъ и престоломъ». Г. Брайта, по жалобѣ ирландцевъ, судили въ парламентѣ за публичное оскорбленіе чести его членовъ. Громаднымъ большинствомъ голосовъ (единогласно за исключеніемъ ирландцевъ) его, конечно, оправдали. Но при этомъ интересно, что члены правительства, снисходительно поддерживая его оправданіе, прочитали однако внушительную нотацію г. Брайту,—который тутъ-же снова повторилъ свой отзывъ объ ирландскихъ депутатахъ и былъ поддержанъ вождями либераловъ и радикаловъ,—за его неприличное обращеніе съ членами парламента!

Такого политическаго зрѣлища еще не видала Англія. Союзъ торійскаго кабинета съ ирландскими революціонерами, которые не желаютъ ничего инаго какъ отторженія Ирландіи отъ Англіи и съ которыми враждуютъ по чувству вѣрноподданническаго долга самые крайніе великобританскіе радикалы,—этотъ союзъ изъ-за одной только общей вражды къ либераламъ и изъ-за надежды получить на выборахъ ирландскіе голоса, составляетъ теперь политическій скандалъ въ Англіи. Онъ служитъ предметомъ всѣхъ разговоровъ и газетныхъ сужденій, и имъ возмущаются всѣ истинные великобританскіе патріоты.

Глубоко-чтимый всѣми партіями и отъ всѣхъ ихъ независимый герцогъ Аргайль, умѣренный либералъ изъ старыхъ виговъ, посвятилъ недавно въ палатѣ лордовъ глубоко-прочувствованную рѣчь этому современному недугу парламентскаго правленія — гоньбѣ кандидатовъ за голосами избирателей вопреки всякимъ убѣжденіямъ. Въ заключеніе своей рѣчи, которая произвела всюду сильное впечатлѣніе, онъ произнесъ слѣдующія (приблизительно) слова: «...Я осмѣливаюсь сказать нашей странѣ и всѣмъ нашимъ партіямъ, передъ великимъ призывомъ къ голосу народа, который намъ предстоитъ: не идите на выборы подъ мнимо и наружно соединенными вывѣсками, ради одного только успѣха быть выбранными, а идите на основаніи тѣхъ или другихъ вашихъ конституціонныхъ принциповъ; выбирайте, насколько вы можете, независимыхъ людей, не стремящихся ради личныхъ интересовъ къ соединенію съ людьми, когда ихъ раздѣляетъ съ ними глубокое различіе во всѣхъ воззрѣніяхъ на человѣческія дѣла; выбирайте людей съ независимымъ характеромъ. Милорды, мы всего болѣе нуждаемся теперь въ людяхъ, а не въ овцахъ; мы нуждаемся въ людяхъ, которые изучали трудные вопросы государственнаго управленія и которые имѣютъ на нихъ свои личные самостоятельные взгляды. Такіе люди уважаются и избирателями гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые на колѣнахъ, съ поникшими головами, съ умоляющими глазами ползаютъ передъ верховенствующею нынѣ толпою, обѣщая ей исполнить все, что она отъ нихъ только потребуетъ. Мы нуждаемся въ людяхъ, которые (говоря стихами Шекспира) «никогда не продаютъ истины для служенія минутѣ и не торгуются съ Вѣчнымъ Богомъ для пріобрѣтенія власти». Въ такихъ людяхъ нуждаются всѣ націи, а наша, въ настоящее время, въ особенности. Счастливы народы, которые имѣютъ въ запасѣ такихъ людей. Тогда только эти народы могутъ спокойно стоять передъ своими врагами.» Слова герцога Аргайля въ высокой степени назидательны для каждой европейской страны.

Во Франціи избирательная агитація высыпала безконечное множество программъ всѣхъ партій и ихъ фракцій, отъ крайней правой монархической до крайней лѣвой соціалистической и революціонной. Недо-

стаетъ только программы анархистовъ, которые въ ней не нуждаются, проповѣдуя только безусловное разрушеніе всего существующаго и дѣйствуя къ тому негласными способами. Изъ всѣхъ этихъ избирательныхъ программъ, занимавшихъ собою всего болѣе французскую печать въ послѣднее время, усматривается главнѣйше тотъ отрицательный и существенный для будущности республиканскаго правленія фактъ, что совершенно неосуществимо пока желаніе лучшихъ людей всѣхъ республиканскихъ оттѣнковъ, чтобъ образовались двѣ крупныя республиканскія партіи—консервативная и прогрессивная, какъ это было бы необходимо для правильнаго хода республиканской государственной машины. Крайняя раздробленность господствуетъ между всѣми партіями. Монархисты лишены всякаго политическаго значенія; они раздѣлены на двѣ группы—роялистовъ и имперіалистовъ и каждая изъ нихъ еще на двѣ фракціи: мы видимъ тутъ и правовѣрныхъ роялистовъ, остающихся вѣрными памяти гр. Шамбора и преслѣдующихъ свои отвлеченныя, недостижимыя цѣли, и еретическую вѣтвь роялистовъ—орлеанистовъ; имперіалисты также раздѣляются на правовѣрныхъ—приверженцевъ принца Наполеона Жерома—и еретиковъ—приверженцевъ его сына Виктора. Всѣ эти фракціи, озлобленныя одна на другую и упрямо преслѣдуя свои неосуществимыя идеи, совсѣмъ безсильны въ нынѣшней политической жизни Франціи. Всѣ онѣ могли бы быть серьезнымъ контингентомъ для образованія консервативной республиканской партіи, но онѣ не соглашаются признать республику и присоединиться къ республиканцамъ умѣренныхъ оттѣнковъ; онѣ всего болѣе расположены соединяться съ крайними радикалами для разрушенія всякаго правильнаго республиканскаго правленія. Затѣмъ слѣдуютъ умѣренные республиканцы — также раздѣленные на разные оттѣнки: на такъ называемый «лѣвый центръ», заключающій въ себѣ самыхъ опытныхъ и наиболѣе способныхъ къ государственному дѣлу людей, сподвижниковъ Тьера, наиболѣе содѣйствовавшихъ упроченію республиканскаго правленія, и на такъ называемыхъ оппортунистовъ, приверженцевъ Гамбетты и Ферри, колеблющихся между охранительными и радикальными теченіями. Далѣе идутъ нѣсколько группъ крайней лѣвой съ стремленіями къ болѣе или менѣе радикальнымъ перемѣнамъ въ существующемъ государственномъ порядкѣ, и наконецъ соціалисты, требующіе ломки не только всего государственнаго, но и общественнаго строя для исполненія своихъ чисто - утопическихъ и фантастическихъ плановъ соціальной революціи. Умѣренныя республиканскія группы, болѣе чѣмъ когда - либо, между собою раздѣлены по самымъ настоятельнымъ и практическимъ вопросамъ, каковъ главнѣйше вопросъ объ отношеніи государства къ церкви. Ихъ программы, составленныя для возможно большаго соединенія силъ и примиренія съ собою всѣхъ крайнихъ, наполнены только общими фразами, не указывающими ни на какія опредѣленныя государственныя мѣры, и потому онѣ не производятъ никакого впечатлѣнія на избирателей. Соціалисты не внушаютъ никакого довѣрія народнымъ массамъ и имѣютъ для себя сочувствіе только незначительнаго меньшинства въ этихъ массахъ. Остаются наконецъ радикалы, находящіеся на послѣдней окраинѣ крайней республиканской лѣвой партіи, граничащей съ соціалистами и демагогами. Они выступили подъ предводительствомъ г. Клемансо. Послѣдній обратился къ массамъ избирателей съ самою ясною, опредѣленною и рѣшительною программою; она требуетъ, хотя и не утопическихъ, — и тѣмъ она всего страннѣе, — но коренныхъ преобразованій во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ Франціи. Программѣ г. Клемансо, который еще недавно считался человѣкомъ невозможнымъ для государственнаго дѣла, вся французская печать предсказываетъ наибольшій успѣхъ на будущихъ выборахъ, вслѣдствіе спутанности, внутреннихъ междоусобій и нерѣшительности всѣхъ другихъ политическихъ партій. Говорятъ, что изъ всѣхъ политическихъ людей Франціи, способныхъ къ государственному правленію, начиная отъ Тьера и Макъ-Магона до нынѣшняго главы кабинета, г. Бриссона, остается еще неиспробованнымъ въ госу-

дарственномъ дѣлѣ только г. Клемансо. Всѣ прочіе изношены или «usés», какъ говорятъ французы. Если все это совершится,—какъ мы скоро должны увидѣть,—то это будетъ послѣдній опытъ республиканскаго правленія Франціи, такъ какъ далѣе программы г. Клемансо, въ предѣлахъ практическаго государственнаго дѣла, не переходя на пространства фантастической и невозможной для великой европейской націи политики соціалистовъ,—идти невозможно. Можетъ быть, этотъ послѣдній шагъ на крутомъ скатѣ французскихъ республиканскихъ правительствъ съ 1876 г., отъ консервативныхъ къ болѣе и болѣе радикальнымъ, будетъ послѣднимъ кризисомъ для оздоровленія французской республики. При великихъ дарованіяхъ и силахъ французской націи, далеко превозмогающихъ надъ многими другими націями, нельзя сомнѣваться въ ея будущности, сколько бы ни представлялось мрачнаго въ ея ближайшемъ будущемъ и сколько бы кризисовъ ни приходилось ей пережить въ своей исторической судьбѣ.

В. Б.

VIII

9 августа.

Движеніе политической жизни въ наступившемъ вакаціонномъ періодѣ Европы и его исключительный характеръ.— Значеніе ожидаемыхъ парламентскихъ выборовъ. — Раздробленіе партій и отсутствіе руководящихъ политическихъ личностей.—Политическія бесѣды въ Варзинѣ.—Таможенный союзъ между Германіей и Австро-Венгріей и политическіе планы, съ нимъ связанные.—Національная неурядица въ Австріи.—Броженіе на Балканскомъ полуостровѣ.—Свиданія императоровъ въ Гаштейнѣ и Кремзирѣ. — Брошюра г. Гаймерле. -- Колоніальныя пріобрѣтенія Германіи.— Эльзасъ-Лотарингія.

Съ закрытіемъ великобританскаго и французскаго парламентовъ, политическая жизнь Европы вступила теперь въ полный вакаціонный періодъ. Но пріостановилась на нѣсколько мѣсяцевъ только формальная политическая жизнь, только оффиціальное движеніе всѣхъ внутреннихъ и международныхъ вопросовъ; напротивъ того, въ такіе какъ-будто отдохновительные ежегодные періоды, сдѣлавшіеся характеристическимъ явленіемъ въ новѣйшемъ бытѣ европейскихъ народовъ, происходитъ вся настоящая работа, — работа умственная, надъ всѣми задачами, которыми заняты правительства и общество, и эта работа подготовляетъ и большею частью опредѣляетъ рѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ въ ближайшемъ парламентскомъ сезонѣ. Эта работа, и явно и тайно, дѣятельно идетъ на общественныхъ сборищахъ и митингахъ, въ рѣчахъ народныхъ представителей къ своимъ избирателямъ, на свиданіяхъ государственныхъ людей и монарховъ, наконецъ на разныхъ многочисленныхъ ученыхъ конгрессахъ, банкетахъ и праздникахъ, на которыхъ встрѣчаются между собою и политическіе и умственные дѣятели всѣхъ странъ, и на которыхъ въ значительной степени организуется общественное мнѣніе Европы. Поэтому печать слѣдитъ съ усиленнымъ вниманіемъ за всѣми этими встрѣчами и разговорами, и старается предугадать изъ нихъ, и въ особенности изъ слуховъ о негласныхъ бесѣдахъ государственныхъ людей, будущія событія. При этомъ, посреди политическаго затишья и за отсутствіемъ настоящихъ фактовъ, пускаются также въ ходъ, для оживленія газетъ и публики, всякія впечатлительныя предположенія и предсказанія.

Нынѣшній вакаціонный періодъ представляетъ въ упомянутомъ смыслѣ исключительный интересъ. Три первенствующія державы — Великобританія, Франція и Пруссія,—готовятся къ новымъ парламентскимъ выборамъ, отъ которыхъ зависитъ направленіе ихъ политической жизни въ ближайшемъ законодательномъ періодѣ; къ тому-же во Франціи и въ Англіи выборы будутъ происходить на новыхъ основаніяхъ, которыя могутъ совершенно измѣнить составъ ихъ парламентовъ и переставить силы дѣйствующихъ въ нихъ партій и личностей. Интересъ нынѣ переживаемыхъ дней тѣмъ большій, что направленіе, въ какомъ произойдутъ эти перемѣны, въ особенности въ Англіи, при чрезвычайно возрастающемъ вліяніи необразованной и темной толпы на выборы, опредѣлить напередъ очень трудно. Хотя новые выборы членовъ прусскаго ландтага

и ожидаемые вмѣстѣ съ тѣмъ такіе-же выборы въ разныхъ мелкихъ германскихъ государствахъ не имѣютъ большаго значенія въ ходѣ политики Германской имперіи однако всѣ эти выборы вліяютъ на будущіе выборы въ общегерманскій парламентъ, который если и не всесиленъ въ этой имперіи, то такъ или иначе составляетъ одинъ изъ факторовъ въ политическихъ комбинаціяхъ его правительства. Сверхъ того австрійскій парламентъ соберется въ новомъ составѣ, послѣ недавнихъ выборовъ.

Къ усиленной избирательной агитаціи, зачавшейся теперь въ Англіи, Франціи и Пруссіи, присоединяется еще другое явленіе, придающее особенный интересъ и предстоящимъ выборамъ, и нынѣшнему вакаціонному періоду. Онъ наступилъ, когда еще не разрѣшены самые существенные международные вопросы Европы, и нѣкоторые изъ нихъ — самые горючіе, каковы: афганскій, египетскій, французскіе колоніальные (тонкинскій и мадагаскаскій), угрожающіе великими столкновеніями европейскихъ и неевропейскихъ народовъ. Всѣ эти вопросы какъ-будто оборвались передъ закрытіемъ парламентовъ, и ожидаютъ для себя рѣшенія, никому пока невѣдомыя, съ возобновленіемъ парламентскихъ сессій, или-же угрожаютъ неожиданными и внезапными приключеніями— въ эпоху освобожденія государственныхъ людей отъ объясненій въ парламентахъ, связывавшихъ имъ руки. Между тѣмъ, на нѣсколько и можетъ быть на много мѣсяцевъ этихъ смутныхъ ожиданій, государства, которымъ угрожаютъ международныя столкновенія, обязаны тратиться на усиленныя вооруженія. Повидимому, ключь къ этимъ столкновеніямъ держитъ въ своихъ рукахъ Англія, а она-то и находится въ ожиданіи самаго крутаго и пока неопредѣлимаго переворота въ своей внутренней государственной жизни. Королевская рѣчь, которою закрытъ парламентъ и въ которой обыкновенно ищутъ указаній на будущую политику великобританскаго правительства, на этотъ разъ такъ блѣдна и такъ наполнена общими фразами (конечно не безъ умысла при нынѣшнемъ необыкновенномъ положеніи кабинета лорда Салисбери), что изъ нея рѣшительно нельзя ничего предугадать.

Таковъ исключительный характеръ нынѣшняго вакаціоннаго періода Европы и исключительный интересъ, съ нимъ связанный, для публики.

Ко всему сказанному присовокупимъ еще одно явленіе, общее въ настоящее время всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ и возбуждающее особенное любопытство къ предстоящимъ парламентскимъ выборамъ: это—крайнее раздробленіе политическихъ партій, которое совсѣмъ разстраиваетъ ходъ парламентскаго правленія и препятствуетъ образованію какого-либо правительственнаго большинства, съ опредѣленною политическою программою. Съ случайными коалиціями управлять страною нельзя и въ особенности нельзя вести твердую иностранную политику. Этимъ недугомъ всего болѣе страдаетъ теперь Франція, и вожди всѣхъ ея партій всего болѣе произносятъ рѣчей на эту тему, силясь образовать въ свою пользу большинство. Такова была надняхъ рѣчь бывшаго главы французскаго кабинета г. Ферри, которою была всего болѣе занята въ послѣднее время французская печать; она произвела впечатлѣніе и во всей Европѣ. Но, кажется, всѣ эти усилія французскихъ политическихъ людей къ средоточенію своихъ силъ будутъ тщетны, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, при крайнемъ размельченіи французскихъ политическихъ группъ. Тѣмъ-же недугомъ поражена теперь и Англія, но тамъ всѣ партіи, не безъ основанія, увѣрены, что страна будетъ излечена отъ него будущими выборами, которые должны соединить всѣ оттѣнки политическихъ мнѣній—консервативныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ въ двѣ большія группы и опредѣлить, къ какой сторонѣ ближе голосъ народа. Съ тѣмъ вмѣстѣ, полагаютъ многіе, должна опредѣлиться и иностранная политика Англіи, а съ нею рѣшиться судьба всѣхъ международныхъ вопросовъ, смущающихъ Европу.

Такое же раздробленіе парламентскихъ партій, порождающее ихъ безсиліе, господствуетъ и въ Пруссіи и во всей Германіи;

отъ этой болѣзни Германская имперія можетъ также мало надѣяться скоро исцѣлиться, какъ и Франція. Но въ Германіи эта болѣзнь не имѣетъ такого серьезнаго значенія, ибо ея правленіе хотя и конституціонное, но не парламентское, какъ во Франціи и Англіи, и сверхъ того ея дѣлами управляетъ кн. Бисмаркъ, передъ государственнымъ разумомъ и популярностью котораго во всѣхъ слояхъ германскаго общества преклоняются и смолкаютъ всѣ партіи.

Такой превозмогающей государственной личности недостаетъ теперь всѣмъ другимъ западно-европейскимъ странамъ, и въ этомъ опять ихъ слабость и характеристическая черта времени, находящаяся въ тѣсной связи съ упомянутымъ выше недугомъ. Объединить раздробленныя по личнымъ мнѣніямъ политическія группы и кружки въ большія партіи или въ политическія движенія, способныя дать опредѣленное направленіе политикѣ государства, и внутренней, и внѣшней, могутъ только самые замѣчательные, историческіе государственные люди, которые, кромѣ любви своей партіи, внушаютъ довѣріе всей странѣ и уваженіе всѣмъ партіямъ. Для всѣхъ правительствъ, и конституціонныхъ, и неконституціонныхъ, нуженъ одинъ государственный человѣкъ, главенствующій надъ всѣми прочими, чтобы управленіе государственными дѣлами шло стройно и чтобы оно было могущественно въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ. Этого достигнуть не могутъ нѣсколько равносильныхъ, хотя-бы и достойныхъ личностей, стоящихъ во главѣ правительства. Доказательства этой истины мы находимъ во всѣ времена европейской и даже неевропейской исторіи,— даже и въ тѣ времена, когда не было никакого помину ни о парламентскомъ, ни о конституціонномъ правленіи, и даже у народовъ, которые не имѣли никакого понятія ни о томъ, ни о другомъ правленіи. Существуютъ естественные законы государственной жизни, дѣйствующіе помимо всякихъ формъ правленія или же при всякихъ формахъ, только видоизмѣняющихъ дѣйствіе этихъ первичныхъ законовъ.

Отсюда нынѣшнее превосходство политической силы Германіи сравнительно съ другими западно-европейскими государствами. Вездѣ общественное мнѣніе и печать единогласно выражаютъ свое неудовольствіе относительно безплодія закрывшихся парламентскихъ сессій; но для производительности парламентской государственной дѣятельности нужны также крупныя личности, направляющія людей и дѣла къ напередъ лично и глубоко обдуманнымъ государственнымъ цѣлямъ, а не къ случайнымъ, являющимся со дня на день, по вдохновенію тѣхъ или другихъ политическихъ группъ и ихъ предводителей. Для правильнаго дѣйствія и для успѣха стратегіи гражданской арміи, нужны также главнокомандующіе, какими бы талантами ни отличались начальники отдѣльныхъ отрядовъ.

Въ этомъ печальномъ положеніи всей Западной Европы, кромѣ Германіи, должна бы, казалось, составлять исключеніе Великобританія, въ лицѣ Гладстона имѣющая такую крупную государственную личность, которой могутъ подчиниться всѣ личные оттѣнки либеральной партіи и которой можетъ довѣриться вся страна. Такъ и смотритъ до сихъ поръ общественное мнѣніе въ Англіи на главу только-что падшаго кабинета. Но кромѣ злосчастныхъ ошибокъ во всѣхъ иностранныхъ предпріятіяхъ, потрясшихъ довѣріе къ г. Гладстону, его престарѣлый возрастъ является большимъ препятствіемъ для его руководящей роли при нынѣшнихъ необыкновенно затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ Англіи. Однако, знаменитый государственный мужъ не отказывается отъ этой роли и, чтобъ приготовиться къ ней на будущихъ выборахъ, отдыхаетъ теперь вдали отъ всякихъ политическихъ силъ, посреди своей любимой стихіи, плавая около береговъ Норвегіи.

Совершенный контрастъ этой прогулкѣ г. Гладстона посреди океана—составляетъ отдыхъ первенствующаго государственнаго человѣка Германіи, пребывающаго теперь, по своему обыкновенію, посреди своихъ любимыхъ лѣсовъ и полей Варзина. Нѣмецкія газеты пишутъ, что кн. Бисмаркъ никогда такъ усиленно не дѣйствуетъ, какъ

когда онъ отдыхаетъ въ своей сельской резиденціи. Эта резиденція канцлера Германской имперіи уже нѣсколько лѣтъ, и теперь въ особенности, составляетъ небывалое историческое явленіе, даже въ сравненіи съ резиденціями монарховъ. Въ Варзинѣ сосредоточиваются нити всей европейской и всемірной политики. Сюда спѣшатъ ежегодно, чтобы получить приказанія, наставленія, внушенія или хотя-бы только дружественныя указанія всѣ государственные люди Германіи и всѣхъ европейскихъ державъ. Можно думать, по отзывамъ европейской печати, что здѣсь настоящая лабораторія политическаго міра, гдѣ подготовляются всѣ грядущія событія. Руководящія нѣмецкія газеты съ горделивостью восклицаютъ теперь, что въ современномъ историческомъ мірѣ не можетъ произойти ничего помимо Варзина, чего бы тамъ не знали и не хотѣли допустить!

Между всѣми свиданіями, бывшими въ резиденціи всемогущаго канцлера, всего болѣе толковъ возбудило посѣщеніе ея австро-венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. По общему мнѣнію, главною цѣлью этого посѣщенія были переговоры о таможенныхъ отношеніяхъ Германіи и Австро-Венгріи. Не только всѣ независимыя, но и офиціальныя германскія газеты говорятъ о готовящемся заключеніи таможеннаго союза между обѣими имперіями. Объ этомъ вопросѣ мы уже говорили ранѣе; съ тѣхъ поръ онъ быстро выступилъ на первый планъ всѣхъ сужденій европейской печати. Съ нимъ связываютъ колоссальные планы вождя германской политики; какъ они ни кажутся пока гадательными, ихъ нельзя упускать изъ виду, такъ какъ объ нихъ серьезно говорятъ даже офиціозные органы Берлина и такъ какъ другіе не менѣе грандіозные замыслы германскаго канцлера были имъ успѣшно осуществлены.

Политика таможенныхъ репрессалій дѣлается болѣе и болѣе нестерпимою для экономическаго положенія Германіи и Австро-Венгріи. Изъ этого положенія представляется самымъ благополучнымъ выходомъ таможенный союзъ, который открылъ бы полную свободу рынковъ обѣихъ имперій для каждой изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ бы еще болѣе стѣснительнымъ ввозъ товаровъ въ Германію и Австро-Венгрію изъ всѣхъ другихъ европейскихъ континентальныхъ государствъ и еще болѣе далъ бы этимъ государствамъ почувствовать невыгоды ихъ протекціонистской таможенной политики, запирающей иностранные рынки для германскихъ и австро-венгерскихъ товаровъ. Правдоподобію такого плана кн. Бисмарка можно довѣрять тѣмъ болѣе, что уже давно, при его великомъ государственномъ умѣ, казалось сомнительнымъ чистосердечіе его внезапнаго перехода отъ свободно-торговой таможенной политики къ крайне-покровительственной и запретительной, невыгодной для Германіи. Всегда казалось, что въ этомъ переходѣ, кромѣ разныхъ внутреннихъ, политическихъ интересовъ, съ нимъ связанныхъ, есть нѣкоторая задняя мысль: возмездіе за протекціонизмъ другихъ странъ и желаніе принудить ихъ къ болѣе свободной торговой политикѣ. Таможенный союзъ съ Австро-Венгріей былъ бы рѣшительнымъ шагомъ по этому пути.

Но съ этимъ союзомъ нѣмецкая печать связываетъ еще болѣе обширные планы. Предполагается распространить его на весь Балканскій полуостровъ или, по крайней мѣрѣ, выговорить посредствомъ него таможенныя льготы въ пользу обѣихъ имперій со стороны всѣхъ государствъ этого полуострова и затѣмъ усилить на немъ вліяніе германской націи, уже и теперь господствующей на немъ, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, и наконецъ, ввести окончательно весь Балканскій полуостровъ въ сферу германской политики и окончательно изгнать изъ него всякіе слѣды панславизма! Это теперь излюбленная тема нѣмецкой печати въ обѣихъ союзныхъ имперіяхъ.

Но эти велико-германскіе планы связаны, судя по разговорамъ нѣмецкихъ публицистовъ, съ еще болѣе дальними политическими замыслами. Таможенный союзъ между двумя имперіями долженъ послужить къ политическому ихъ объединенію, къ возрожденію стараго Германскаго союза, къ возсоединенію нѣмецкаго племени въ Австрійскихъ земляхъ съ общимъ отечествомъ и къ возсоединенію Германіи и Австро-Венгріи въ

новой формѣ, въ новомъ государственномъ тѣлѣ. Въ этой новой формѣ, не такъ, какъ было въ старомъ Германскомъ союзѣ, Германія, т. е. Пруссія, должна получить рѣшительное главенство, непререкаемое господство,—господство на всемъ пространствѣ Европы отъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей до Средиземнаго и Чернаго. И тогда миръ Европы будетъ окончательно обезпеченъ! Такъ разсуждаютъ теперь многіе органы нѣмецкой печати.

Всѣ эти планы могли-бы казаться баснословными, если-бы внутреннія затрудненія Австро-Венгерской имперіи и національная ея неурядица не возрастали ежедневно и не требовали для себя какого-нибудь выхода. Нѣмцы полагаютъ, что только они одни могутъ справиться съ этою неурядицей, а между тѣмъ нынѣ они остаются самымъ слабымъ элементомъ въ національномъ конгломератѣ Австро-Венгрія и совсѣмъ устранены изъ ея правительственной сферы. На недавнемъ обще-германскомъ праздникѣ гимнастовъ въ Дрезденѣ, австрійскіе нѣмцы произвели скандалъ, много обсуждавшійся въ европейской печати. Они открыто высказали свои пламенныя чувства къ обще-германскому отечеству, необходимость своего возсоединенія съ нимъ и свои антипатіи къ нынѣшней имперіи Габсбурговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ венгерцы, прежніе самые близкіе друзья нѣмцевъ, а нынѣ наиболѣе съ ними враждующіе, были рѣзко недопущены къ участію въ дрезденскомъ праздникѣ.

Между тѣмъ, всѣ другія племена Австро-Венгріи, на сторону которыхъ, по словамъ нѣмцевъ, перешла теперь политическая сила въ этомъ государствѣ, никакъ не могутъ придти между собою къ какому-нибудь соглашенію для устройства сколько-нибудь устойчиваго равновѣсія имперіи Габсбурговъ. Всего печальнѣе положеніе славянскихъ народностей, и конечно не безъ ихъ вины, потому-что онѣ раздираются своими междоусобіями, составлявшими испоконъ вѣку главное бѣдствіе славянскаго міра. Всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи были въ недавнее время и всего болѣе смуты вносятъ въ славянскій міръ торжественныя демонстраціи чеховъ, или по крайней мѣрѣ представителей самой могущественной въ Богеміи старо-чешской партіи подъ предводительствомъ знаменитаго чешскаго патріота Ригры въ честь мадьяровъ, исконныхъ и непримиримыхъ враговъ всѣхъ славянскихъ племенъ, кромѣ польскаго, уже давно отлучившаго себя отъ всего славянскаго міра. Эти демонстраціи въ Пештѣ, по случаю венгерской промышленной выставки, со стороны самыхъ передовыхъ людей западнаго славянства, произвели глубокое смущеніе и раздраженіе не только между всѣми славянскими племенами Австро-Венгріи, но даже и между самими чехами. Въ этой національной неурядицѣ оказывается всего болѣе сильною Венгрія, въ столицу которой на этихъ дняхъ стекались, по случаю выставки, многочисленные посѣтители со всего свѣта, въ томъ числѣ и французы съ г. Лессепсомъ во главѣ. Но мадьяры, достаточно крѣпкіе своимъ національнымъ духомъ и единеніемъ для охраны своей собственной самостоятельности, совсѣмъ неспособны къ какому-нибудь прочному мирному сожительству съ другими племенами, въ особенности со славянскими.

Кромѣ упорядоченія своей восточной марки (Ostmarck), какъ нѣмецкіе публицисты называютъ имперію Габсбурговъ, они призываютъ германскую націю исполнить ту-же миссію и на Балканскомъ полуостровѣ. Тамъ опять происходитъ броженіе, проявляющееся въ видѣ разбойничьихъ шаекъ, болѣе и болѣе развивающихся, въ особенности въ Сербіи (но также и повсемѣстно), и имѣющихъ какой-то странный, неопредѣленный характеръ, однако очевидно не чуждый національнымъ и политическимъ движеніямъ, далеко еще не умиротвореннымъ на Балканскомъ полуостровѣ. Для этого умиротворенія оказываются, по мнѣнію нѣмецкой печати, совсѣмъ несостоятельными славянскіе народы и славянская идея.

Дабы къ осуществленію всѣхъ этихъ обширныхъ плановъ не встрѣтить препятствій со стороны Россіи, къ этому «приложены всѣ нужныя заботы въ Варзинѣ» (dafür ist gesorgt), какъ выражаются германскіе патріоты и публицисты. По ихъ словамъ,

ожидаемому свиданію въ Кремзирѣ, на которое обращено теперь вниманіе всего политическаго міра, предшествовали свиданіе германскаго и австрійскаго императоровъ въ Гаштейнѣ и визитъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ гр. Кальноки въ Варзинъ. «Путь для послѣдняго въ Кремзиръ,—самоувѣренно восклицають эти публицисты,—могъ быть только чрезъ Варзинъ». Кремзирское свиданіе, какъ они объясняютъ, можетъ быть только продолженіемъ прошлогодняго скерневицкаго, смыслъ котораго заключается единственно въ «присоединеніи» (Anschlus) Россіи къ общей политикѣ Германіи и Австро-Венгріи, обезпечивающей миръ Европы.

Излагая все это, мы никакъ не думаемъ, чтобы положеніе политическаго міра, въ настоящемъ и будущемъ, живописуемое германскою публицистикою, вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, и чтобы взглядъ на него съ одной нѣмецкой точки зрѣнія не былъ одностороненъ; но и эту точку зрѣнія, имѣющую немалое значеніе въ нынѣшнемъ ходѣ политическихъ дѣлъ, и даже улыбающіяся ей на дальнемъ горизонтѣ грезы,—не мѣшаетъ имѣть въ виду европейской публикѣ въ настоящую минуту.

Курьезнымъ дополненіемъ ко всему вышеописанному служитъ брошюра австрійскаго генерала, извѣстнаго военнаго писателя Гаймерле (подъ заглавіемъ «Ultima Thule», т. е. «край свѣта»), которая появилась надняхъ и производитъ большой шумъ въ печати. Эта брошюра посвящена афганскому вопросу или, лучше, неминуемой, по мнѣнію автора, великой исторической борьбѣ между Англіей и Россіей. Г. Гаймерле считаетъ эту борьбу неминуемой въ скоромъ времени, потому-что цѣль ея для Россіи—пріобрѣтеніе береговъ Персидскаго залива и доступа къ океану—есть цѣль, къ которой неизбѣжно должна стремиться Россія для продолженія своего историческаго существованія, и достиженію этой цѣли не можетъ не воспрепятствовать Великобританія. Г. Гаймерле разбираетъ стратегическое положеніе обѣихъ державъ въ этой колоссальной борьбѣ за преобладаніе въ Азіи, доброжелательно указываетъ намъ на стратегическія трудности этой войны и на способы избѣжать ихъ, и всетаки приходитъ къ заключенію, что шансовъ побѣды болѣе на сторонѣ Россіи и что она должна ими нынѣ воспользоваться для исполненія своей всемірно-исторической миссіи. Вотъ на какой великій путь, напоминающій о походахъ Александра Македонскаго, приглашаютъ и благословляютъ насъ наши добрые сосѣди, такъ заботливо обдумывающіе теперь охрану проектируемаго ими теченія европейскихъ дѣлъ противъ вмѣшательства въ нихъ Россіи! Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрнѣе средства къ устраненію Россіи отъ этихъ дѣлъ не можетъ быть, какъ если-бы она ринулась къ исполненію указываемой ей миссіи въ Азіи и вмѣстѣ съ собою отвлекла бы отъ европейскихъ дѣлъ и Англію, которая теперь одна противостоитъ могуществу Германской имперіи.

Какъ ни баснословны упомянутые проекты политической перестройки двухъ частей свѣта, но нельзя удивляться, что они посѣщаютъ умы нѣмецкихъ патріотовъ Германіи и Австріи въ такое время, когда Германская имперія стоитъ на всей высотѣ своей силы въ международныхъ отношеніяхъ. Надняхъ она одержала новую побѣду въ своей колоніальной политикѣ, которою всего болѣе былъ занятъ кн. Бисмаркъ въ послѣднее время. Султанъ Занзибара, близъ восточныхъ береговъ Африки, вздумалъ оспаривать права Германіи на занятыя ея подданными земли на этихъ берегахъ; достаточно было появленія пяти германскихъ судовъ, посланныхъ къ этимъ берегамъ для военной демонстраціи, чтобы прекратилось всякое сопротивленіе султана и онъ призналъ протекторатъ Германіи на этихъ земляхъ. Какъ ни было это непріятно Англіи, но она воздержалась отъ всякаго возраженія.

Относительно самой больной и до сихъ поръ не закрывающейся раны Германіи, Эльзаса - Лотарингіи, германизація которой до сихъ поръ нисколько не подвинулась, — нѣмецкая печать надѣется теперь на улучшеніе съ назначеніемъ князя Гогенлоэ (бывшаго посла въ Парижѣ) намѣстникомъ этой провинціи послѣ кончины генерала Мантейфеля. Общественное

мнѣніе въ Германіи было очень занято этимъ назначеніемъ. За неуспѣшный для нѣмцевъ ходъ дѣлъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи обвиняется доблестный генералъ, который старался примирить ея народонаселеніе съ германскимъ правительствомъ посредствомъ личнаго великодушнаго и либеральнаго съ нимъ обращенія, и не подчинялся канцлеру, обращаясь во всѣхъ дѣлахъ лично къ императору. Отъ управленія кн. Гогенлоэ, друга кн. Бисмарка, ожидаютъ болѣе удачныхъ послѣдствій. Въ то-же время, возгорѣлась ожесточенная полемика между французскими и нѣмецкими газетами на старую, было-позабытую тему о войнѣ за «отместку» (revanche). Однако, послѣ энергическаго и строгаго внушенія со стороны главнаго офиціознаго берлинскаго органа (Nord-Deutsche Zeitung) французской печати, за то, что она вздумала запальчиво говорить о германскихъ вооруженіяхъ на Рейнѣ, она быстро смолкла. Эта полемика только напомнила, что чувства международной вражды, посѣянныя войною 1870—1871 г.г., и необходимость обороны съ обѣихъ сторонъ еще не исчезли.

Обращаясь къ нашему отечеству, мы должны отмѣтить Высочайшее путешествіе по Финляндіи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ оно имѣетъ большое значеніе. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ этой страны, возбуждающей къ себѣ теперь общее вниманіе не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, и милостивое обращеніе Царской Семьи съ финляндцами были приняты ими восторженно. Впечатлѣнія Высочайшаго путешествія и царской ласки должны быть тѣмъ болѣе глубоки въ финляндскомъ обществѣ и оно должно быть тѣмъ болѣе признательно Престолу, что въ недавнее время эта благоустроенная страна подвергалась въ нѣкоторой части нашей печати обиднымъ и несправедливымъ нападкамъ, имѣвшимъ подобіе какъ-будто какой-то непріязни русскихъ къ Финляндіи, хотя въ сущности никакихъ такихъ непріязненныхъ чувствъ въ нашемъ обществѣ не существуетъ и для нихъ нѣтъ никакихъ основаній.

В. Б.

IX

24 августа.

Свиданіе монарховъ въ Кремзирѣ. — Смута на Балканскомъ полуостровѣ. — Внутреннія дѣла Австро-Венгріи. — Развязка афганскаго вопроса. — Столкновеніе Германіи и Испаніи по поводу Каролинскихъ острововъ; безпорядки въ Мадритѣ. — Ирландія. — Внутреннія дѣла въ Россіи. — Дворянскій банкъ. — Купонное и бумажное денежное обращеніе.

Свиданіе императоровъ Россіи и Австро-Венгріи въ Кремзирѣ (въ Моравіи) было главнымъ событіемъ, занимавшимъ собою политическій міръ и печать, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль. За отсутствіемъ всякихъ другихъ впечатлительныхъ политическихъ извѣстій, кремзирское свиданіе, на которое съѣхались журнальные корреспонденты со всего свѣта, доставило обильную пищу для газетъ. Издавна прославленное гостепріимство вѣнскаго двора, его утонченная любезность, роскошь и изящество его пріемовъ и праздниковъ — дали много богатыхъ темъ для описаній, статей и корреспонденцій, въ глубокую пору политическихъ вакацій. На этотъ разъ, вѣнскій дворъ своимъ радушіемъ и блескомъ захотѣлъ, кажется, превзойти самого себя. Но, кромѣ обычныхъ краснорѣчивыхъ описаній всѣхъ подробностей встрѣчи монарховъ и сопровождавшихъ ее празднествъ, европейскія газеты переполнены слухами и предсказаніями о политическихъ послѣдствіяхъ этой встрѣчи и разговорами государственныхъ людей, собравшихся въ Кремзирѣ. Какъ это всегда нынче водится, газетные репортеры оповѣщаютъ по всему міру свои «самовѣрнѣйшія» свѣдѣнія о созданномъ въ Моравіи «новомъ политическомъ положеніи въ Европѣ», свои бесѣды съ министрами и дипломатами, большими и малыми, и ихъ задушевныя откровенія о ходѣ дѣлъ.

Останавливаться на всѣхъ этихъ смутныхъ слухахъ, къ которымъ начинаетъ дѣлаться безучастною даже праздная публика, нѣтъ никакой надобности. Для насъ можетъ быть интересенъ только единственный, вполнѣ достовѣрный результатъ кремзирскаго свиданія, офиціально засвидѣтельствованный нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (въ телеграммѣ статсъ-секретаря Гирса къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ): «Ихъ Величества выѣхали изъ Кремзира, вынеся изъ него наилучшія впечатлѣнія сердечнаго пріема, который они здѣсь нашли, и полнаго согласія (parfait accord), господствовавшаго на свиданіи». Этого извѣстія совершенно достаточно для удовлетворенія всякаго любопытства серьезной публики, и она не можетъ быть расположена пускаться, по слѣдамъ газетныхъ вѣстовщиковъ, въ гадательныя предположенія относительно будущаго, уже столько разъ и почти всегда оказывавшіяся совсѣмъ несостоятельными во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Свиданіе Государей въ Кремзирѣ, впрочемъ, такъ естественно и ясно, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. По всѣмъ правиламъ не только придворнаго этикета, но и самой обыкновенной вѣжливости, всероссійскій императоръ долженъ былъ отдать первый визитъ, сдѣланный ему старѣйшимъ, и по возрасту и по годамъ царствованія, императоромъ Австро-Венг-

ріи. Затѣмъ, эти взаимные дружественные визиты монарховъ двухъ сосѣднихъ имперій, имѣющихъ между собою, и у себя дома, и за своими предѣлами, столько соприкасающихся и сталкивающихся интересовъ, не могутъ не служить ручательствомъ за мирныя ихъ отношенія въ настоящеее время и обезпеченіемъ ихъ миролюбивыхъ намѣреній. Всему этому не могутъ не радоваться друзья мира не только въ этихъ двухъ имперіяхъ, но и во всей Европѣ, тѣмъ болѣе, что въ чувствахъ и мысляхъ, заявившихъ себя въ Кремзирѣ, участвовалъ и отсутствующій германскій императоръ, какъ объ этомъ можно судить по привѣтственнымъ дружественнымъ телеграммамъ, которыми обмѣнялись съ нимъ оба императора. Дружественное соглашеніе трехъ могущественныхъ восточныхъ имперій, хотя-бы и чуждое всякимъ формальнымъ дипломатическимъ сдѣлкамъ, не можетъ не быть оплотомъ для всеобщаго мира.

Нельзя также, съ другой стороны, опасаться, чтобы такія дружественныя соглашенія могли стѣснить свободу дѣйствій государствъ на будущее время, сообразно съ собственными и національными интересами каждаго изъ нихъ. Эти интересы подъ напоромъ исторической жизни быстро видоизмѣняются и перестанавливаются, и никакія соглашенія не въ силахъ остановить хода исторической жизни и событій.

Это размышленіе, въ настоящемъ случаѣ, всего болѣе навѣвается положеніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, который не могъ не быть ближайшимъ предметомъ разговоровъ въ Кремзирѣ и съ которымъ связано столько интересовъ у обѣихъ имперій. Неустойчивость политическихъ отношеній, созданныхъ здѣсь берлинскимъ трактатомъ, при ежедневно возрастающей дряхлости Турецкой имперіи, сказывается все болѣе и болѣе. Всяческая смута на каждой государственной территоріи Балканскаго полуострова усиливается безпрерывно. Къ прежнему горючему матеріалу, всегда готовому воспламениться, присоединилось много новаго. Старинныя національныя распри, раздѣляющія между собою не только христіанъ и мусульманъ, но и христіанскія племена и различныя ихъ вѣроисповѣданія, усложнились новѣйшею враждою политическихъ партій внутри каждой страны. Безплодная парламентская борьба, въ которой позабываются самые существенные народные интересы и отъ которой прежде страдала только Греція, распространилась нынѣ на всѣ государства. На почвѣ конституціонныхъ порядковъ, которые занесены изъ другихъ странъ, исторически не выработались, и для которыхъ не созрѣли общественные нравы и народныя понятія, происходитъ игра въ политическія партіи, въ которой покидаются самые жизненные вопросы народовъ Балканскаго полуострова и ихъ будущности. Всего рѣзче и прискорбнѣе это положеніе въ Болгаріи. Ко всему этому присоединилась, въ недавнее время, еще новѣйшая язва — всемірные анархисты, которые поспѣшили воспользоваться анархическимъ положеніемъ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, чтобы и на немъ свить свои гнѣзда. Новѣйшія дикія страсти, зародившіяся въ образованномъ мірѣ, переплетаются здѣсь съ стародавними дикими страстями первобытныхъ народовъ: съ мѣстными разбойничьими шайками дѣйствуютъ заодно наѣзжіе всесвѣтные враги общественнаго порядка и совокупными силами совершаютъ звѣрскія преступленія, при которыхъ не только правильная политическая, но и самая обыкновенная гражданская жизнь невозможна. Таково было недавно политическое убійство въ Сербіи.

Государства Балканскаго полуострова не въ силахъ справиться съ этою неурядицею, все болѣе и болѣе на немъ распространяющеюся, и вмѣшательство европейскихъ державъ для установленія порядка можетъ сдѣлаться снова неизбѣжною необходимостью. Если это дѣло не можетъ быть отдано въ исключительное распоряженіе Австріи, какъ о томъ мечтаютъ нѣкоторые германскіе публицисты, то совладаютъ-ли съ нимъ соглашенія, послѣдовавшія въ Скерневицахъ и Кремзирѣ? Это можетъ показать только будущее.

Но и относительно будущаго хода событій въ самой Австро-Венгерской имперіи, который бы былъ благопріятенъ и соотвѣт-

ствовалъ интересамъ двухъ другихъ имперій, не властенъ ея императоръ, какими-бы чистосердечно дружественными чувствами онъ ни былъ къ нимъ воодушевленъ. Гуманный, миролюбивый характеръ императора Франца-Іосифа, его просвѣщенное благодушіе и также его равномѣрное благорасположеніе ко всѣмъ подвластнымъ ему народамъ—слишкомъ извѣстны. Но отъ него одного не зависитъ замирить ихъ многовѣковыя историческія междоусобія, ихъ алчность къ господству одного надъ другимъ и также чувства ненависти многихъ изъ нихъ—мадьяръ, поляковъ, нѣмцевъ къ другимъ сосѣднимъ племенамъ и государствамъ. По этому поводу нельзя не упомянуть о характеристической полемикѣ, происходившей надняхъ въ австрійскихъ и германскихъ газетахъ. Въ печати былъ сообщенъ слухъ, что въ Кремзирѣ между прочимъ послѣдовало соглашеніе относительно дѣлъ въ Галиціи и значенія польскаго элемента въ австро-венгерскомъ правительствѣ, которыми недовольны Германія и Россія. На это послѣдовало сильное возраженіе со стороны вѣнскихъ офиціозныхъ органовъ, съ негодованіемъ отрицавшихъ возможность какого бы то ни было вмѣшательства во внутреннія дѣла Австро-Венгріи со стороны другихъ, хотябы и самыхъ дружественныхъ, державъ. Тѣмъ не менѣе, берлинскіе офиціозные органы также настойчиво возражали, что это отрицаніе ничего доказываетъ, что оно весьма естественно, также какъ естественно, что столь дружественныя личныя отношенія и объясненія монарховъ не могли обойтись безъ улаженія недоразумѣній между ихъ государствами. Насколько можно этому вѣрить—также покажетъ будущее.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, опубликовано телеграфное извѣстіе изъ Лондона, что самый горючій международный вопросъ, всего болѣе и такъ долго угрожавшій миру Европы, вдругъ и неожиданно разрѣшенъ самымъ мирнымъ образомъ. Авторитетный источникъ этого извѣстія не долженъ, казалось бы, позволять сомнѣваться въ его достовѣрности. Великобританскій министръ Индіи лордъ Черчиль заявилъ на публичномъ митингѣ въ Шефильдѣ, по поводу афганскаго вопроса; что споръ относительно Зульфагарскаго прохода окончательно улаженъ, а этотъ споръ, какъ извѣстно изъ всѣхъ офиціальныхъ сообщеній и въ Россіи и въ Англіи, былъ единственнымъ затрудненіемъ во всѣхъ переговорахъ между обѣими державами относительно Афганистана. Если все это такъ, то надо отнынѣ считать устраненными всякія тревоги относительно столкновенія между Англіей и Россіей, продолжавшіяся до сего дня и такъ долго смущавшія нормальное теченіе государственной и промышленной жизни какъ двухъ великихъ націй, такъ и всего свѣта.

Въ своемъ неожиданномъ сообщеніи, великобританскій министръ, какъ гласитъ телеграмма, говоритъ, что «вслѣдствіе новыхъ свѣдѣній о спорной территоріи русское правительство сочло возможнымъ измѣнить свои предложенія; что великобританское правительство признало новую пограничную черту, предложенную Россіей, обезпечивающею эмиру полное обладаніе Зюльфагарскимъ проходомъ и соотвѣтствующею во всѣхъ отношеніяхъ обязательствамъ великобританскаго правительства передъ эмиромъ». Лордъ Черчиль прибавилъ, что «нельзя не принять въ Англіи съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія (или удовольствія) новое направленіе политики въ центральной Азіи, и можно ожидать такого устройства отношеній къ Россіи, которое дастъ положенію дѣлъ въ центральной Азіи нѣкоторую устойчивость». Чтобы основательно судить обо всемъ этомъ и въ особенности о приведенныхъ словахъ великобританскаго министра, подождемъ дальнѣйшихъ положительныхъ извѣстій, которыя, безъ сомнѣнія, не замедлятъ. Но не можемъ не замѣтить теперь-же, что если вѣрно переданы телеграфомъ хвастливыя слова лорда Черчиля, въ которыхъ онъ какъ-будто выставляетъ какую-то дипломатическую побѣду Англіи, то они не могутъ имѣть инаго смысла какъ рекламы въ пользу консервативной партіи передъ избирателями.

Въ установившуюся необыкновенно мирную атмосферу Европы, которая дѣлается теперь еще болѣе ясною съ развязкою

афганскаго вопроса, внезапно налетѣла, въ эти послѣдніе дни, съ того края свѣта, изъ Тихаго океана, небольшая туча, изъ которой многіе стали ожидать цѣлой международной бури. Германія, ежедневно болѣе и болѣе расширяющая свою колоніальную политику на всѣ концы земнаго шара, предъявила свои права на нѣкоторые изъ островов Каролинскаго архипелага, который издавна признается Испаніей своею неотъемлемою собственностью.

Возгорѣвшаяся отсюда, посреди переговоровъ берлинскаго и мадритскаго кабинетовъ, ожесточенная полемика между берлинскими и мадритскими органами офиціозной печати сопровождалась въ Испаніи враждебными и оскорбительными публичными демонстраціями противъ германскаго правительства. Эти демонстраціи самаго серьезнаго характера, въ которыхъ участвовали даже офиціальныя лица, объяснимы необыкновенно легко воспламеняющимся темпераментомъ испанцевъ, ихъ распущенными политическими нравами и особенными печальными обстоятельствами этой страны: поэтому только эти демонстраціи, которыя не остановились даже передъ личнымъ оскорбленіемъ представителей самыхъ высшихъ сферъ Германіи, сколько-нибудь извинительны. Такъ, кажется, и смотрѣли на нихъ въ Берлинѣ, относясь съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ тому, что происходитъ въ Испаніи. Но вся враждебная Германіи европейская печать закричала о правѣ сильнаго, которымъ злоупотребляетъ могущественная имперія въ отношеніи къ государству безсильному для своей обороны противъ нея. Само собою разумѣется, что самую дѣятельную тутъ роль играла французская печать. Патріотизмъ испанцевъ былъ до-нельзя возбужденъ этими поджигательными газетными статьями. Озлобленныя другъ противъ друга испанскія партіи старались наперерывъ выставлять свои патріотическія чувства; многочисленныя оппозиціонныя партіи, въ томъ числѣ главнѣйше радикальныя и республиканскія, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обрушиться на правительство и обвинить его въ униженіи достоинства государства. Это послѣднее обстоятельство всего болѣе объясняетъ весь этотъ воинственный шумъ, который поднялся въ Испаніи и который въ настоящую минуту составляетъ самый выдающійся фактъ на международной аренѣ Европы.

Берлинскій кабинетъ выказалъ въ этихъ обстоятельствахъ замѣчательное благоразуміе, которымъ, впрочемъ, всегда отличается политика желѣзнаго канцлера; при всей необычайной ея энергіи, это благоразуміе едвали не составляетъ главную его силу. Не смотря на спорность притязаній Испаніи на весь Каролинскій архипелагъ, которымъ она владѣетъ только номинально, и на заносчивость и оскорбительность публичныхъ демонстрацій въ Испаніи, берлинскій кабинетъ предложилъ передать этотъ вопросъ на рѣшеніе третейскаго суда дружественной обоимъ государствамъ державы. При этомъ въ Берлинѣ желаютъ, чтобы въ основаніе этого суда были положены начала международнаго права, установленныя недавно въ Берлинѣ-же всѣми европейскими правительствами относительно Конгскаго государства въ Африкѣ. Въ силу этихъ началъ, для права собственности на колоніальныя земли нужны не одно номинальное ихъ занятіе, а дѣйствительное, и даже ихъ эксплоатація. Замѣчательно, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ своихъ международныхъ столкновеніяхъ, германская политика, руководимая кн. Бисмаркомъ, умѣетъ занять сильную позицію, строго основанную на правѣ, а не на одной только силѣ. Въ этомъ великое превосходство могущества первенствующей военной державы нашего времени, которая во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, даже въ самыхъ наступательныхъ, сообразуется съ духомъ современной всемірной цивилизаціи и ищетъ для себя опоры въ общественномъ мнѣніи образованнаго міра. Такъ была начата и война Германіи противъ Франціи въ 1870 г.

Послѣ этого, можно было ожидать, что столкновеніе между Испаніей и Германіей разрѣшится мирно. При миролюбіи берлинскаго кабинета не приходится-же испанскому правительству, ктому-же въ крайне трудныхъ внутреннихъ обстоятельствахъ, его окружающихъ, вести сломя голову

воинственную политику? Но вотъ, въ то время, какъ мы это пишемъ, телеграфъ извѣщаетъ насъ, что испанскій военный флотъ прибылъ на спорный островъ Япъ и приступилъ къ его оккупаціи, когда на тотъ-же островъ высадился экипажъ съ германскаго судна и водрузилъ на немъ германское знамя, заявивъ о завладѣніи имъ Германіей. Начальники испанскаго флота протестовали. При полученіи обо всемъ этомъ извѣстія въ Мадритѣ, уличная толпа сдѣлала нападеніе на домъ германскаго посольства; были разбиты окна и сорванъ и публично сожженъ германскій гербъ. Полиція была совсѣмъ безсильна къ подавленію этихъ безпорядковъ. Народное движеніе и манифестаціи на мадритскихъ улицахъ противъ германскаго правительства ежечасно возрастаютъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Испаніи возникаютъ революціонныя волненія.

Вся опасность этихъ фактовъ заключается только въ крайней слабости испанскаго правительства, уже давно едва держащагося посреди внутреннихъ враговъ. При другихъ условіяхъ все это международное замѣшательство могло-бы легко разрѣшиться. За оскорбленіе германскаго посольства испанское правительство моглобы дать удовлетвореніе Германіи посредтвомъ строгаго наказанія виновниковъ этихъ буйствъ, какъ это всегда дѣлается. Но, чтобы дать это удовлетвореніе, король Альфонсъ долженъ рисковать не только паденіемъ нынѣшняго своего кабинета,—что было-бы для него не трудно,—но можетъ быть и паденіемъ своего престола. Нельзя сомнѣваться, что все это положеніе намѣренно создано врагами монархической власти въ Испаніи и всѣми безчисленными ея революціонными партіями. Будетъ-ли юный король, уже показавшій столько мужества и разума въ другихъ случаяхъ, въ силахъ справиться съ этимъ труднымъ положеніемъ, найдетъ-ли онъ для этого опору въ странѣ—мы скоро увидимъ.

Во всякомъ случаѣ, это—новое испытаніе, ниспосылаемое на несчастную страну, уже истерзанную столькими бѣдствіями, новое испытаніе для монархической власти, посреди накопившихся въ Испаніи враждебныхъ ей и анархическихъ элементовъ, и также новое испытаніе для международнаго мира Европы, который, казалось, только-что установился самымъ прочнымъ образомъ. Нѣкоторые мрачные публицисты, ссылаясь на прежніе примѣры великихъ событій, возникавшихъ изъ ничтожныхъ международныхъ приключеній, уже стали предсказывать, по поводу испано-германскаго столкновенія, что это только первая искра, готовая разгорѣться въ великій пожаръ, могущій обнять всю Европу. Основаніе для такихъ предсказаній указываютъ во враждебномъ къ Германіи движеніи, поднявшемся во Франціи по этому случаю, и въ подстрекательствахъ, идущихъ оттуда въ Испанію. Всякія такія пророчества легкомысленны; но изъ настоящаго случая можно еще разъ вывести неновое убѣжденіе, что подъ покровомъ мирныхъ и сердечныхъ соглашеній (ententes cordiales) европейскихъ правительствъ тлѣетъ много горючаго матерьяла, готоваго всегда вспыхнуть и разстроить всякія соглашенія. Не такъ давно была устроена тѣсная дружба, происходили взаимныя посѣщенія дворовъ между Берлиномъ и Мадритомъ, возбуждавшія злобу во Франціи. И куда это все теперь дѣвалось? Однако, противъ элементовъ войны ведутъ упорную борьбу элементы мира, которые никогда не были такъ могущественны въ исторіи, какъ въ наше время, и которые безпрерывно одерживаютъ верхъ надъ всякими международными распрями.

Послѣ сдѣланнаго нами очерка всѣхъ главнѣйшихъ явленій, которыми обусловливалась международная жизнь Европы въ послѣдніе дни, намъ ничего не остается сказать объ ея внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ. Посреди повсемѣстныхъ парламентскихъ вакацій они въ полномъ затишьѣ. Приготовленія къ главному будущему событію—къ новымъ выборамъ во Франціи и Англіи—не ознаменовались пока никакими положительными результатами. Можно отмѣтить только рѣчи г. Парнеля, главы ирландскихъ гомъ-рулеровъ или сепаратистовъ, пользующагося наибольшею силою между политическими людьми Ирландіи. Эти рѣчи произвели большое впе-

чатлѣніе. Г. Парнель увѣщевалъ ирландскихъ избирателей дѣйствовать какъ можно болѣе соединенными силами и не входить въ союзы ни съ какими англійскими партіями, держа себя одинаково враждебно къ нимъ всѣмъ; посреди нынѣшняго ихъ разъединенія онъ обѣщаетъ вѣрную побѣду ирландцамъ, цѣль которой можетъ заключаться только въ полной государственной автономіи Ирландіи (съ отдѣльнымъ парламентомъ); при ней только, говоритъ онъ, возможны коренныя соціальныя реформы, могущія исцѣлить язвы Ирландіи, т. е. экспропріяція всѣхъ англійскихъ землевладѣльцевъ въ пользу ирландскаго народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снова начались аграрныя преступленія и насилія противъ ландлордовъ въ Ирландіи. Хотя руководящіе органы англійской печати и говорятъ, что противъ подобныхъ притязаній ирландцевъ соединятся всѣ англійскія партіи и потому эти притязанія неопасны для Англіи, однако непримиримая Ирландія продолжаетъ быть великимъ затрудненіемъ для политической жизни Великобританіи, въ особенности наканунѣ переворота въ ея парламентскомъ строѣ. Надежды и обѣщанія консервативнаго кабинета умиротворить Ирландію лучше, чѣмъ могли это сдѣлать либералы, оказываются совсѣмъ несостоятельными. Поэтому нельзя удивляться желанію кабинета лорда Салисбери освободиться мирнымъ образомъ отъ международныхъ затрудненій.

Въ предыдущихъ обозрѣніяхъ, мы не могли, по недостатку мѣста, коснуться нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ, получившихъ въ нашемъ отечествѣ рѣшеніе въ недавнее время. Пополнимъ теперь эти пробѣлы.

На первомъ мѣстѣ стоитъ давно ожидавшееся Положеніе о Государственномъ Дворянскомъ Земельномъ Банкѣ, который въ скоромъ времени долженъ открыть свои дѣйствія. Въ издаваемомъ министерствомъ финансовъ «Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли», № 26, помѣщено весьма обстоятельное объясненіе устройства этого новаго государственнаго кредитнаго учрежденія и плана его операцій. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы указать на принятый министерствомъ прекрасный порядокъ объясненія публикѣ всѣхъ принимаемыхъ финансовыхъ мѣръ и опубликованія всѣхъ относящихся къ нимъ данныхъ—историческихъ, статистическихъ и экономическихъ. Съ помощію этихъ гласныхъ сообщеній, дѣлаемыхъ съ искренностью и точностью, публика значительно просвѣщается относительно финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ и получаетъ возможность относиться сознательно къ нашимъ финансовымъ мѣропріятіямъ. Въ этомъ большая заслуга нынѣшняго министра финансовъ. За упомянутыя сообщенія не могутъ не быть всѣ единодушно признательны управленію Н. Х. Бунге,—даже и тѣ, которые не сочувствуютъ сдѣланнымъ распоряженіямъ, но имѣютъ возможность судить объ ихъ мотивахъ, на основаніи положительныхъ и достовѣрныхъ данныхъ. Черезъ публикуемыя въ изобиліи финансовыя свѣдѣнія, собирается также богатый матерьялъ для нашей финансовой исторіи, какого прежде у насъ не было. Этотъ порядокъ заслуживаетъ подражанія со стороны другихъ вѣдомствъ.

Можно было въ свое время, когда возникала идея объ особомъ государственномъ учрежденіи для дворянскихъ имѣній, оспаривать, съ той или другой точки зрѣнія, самую эту идею и пользу ея для государства. Но разъ было рѣшено осуществленіе этой идеи, нельзя не признать, что возложенная на министерство финансовъ задача была рѣшена въ предѣлахъ практической возможности, съ соображеніемъ всѣхъ соприкасавшихся съ нею интересовъ, съ наименьшимъ нарушеніемъ государственной справедливости и съ наименьшею опасностью для государственнаго кредита и для государственной казны. Между тѣмъ, съ дворянскимъ банкомъ случилось въ нашей печати нѣчто подобное тому, на что мы прежде указывали по поводу новыхъ таможенныхъ мѣръ. Положеніе о дворянскомъ банкѣ и за него министерство финансовъ были подвергнуты самымъ рѣзкимъ порицаніямъ со стороны именно тѣхъ органовъ нашей печати, которые заявили себя самыми пламенными поборниками идеи этого учрежденія. Объясняется это очень просто

Говорятъ, что положеніе о дворянскомъ банкѣ обмануло всѣ ожиданія, съ нимъ связывавшіяся. Но изъ сдѣланной при этомъ критики его устройства оказывается, что всѣ эти ожиданія были неосуществимы. Такимъ образомъ, устройство банка осуждается за то, что закладные листы будутъ продаваемы по вольной (биржевой) цѣнѣ и что заемщики, въ случаѣ низкаго ихъ курса, будутъ получать въ ссуду не всю нарицательную по этимъ бумагамъ сумму денегъ; т. е. что они будутъ занимать капиталы не по той цѣнѣ или не за тотъ процентъ, какіе существуютъ въ дѣйствительности на денежномъ рынкѣ. Но банкъ можетъ дѣйствовать иначе, только если государство приметъ на свой счетъ разницу между нарицательною и биржевою цѣною закладныхъ листовъ, или сдѣлаетъ на свой счетъ доплату искусственно пониженнаго въ дворянскомъ банкѣ процента за заемъ капиталовъ. Далѣе, заявляется требованіе, чтобъ оцѣнки имѣній были никакъ не ниже оцѣнокъ, сдѣланныхъ частными банками, такъ чтобы долги по имѣніямъ могли быть всегда переведены изъ нихъ на дворянскій банкъ. А если оцѣнки частныхъ банковъ были преувеличены, какъ это и случалось, то что-же долженъ дѣлать въ этихъ случаяхъ дворянскій банкъ? Очевидно, что удовлетвореніе такихъ заемщиковъ опять возможно, только если казна приметъ на свой счетъ убытки отъ такихъ преувеличенныхъ оцѣнокъ. Наконецъ, самыя сильныя обвиненія сыплются со стороны упомянутыхъ органовъ печати на установленную организацію дворянскаго банка, за то, что просроченныя въ немъ имѣнія будутъ продаваться, для покрытія недоимокъ, съ публичнаго торга лицамъ недворянскаго сословія, которыя обязаны будутъ въ пятилѣтній срокъ или уплатить банку весь лежащій на имѣніи долгъ, или продать его лицамъ дворянскаго сословія. Вмѣсто этого рекомендуется передавать просроченныя дворянскія имѣнія въ дворянскую опеку и держать ихъ въ ней вѣчно или до тѣхъ поръ, пока не исправятся въ своей безхозяйственности неисправные владѣльцы, съ тѣмъ чтобы такія имѣнія никогда не переходили въ собственность лицъ недворянскаго сословія. Какъ-будто неизвѣстно, что такое наши опекунскія управленія и до какого разоренія они доводили именно дворянскія имѣнія. Мы не упоминаемъ о разныхъ другихъ порицаніяхъ устройства дворянскаго банка,—они всѣ въ томъ-же духѣ.

Общій смыслъ всѣхъ этихъ порицаній и такъ называемыхъ обманутыхъ надеждъ весьма простъ: недовольные дворянскимъ банкомъ въ томъ видѣ, въ какомъ состоялась его организація, ожидали отъ него несравненно бо́льшихъ кредитныхъ льготъ въ пользу дворянскаго землевладѣнія, — такихъ льготъ, которыя несовмѣстимы съ обыкновенными условіями кредита и которыя были-бы возможны лишь при громадныхъ жертвахъ государственной казны на это дѣло, для доставленія землевладѣльцамъ-дворянамъ исключительныхъ кредитныхъ воспособленій, даже и въ такихъ случаяхъ, когда хозяйство въ дворянскихъ имѣніяхъ несостоятельно къ производительному употребленію занятыхъ капиталовъ и эти имѣнія не могутъ, по своей дѣйствительной цѣнности, служить обезпеченіемъ для правильныхъ кредитныхъ сдѣлокъ. При этомъ чистосердечно высказывается, что отъ этой государственной мѣры ожидалось кредитное учрежденіе, тождественное съ прежними Опекунскими Совѣтами, которые дѣйствительно доставляли дворянскимъ имѣніямъ государственныя кредитныя воспособленія внѣ всякаго общаго порядка кредитныхъ сдѣлокъ и вопреки всякимъ естественнымъ условіямъ кредита. Цѣль всѣхъ этихъ ожиданій и желаній заключается въ удержаніи земель и сельскохозяйственныхъ имуществъ въ рукахъ дворянскаго сословія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что почти повсемѣстный быстрый переходъ дворянскихъ имѣній въ собственность другихъ сословій есть одно изъ печальнѣйшихъ явленій новѣйшаго времени въ Россіи. Кромѣ многихъ прискорбныхъ послѣдствій этого явленія для государственной и общественной жизни, отъ него страдаютъ и земледѣліе, и все народное хозяйство. Но оставимъ даже совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о государственной справедливости, т. е. о

правѣ и обязанности государства употреблять общегосударственныя денежныя средства на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія. Возможно-ли, помимо этого, по самой силѣ вещей, успѣшно противодѣйствовать упомянутому явленію искусственными государственными мѣрами и насильственно удержать въ рукахъ дворянъ имѣнія, съ которыми они разстаются въ силу непреложныхъ экономическихъ условій, въ силу несостоятельности своего хозяйства въ этихъ имѣніяхъ или общаго разстройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ? Затѣмъ для государства и народнаго хозяйства несомнѣнно весьма важно дворянское землевладѣніе; въ этомъ согласны у насъ всѣ, безъ различія всякихъ политическихъ сочувствій, видя, какъ хищнически пользуются землею ея новѣйшіе пріобрѣтатели, капиталисты — промышленники и кулаки. Но подъ дворянскимъ землевладѣніемъ, нужнымъ для государства и для успѣховъ народнаго хозяйства, очевидно, слѣдуетъ разумѣть не одно только номинальное дворянское землевладѣніе, т. е. принадлежность земель лицамъ дворянскаго сословія, каковы бы ни были ихъ умственное образованіе, воспитаніе, характеръ, хозяйство. Очевидно, необходимо для пользы государства, чтобы сельско-хозяйственныя имѣнія возможно болѣе удерживались въ рукахъ людей образованныхъ, исторически воспитанныхъ въ добрыхъ родовыхъ традиціяхъ, пользующихся уваженіемъ въ мѣстномъ народонаселеніи и потому могущихъ имѣть на него плодотворное нравственное вліяніе, и наконецъ людей состоятельныхъ въ своемъ хозяйствѣ вообще и умѣлыхъ въ управленіи своими имѣніями. Землевладѣльцевъ и вообще людей, соединяющихъ въ себѣ всѣ эти свойства, дѣйствительно до сихъ поръ всего болѣе у насъ въ кругу нашего помѣстнаго дворянства; только для такихъ землевладѣльцевъ-дворянъ и могъ быть предназначенъ дворянскій банкъ, долженствующій содѣйствовать развитію полезнаго для государства дворянскаго землевладѣнія. Но такіе землевладѣльцы-дворяне, — а ихъ у насъ не мало и крупныхъ и мелкихъ, —всего менѣе нуждаются въ искусственныхъ кредитныхъ воспособленіяхъ государства въ указанномъ выше направленіи и сами, безъ сомнѣнія, отшатнулись-бы отъ нихъ.

Легко говорить объ устройствѣ, въ настоящее время, кредитнаго учрежденія наподобіе нашихъ прежнихъ государственныхъ установленій. Они, впрочемъ, и въ свое время были несостоятельны, и ихъ рѣшительная несостоятельность заставила правительство закрыть ихъ. Объ этомъ теперь у насъ позабыли. Но въ свое время, при всѣхъ другихъ условіяхъ государственнаго и общественнаго строя и правительственной системы, вполнѣ гармонировавшихъ съ этими установленіями и ихъ обусловливавшихъ, они были возможны; теперь - же, при совсѣмъ иныхъ историческихъ условіяхъ государственнаго и народнаго хозяйства не только всемірнаго, отъ котораго не въ силахъ обособиться Россія, но и ея собственнаго хозяйства, эти кредитныя установленія были бы просто невозможны.

Кстати, скажемъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ жизни, желательно или нежелательно возвращеніе исторіи къ прошедшей эпохѣ, сочувственна она или нѣтъ,—это совсѣмъ другой вопросъ; но, прежде всего, эти возвращенія невозможны по непреложнымъ законамъ исторіи, также какъ невозможны въ развитіи народнаго просвѣщенія и хозяйства скачки впередъ, къ будущимъ историческимъ эпохамъ, посредствомъ какихъ бы то ни было насильственныхъ государственныхъ мѣръ. Считаютъ возможными эти возвращенія и скачки только политическіе мечтатели, крайнія, такъ называемыя радикальныя группы всѣхъ партій—и консервативныхъ и прогрессивныхъ, — люди желающіе перестраивать государство и общество, помимо всякаго историческаго процесса ихъ развитія, люди самые вредные для успѣховъ зрѣлаго государственнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, въ настоящемъ обсуждаемомъ нами вопросѣ, самою радикальною, прямою и цѣлесообразною мѣрою для удержанія земельныхъ имуществъ въ собственности дворянства было-бы, вмѣсто всякихъ проектируемыхъ ухищренныхъ банковыхъ операцій, присвоеніе этимъ землямъ безусловнаго дворянскаго характера,

т. е. воспрещеніе перехода извѣстной части земель государства какимъ бы то ни было образомъ въ собственность другихъ, недворянскихъ сословій.

Такія дворянскія и рыцарскія имѣнія были у насъ при крѣпостномъ правѣ и въ феодальныхъ государствахъ Западной Европы. Но такая мѣра была бы, помимо всего другаго, невозможна потому, что при нынѣшнихъ историческихъ условіяхъ экономической жизни она была-бы всего болѣе разорительна для самихъ владѣльцевъ этихъ дворянскихъ имѣній: они чрезвычайно понизились бы въ своей цѣнности (съ чрезвычайнымъ сокращеніемъ спроса на нихъ), владѣльцы утратили-бы источники всякаго кредита для своихъ оборотовъ (вслѣдствіе невозможности взысканія съ нихъ долговъ кредиторами-недворянами) и съ тѣмъ вмѣстѣ они лишились бы всякихъ способовъ вести какое-либо хозяйство въ своихъ имѣніяхъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ распоряженіи по финансовой части, — о сокращеніи обращенія досрочныхъ купоновъ кредитныхъ бумагъ. Хотя это обращеніе, т. е. уплата въ частныхъ сдѣлкахъ досрочными купонами вмѣсто наличныхъ денегъ, была и прежде воспрещена, но можно надѣяться, что нынѣ наложенныя строгія взысканія сократятъ это зло, отъ котораго всего болѣе страдали рабочіе классы, эксплоатируемые недобросовѣстными хозяевами промышленныхъ заведеній. Не можемъ не обратить здѣсь вниманія на сужденія, вызванныя этимъ распоряженіемъ въ нѣкоторой части нашей печати: они любопытны по отношенію къ самому болящему вопросу нашего народнаго хозяйства — къ бумажному денежному обращенію. Органы того слишкомъ распространеннаго у насъ мнѣнія, что главная причина всѣхъ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ затрудненій заключается въ недостаткѣ орудій обращенія, то есть кредитныхъ билетовъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы доказывать, что этотъ недостатокъ заставилъ у насъ обращаться досрочные купоны, что мѣры къ сокращенію ихъ сдѣлаютъ этотъ недостатокъ еще болѣе отяготительнымъ для промышленнаго міра и что онѣ еще болѣе дѣлаютъ настоятельными новые выпуски кредитныхъ билетовъ.

Здѣсь невозможно пускаться въ опроверженіе всѣхъ крайнихъ заблужденій по предмету нашего денежнаго обращенія, усиленно распространяемыхъ въ публикѣ нѣкоторыми изданіями; да едва-ли и настоитъ надобность въ такихъ опроверженіяхъ, уже давно сдѣланныхъ въ нашей печати. Есть заблужденія, въ особенности тѣ, которыя связаны съ личными матерьяльными интересами, которыя не уступаютъ никакимъ разсужденіямъ и никакой очевидности фактовъ. Но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь только два замѣчанія по поводу упомянутыхъ воззрѣній на купонное обращеніе. Говорить о недостаткѣ денегъ въ обращеніи, которое будто-бы заявлено обращеніемъ досрочныхъ купоновъ, — совершенно одно и то-же, что видѣть этотъ недостатокъ въ фабрикаціи всякой фальшивой монеты и уплатахъ этою монетою. Затѣмъ, неужели не возвышеніе цѣны кредитныхъ билетовъ, въ обмѣнѣ на звонкую монету и товары, а напротивъ непрерывное посреди всякихъ колебаній пониженіе ея въ теченіе послѣднихъ лѣтъ — никакъ не можетъ убѣдить, что въ билетахъ нѣтъ у насъ недостатка. Впрочемъ, говорить о недостаткѣ или избыткѣ кредитныхъ билетовъ въ публичномъ обращеніи — вопросъ совсѣмъ праздный, и постановка этого вопроса при обезцѣненіи бумажнаго рубля противна самому элементарному пониманію этого предмета. Обезцѣненіе бумажнаго рубля уже довело дѣйствительную, не номинальную массу билетовъ въ обращеніи до того ихъ количества, какое нынѣ нужно для нашего народнаго хозяйства. Коренной вопросъ о нашемъ бумажномъ денежномъ обращеніи совсѣмъ не въ этомъ, а въ устраненіи колебаній бумажной денежной единицы, разстраивающихъ всѣ наши хозяйственныя дѣла, т. е. въ такъ называемой фиксаціи или упроченіи цѣнности нашихъ денегъ.

В. Б.

X

12 сентября

Переворотъ въ Восточной Румеліи и возсоединеніе Болгаріи.—Включеніе Босніи и Герцеговины въ Австро-Венгерскую имперію и ея внутреннее положеніе.—Соглашеніе въ Лондонѣ по афганистанскому вопросу.—Испано-германское столкновеніе и король Альфонсъ. — Избирательная агитація во Франціи и Англіи. — Внутреннія дѣла Россіи. — Промышленный застой.

Въ то время, какъ мирное настроеніе всей Европы, подкрѣпленное продолжающимися и теперь дружескими свиданіями монарховъ и первенствующихъ членовъ царствующихъ фамилій, казалось такъ упроченнымъ, что подъ господствомъ всеобщаго духа мира ожидалась мирная развязка даже рѣзкаго столкновенія Германіи и Испаніи,—въ это самое время внезапно совершилось на Балканскомъ полуостровѣ событіе, которое, по дипломатическимъ понятіямъ стараго времени, должно угрожать возбужденіемъ глубокихъ потрясеній въ нашей части свѣта; это событіе снова открываетъ самый критическій вопросъ въ международной жизни Европы, — вопросъ восточный.

6 сентября населеніе Восточной Румеліи единодушно провозгласило свое соединеніе или, лучше, возсоединеніе съ княжествомъ Болгарскимъ, отъ котораго оно было насильственно оторвано Берлинскимъ трактатомъ. Турецкій генералъ-губернаторъ, правившій Восточной Румеліей, и начальникъ милиціи арестованы въ Филиппополѣ; тамъ учреждено временное правительство, призывающее на царство князя Болгарскаго; милиція, т. е. румелійское войско, присягнула ему на вѣрность. Князь Александръ, соглашаясь на этотъ призывъ, созвалъ собраніе народныхъ представителей, мобилизировалъ свою армію и отправился съ своимъ первымъ министромъ, г. Каравеловымъ, въ Филиппополь для принятія власти надъ страною. Затѣмъ опубликованъ въ Софіи манифестъ, которымъ князь Александръ провозглашаетъ себя, «Божіею милостію и по волѣ народа», государемъ обѣихъ возсоединенныхъ болгарскихъ земель. Это все, что пока намъ извѣстно изъ краткихъ телеграфныхъ извѣстій, поразившихъ публику своею неожиданностью.

По этимъ извѣстіямъ, переворотъ, въ одно мгновеніе распространившійся на всю страну, совершился необыкновенно мирно и стройно, безъ малѣйшаго кровопролитія, какъ будто онъ былъ произведенъ не народною толпою, а подготовленъ и совершенъ по строго обдуманному плану. Впрочемъ, народныя чувства болгарскаго населенія Восточной Румеліи были уже такъ давно и такъ единодушно возбуждены противъ невозможнаго положенія, созданнаго для него Берлинскимъ конгрессомъ, что достаточно было малѣйшей искры или малѣйшаго толчка, откуда-бы то ни было, чтобы взрывъ этихъ чувствъ самъ собою низвергъ это шаткое созданіе. Всего менѣе, казалось-бы, можно было назвать это движеніе «**заговоромъ смѣло задуманнымъ и удачно веденнымъ**», какъ говоритъ объ немъ нашъ французскій дипломатическій органъ, присовокупляя, что «такъ

какъ государственная организація, нарушенная мирной революціей въ Филиппополѣ, есть произведеніе всѣхъ великихъ европейскихъ державъ, то отъ нихъ зависитъ и рѣшеніе этого дѣла.»

Другія газеты, основываясь на нѣкоторыхъ политическихъ признакахъ, предшествовавшихъ этому событію, предположили, въ первую минуту послѣ полученія упомянутыхъ телеграфныхъ извѣстій, что оно было «заговоромъ» особаго рода, и именно сверху, а не снизу. Весьма примѣчательно, что переворотъ въ Филиппополѣ произошелъ вслѣдъ за торжественною поѣздкою австрійскаго императора въ Боснію, гдѣ онъ дѣлалъ смотръ своимъ оккупаціоннымъ войскамъ, принималъ депутаціи отъ разныхъ сословій и народонаселеній Босніи и Герцеговины, въ томъ числѣ отъ высшаго духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ и не христіанскихъ, и на всѣ эти демонстраціи вѣрноподданническихъ чувствъ отвѣчалъ, какъ государь этихъ земель, въ безчисленномъ множествѣ рѣчей удостовѣряя въ своей заботливости объ ихъ благосостояніи. Это путешествіе императора Франца-Іосифа по территоріи, принадлежащей къ составу Турецкой имперіи, произвело сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Такъ какъ все это произошло вскорѣ послѣ свиданія въ Кремзирѣ, а также и послѣ посѣщенія нашего министра иностранныхъ дѣлъ во Франценсбадѣ княземъ болгарскимъ, то въ печати, нашей и иностранной, высказано было предположеніе, что все это было напередъ соображено и устроено правительствами. При этомъ будто бы состоялось такое соглашеніе интересовъ Австро-Венгріи и Россіи, что къ государственной территоріи первой окончательно присоединяются Боснія и Герцеговина, а для удовлетворенія Россіи Восточная Румелія присоединяется къ Болгарскому княжеству, согласно проекту Санъ-Стефанскаго договора. Въ этомъ предположеніи, очевидно гадательномъ (и уже совсѣмъ опровергнутомъ новѣйшими извѣстіями), было весьма характеристично мнѣніе о благодушіи Россіи, которая, взамѣнъ положительнаго расширенія территоріи сосѣдняго государства, да еще къ тому-же взамѣнъ включенія славянскихъ народовъ въ имперію Габсбурговъ, гдѣ единородныя имъ племена донынѣ терпятъ не мало угнетеній, должна будто-бы довольствоваться самымъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, помимо всякихъ дипломатическихъ сдѣлокъ, возсоединеніемъ болгарской земли, которая совершенно отъ насъ независима, отъ которой мы въ послѣднее время совсѣмъ отчуждены и къ которой мы даже не имѣемъ никакого доступа! Но таковы уже не въ первый разъ роковыя послѣдствія нашихъ побѣдъ и нашего самоотверженія.

Какъ бы то ни было, Россія не можетъ не порадоваться совершившемуся въ Болгаріи перевороту, какъ исправленію величайшей и злополучнѣйшей несправедливости Берлинскаго конгресса. Можно надѣяться, что, съ возстановленіемъ единства болгарскаго народа, и его внутренняя политическая жизнь потечетъ болѣе правильно и, съ тѣмъ вмѣстѣ, установятся болѣе здоровыя его отношенія къ нашему отечеству. Этотъ переворотъ есть ничто иное, какъ возстановленіе нормальной исторической жизни, насильственно изувѣченной дипломатіей; потому онъ едва ли можетъ быть передѣланъ какими бы то ни было дипломатическими комбинаціями европейскихъ державъ. Примириться какъ можно скорѣе съ совершившимся самымъ естественнымъ историческимъ фактомъ тѣмъ болѣе необходимо для европейской дипломатіи, что это первое и наилучшее средство предупредить распространеніе болгарскаго движенія по всему балканскому полуострову.

Можетъ быть даже и этого средства будетъ теперь не достаточно для умиротворенія юго-восточной окраины Европы; можетъ быть теперь окажется несостоятельною всякая новая дипломатическая затяжка рѣшенія восточнаго вопроса, висящаго надъ Европой уже съ конца прошедшаго столѣтія. Въ такомъ случаѣ, въ нашей части свѣта предстоитъ рядъ такихъ событій, какихъ она давно не видала! Во всѣхъ земляхъ Балканскаго полуострова дѣла не въ порядкѣ, какъ мы уже объ этомъ упоминали въ предыдущихъ обозрѣніяхъ,

и вездѣ тлѣетъ множество горючаго матеріала, готоваго разгорѣться въ общій пожаръ, которымъ, съ непреложною необходимостью, исторія, можетъ быть, также неожиданно какъ это случилось въ Филиппополѣ, поведетъ къ развязкѣ четырехъ-вѣковой вопросъ о владычествѣ турокъ въ Европѣ. На сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ о переговорахъ, тянущихся въ Константинополѣ между великобританскимъ чрезвычайнымъ дипломатическимъ агентомъ Друммондомъ Вольфомъ и Портою, едва-ли и торійскому великобританскому кабинету, нынѣ единственному запоздалому другу Турціи, можетъ удастся задержать на долго жизнь больнаго человѣка. За исключеніемъ необыкновенныхъ историческихъ личностей, которыя задолго впередъ предвидятъ историческія событія,—да и тѣ часто ошибались,—непреложный ходъ всемірной исторіи не подчиняется соображеніямъ обыкновенной дипломатіи. Не въ одной только Болгаріи постановленія Берлинскаго конгресса и установившееся подъ его дѣйствіемъ положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ требуютъ передѣлки. Между прочимъ оказывается несовсѣмъ удачнымъ опытъ господства Австріи въ дѣлахъ Сербіи, гдѣ національная и гражданская неурядица постоянно возрастала въ это время. Этотъ опытъ не внушаетъ много успокоительныхъ и для славянскихъ народовъ, и для европейскаго мира ожиданій отъ предполагаемаго включенія Босніи и Герцеговины въ имперію Габсбурговъ. Въ Сербіи, подъ названіемъ разбойничьихъ шаекъ, бушуютъ политическія партіи и подвергается вопросу самый престолъ короля Милана. Въ Болгаріи, которая призывается теперь къ крайнему напряженію своихъ силъ и, можетъ быть, къ борьбѣ за свое существованіе, происходили въ послѣднее время весьма болѣзненныя явленія, въ томъ числѣ совершенно чудовищное враждебное движеніе нѣкоторыхъ политическихъ вожаковъ противъ Россіи. Власть князя Александра оказывалась весьма не крѣпкою наканунѣ призыва его къ дѣлу, требующему величайшаго единства народныхъ силъ подъ его рукою.

Во всякомъ случаѣ, обстоятельства сложились теперь такъ, что недавнія соглашенія въ Варзинѣ, Гаштейнѣ и Кремзирѣ подвергаются серьезной пробѣ жизни и должны скоро показать, совладаютъ-ли они съ развитіемъ исторической жизни, при самыхъ сложныхъ условіяхъ.

Какою-бы легкою и блестящею добычею не представлялось для Австро-Венгерской имперіи пріобрѣтеніе Босніи и Герцеговины, но оно сопряжено для нея самой съ величайшими затрудненіями и опасностями. Внутри имперіи Габсбурговъ, раздираемой теперь больше, чѣмъ когда-либо, національными раздорами, много рѣшительныхъ и сильныхъ противниковъ этого пріобрѣтенія, главнѣйше между нѣмцами. Расширеніе государственной территоріи на счетъ славянскихъ земель значительно усилитъ славянскій элементъ; но и кромѣ нѣмцевъ и мадьяръ, для которыхъ это усиленіе нисколько не желательно, междоусобія славянскихъ племенъ въ Австро-Венгріи могутъ только еще болѣе усилиться отъ присоединенія къ ней новыхъ славянскихъ земель. Это присоединеніе можетъ сильно обострить внутренній кризисъ въ самой имперіи Габсбурговъ, который не менѣе грозенъ въ ней, чѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ. Какими глубокими внутренними недоумѣніями страдаетъ нынѣ это государство, служитъ доказательствомъ, между прочимъ, тотъ изумительный фактъ, что, въ одно время съ дружественнымъ свиданіемъ императоровъ и подъ восторженными возгласами оффиціозныхъ газетъ о сердечномъ соглашеніи, люди предаются въ Галиціи слѣдствію и суду за поѣздку въ Россію на Кирило-Меѳодьевскій праздникъ, какъ за уголовное преступленіе!

Весьма любопытно, что руководящіе органы германской печати, приверженные князю Бисмарку, съ наибольшимъ ожесточеніемъ нападаютъ теперь на вѣнское правительство за его виды на Боснію и Герцеговину; между тѣмъ, слишкомъ извѣстно, что всего болѣе благословеній и даже прямаго содѣйствія къ движенію на востокъ австро-венгерское правительство получало изъ Берлина. Все это можетъ быть нѣсколько объяснено развѣ только тѣмъ, что въ

Германіи крайне недовольны слабымъ положеніемъ, приходящимся нынѣ на долю нѣмцевъ въ правящей средѣ Австро-Венгріи. Движеніе на востокъ благословлялось единственно для уничтоженія панславизма и подъ эгидою германскаго знамени, которое нынѣ весьма поблекло въ австро-венгерской правительственной сферѣ. Или-же нужно предполагать, что недовольство нѣмецкихъ народонаселеній въ Австро-Венгріи поддерживается со стороны Германіи съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать созрѣванію этого плода для его отпаденія отъ короны Габсбурговъ и возсоединенія съ германскимъ отечествомъ, а вознагражденіе за это даруется ей на Балканскомъ полуостровѣ? И русская, и вся европейская публика будетъ теперь съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидать: какимъ путемъ новыхъ сдѣлокъ выйдетъ дипломатія изъ лабиринта всѣхъ упомянутыхъ затрудненій, накопившихся въ юго-восточной Европѣ, — изъ этого скопленія противоположныхъ и перекрещивающихся національныхъ интересовъ, и найдетъ ли дипломатія для благополучнаго выхода достаточный оплотъ во всѣхъ бывшихъ сердечныхъ соглашеніяхъ?

Какъ бы то ни было, весьма важно для Россіи, что посреди всѣхъ этихъ запутанныхъ политическихъ обстоятельствъ и въ ожиданіи, можетъ быть, крупныхъ историческихъ событій въ Европѣ, у насъ развязаны руки съ афганистанскимъ вопросомъ, и что мы не вынуждены теперь отвлекать свое вниманіе отъ нашей части свѣта и отъ родственнаго намъ славянскаго міра къ пустынямъ Средней Азіи. Сверхъ того, мы заняли теперь и въ этихъ пустыняхъ, около нейтральной между Индіей и Россіей афганской территоріи, такое положеніе, что можемъ сдерживать неумѣренныя требованія нашего главнаго бывшаго врага на Балканскомъ полуостровѣ. Мы до сихъ поръ лишены возможности сказать что-либо новое по этому предмету, на основаніи официальныхъ извѣстій, которыхъ у насъ еще не появлялось, хотя послѣ сообщенныхъ нами публичныхъ заявленій великобританскихъ министровъ объ окончательномъ соглашеніи съ Россіей по афганскому вопросу прошло около трехъ недѣль. Страннымъ образомъ, даже нашъ оффиціозный дипломатическій органъ ни словомъ не обмолвился, чтобы извѣстить нашу публику о развязкѣ этого дѣла, которымъ она не можетъ-же не интересоваться. Между тѣмъ, въ иностранныхъ газетахъ самымъ достовѣрнымъ образомъ дѣло сообщено о подписаніи въ Лондонѣ протокола, опредѣляющаго разграничительную линію между нашими владѣніями и Афганистаномъ, которую остается теперь только провести на самыхъ мѣстахъ. Мы уже достаточно говорили прежде объ афганскомъ и вообще средне азіятскомъ вопросѣ, чтобы нужно было здѣсь снова къ нему возвращаться. Въ иностранной, отчасти и въ нашей, печати высказывается мнѣніе, что нынѣшняя наша сдѣлка съ Англіей — только временное перемиріе и что въ ближайшемъ будущемъ борьба съ Англіей изъ-за Средней Азіи неизбѣжна. Но всѣ подобныя предсказанія весьма легкомысленны посреди современнаго быстраго теченія исторической жизни, которое со дня на день круто переставливаетъ всѣ интересы и всѣ вопросы во внутреннихъ и международныхъ государственныхъ отношеніяхъ европейскаго міра. Согласно государственному разуму и дѣйствительнымъ здоровымъ интересамъ Англіи и Россіи, ихъ взаимное мирное соглашеніе на азіятскомъ материкѣ на долгое и даже безконечное время совершенно возможно, если только это дѣло будетъ освобождено отъ всякихъ пристрастныхъ предубѣжденій, предразсудковъ и страстей, затемняющихъ его съ обѣихъ сторонъ. На такой успѣхъ въ воззрѣніяхъ на это дѣло нельзя не надѣяться; да и кромѣ того, новые, неизмѣримо болѣе насущные внѣшніе и, въ особенности, внутренніе вопросы въ обоихъ государствахъ могутъ совсѣмъ охладить недавнее страстное рвеніе къ средне-азіятскимъ дѣламъ и отодвинуть ихъ совсѣмъ на задній планъ, сравнительно съ другими государственными интересами времени.

Угрожавшее европейскому миру, вдругъ вспыхнувшее, столкновеніе между Германіей и Испаніей изъ-за Каролинскихъ острововъ не сдѣлало еще ни одного шага къ своей развязкѣ, но замѣчательное благора-

зуміе и сдержанность берлинскаго двора, вопреки нанесеннымъ ему въ Испаніи уличнымъ оскорбленіямъ, доблестная твердость короля Альфонса и также общественное мнѣніе, единодушно высказавшееся повсеместно въ Европѣ, произвели сильное отрезвляющее дѣйствіе на возбужденіе воинственныхъ страстей въ Испаніи. При всей классической своей запальчивости, испанцы чрезвычайно боятся показаться «смѣшными» (ridicules) передъ европейскою публикою, а всѣ руководящія европейскія газеты напомнили имъ о Донъ-Кихотѣ, тѣнь котораго какъ будто показалась въ задорныхъ воинственныхъ демонстраціяхъ, объявшихъ Испанію. Даже вся разумная печать Франціи, откуда шло сперва наиболѣе подстрекательствъ къ возбужденію испанцевъ противъ Германіи, стала назидать ихъ къ миролюбію. Послѣ строгихъ выходокъ нѣмецкой печати противъ французской, въ этомъ случаѣ, былъ снова замѣченъ тотъ фактъ, съ какою осторожностью относится французское общество ко всякимъ дѣламъ, могущимъ задѣть Германію, и какъ быстро сдерживается оно послѣ безпрерывныхъ мгновенныхъ вспышекъ національнаго чувства, до сихъ поръ не примиряющагося съ погромомъ 1870—1871 гг. и съ отторженіемъ Эльзасъ - Лотарингіи. Франція не можетъ не чувствовать, что, при своихъ внутреннихъ обстоятельствахъ, она не готова еще къ внѣшнему дѣйствію въ Европѣ.

Въ испанско-германскомъ конфликтѣ дала себя значительно почувствовать сила такъ называемаго «общественнаго мнѣнія», — сила здравомысленной образованной части общества всѣхъ европейскихъ странъ, свободной отъ политическихъ страстей и предразсудковъ и желающей общей пользы, помимо личныхъ своекорыстныхъ интересовъ. Эта сила, не смотря на могущество другихъ факторовъ политической жизни, дѣйствуетъ неукоснительно, когда оно высказывается единодушно. И тутъ-же можно было еще разъ убѣдиться, какъ значительны въ Европѣ интересы мира, направляющіе общественное мнѣніе, не смотря на кажущееся, всеобщее вооруженіе, при накопленіи элементовъ войны.

Иностранная печать обратила особенное вниманіе на уваженіе, съ которымъ въ этомъ случаѣ отнесся къ общественному мнѣнію самъ канцлеръ Германской имперіи. Въ длинной нотѣ, отправленной имъ изъ Варзина и опубликованной въ газетахъ, онъ тщательно оправдываетъ, на основаніи международнаго права, правильность дѣйствій Германіи по отношенію къ Каролинскому архипелагу и документально доказываетъ сомнительность верховныхъ правъ, признаваемыхъ за собою Испаніей на этотъ архипелагъ. Нота кн. Бисмарка произвела, въ пользу Германіи, сильное дѣйствіе на европейскую публику, которой была неизвѣстна фактическая сторона этого вопроса и которая могла, въ первыя минуты испанскихъ волненій, предполагать насильственный и дерзкій захватъ со стороны Германіи чужой территоріи въ Тихомъ океанѣ. Если справедливо считаютъ Германію самою воинственною и завоевательною державою нашего времени, то въ ея образѣ дѣйствій сказывается великій историческій прогрессъ: ничего подобнаго въ дѣйствіяхъ завоевателей прежнихъ временъ мы не встрѣчаемъ. Замѣтимъ также при этомъ, что кн. Бисмаркъ какъ нельзя лучше теперь доказываетъ несостоятельность мнѣнія тѣхъ отсталыхъ новѣйшихъ патріотовъ-шовинистовъ, которые полагаютъ, что самымъ вѣрнымъ признакомъ могущества государства служитъ полное пренебреженіе въ своихъ дѣйствіяхъ къ общественному мнѣнію Европы!

Въ своемъ отвѣтѣ на германскую ноту, хотя и написанномъ въ миролюбивомъ тонѣ, испанское правительство безусловно отрицаетъ всякую спорность верховныхъ правъ Испаніи на Каролинскіе острова и потому не соглашается на предлагаемый Германіей способъ рѣшенія спора, посредствомъ третейскаго суда дружественной державы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, испанское правительство еще не дало никакого публичнаго удовлетворенія берлинскому двору за оскорбленія его чести и достоинства, кромѣ личныхъ извиненій въ Берлинѣ. Такимъ образомъ, все это дѣло, съ формальной стороны, нисколько не подвинулось къ мирному рѣшенію и до сихъ поръ продолжаетъ

быть, что называется, поставленнымъ на рога.

Однако, вся нравственная обстановка этого столкновенія и въ Берлинѣ, и въ Мадритѣ, равно какъ и расположеніе обоихъ правительствъ вполнѣ позволяютъ надѣяться на мирную развязку. Кромѣ многаго другаго, не позволяющаго Испаніи, безъ крайней необходимости, которой нѣтъ для нея въ настоящемъ случаѣ, ринуться въ войну съ Германіей, на миролюбіе ея правительства не могли не содѣйствовать заявленія, сдѣланныя въ Мадритѣ всѣми другими европейскими державами и лишающія его всякихъ надеждъ не только на союзы, но даже и на сочувствія. Всего значительнѣе было заявленіе Англіи, которая весьма раздражена противъ Испаніи по таможеннымъ съ ней отношеніямъ и отрицаетъ съ 1875 года, заодно съ Германіей, права Испаніи на Каролинскій архипелагъ.

Но когда говорится въ настоящемъ случаѣ объ испанскомъ правительствѣ, то нужно подъ нимъ разумѣть короля Альфонса, который былъ главнымъ и почти единственнымъ лицомъ, рѣшительно дѣйствовавшимъ въ эти трудные для его государства дни. Если успѣхъ увѣнчаетъ его усилія, то ему одному будетъ обязана Испанія не только за благополучный выходъ изъ ея нынѣшнихъ международныхъ затрудненій, но и за спасеніе отъ жестокаго внутренняго кризиса, который снова готовъ былъ надъ ней разразиться. Альфонсъ XII, не смотря на молодость своихъ лѣтъ, выказалъ при этомъ замѣчательный государственный умъ и всѣ дарованія, нужныя для монарха. Покинутый всѣми своими государственными совѣтниками, малодушно испугавшимися народной толпы и козней враждебныхъ имъ политическихъ партій, онъ взялъ все трудное положеніе дѣлъ на свою личную отвѣтственность; онъ нисколько не уступилъ возбужденію страстей, требовавшихъ немедленнаго объявленія войны Германіи, и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявилъ, что онъ скорѣе разстанется съ престоломъ, чѣмъ будетъ содѣйствовать гибели своего отечества, подъ давленіемъ безсознательной вспышки народныхъ чувствъ, которыя были возбуждены политической интригой вожаковъ революціонныхъ партій. Король Альфонсъ съ одинаковой твердостью остановилъ враждебныя Германіи демонстраціи въ Испаніи, какъ онъ выступилъ противъ Германіи за охрану правъ своей страны—на почвѣ дипломатическихъ переговоровъ. Ему содѣйствовалъ своимъ миролюбіемъ берлинскій дворъ; это миролюбіе всего болѣе объясняется особенными внутренними обстоятельствами Испаніи. Столкновеніе съ Германіей было только поводомъ для испанскихъ республиканцевъ, которымъ и тутъ помогали всемірные анархисты, къ возбужденію народныхъ волненій и къ низверженію монархической власти въ Испаніи. Не могли же оказать имъ содѣйствія въ Берлинѣ! Успѣшное до сихъ поръ дѣйствіе Альфонса XII къ избавленію испанскаго народа отъ анархіи и отъ безумной войны должно заставить его оцѣнить блага монархическаго правленія и упрочить власть короля Альфонса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все европейское общество могло еще разъ убѣдиться, въ этомъ случаѣ, въ великомъ значеніи монархической власти, даже и въ конституціонномъ правленіи, и въ благодѣтельности личной воли государя, сознающаго свои права и обязанности.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ международныхъ вопросовъ, вниманіе европейской публики и печати, посреди повсемѣстныхъ парламентскихъ вакацій, было всего болѣе занято избирательною агитаціей во Франціи и въ Англіи. Въ той и другой странѣ ежедневно произносятся рѣчи руководящихъ разными партіями политическихъ людей и разъясняются публикѣ ихъ программы. Отъ результатовъ предстоящихъ выборовъ зависитъ многое во внутреннихъ дѣлахъ обѣихъ странъ, а также и въ международныхъ отношеніяхъ, и въ политической жизни всей Европы. Но выборы еще далеко впереди и избирательная агитація еще только-что началась въ Англіи и во Франціи; въ ней еще не выяснилась окончательная группировка партій, существенная для обоихъ государствъ, изъ которыхъ каждое ожидаетъ рѣшительнаго приговора народнаго голоса въ пользу той или другой будущей своей политики, внутренней и внѣшней. Поэтому теперь было-бы преждe-

временно опредѣлять ожидаемые результаты этихъ выборовъ, тѣмъ болѣе, что мы уже прежде говорили о существующихъ отношеніяхъ партій въ Великобританіи и Франціи. Въ избирательной дѣятельности Англіи было цѣлымъ событіемъ обнародованіе г. Гладстономъ своей политической программы, но мы знаемъ ее пока только по телеграфнымъ извѣстіямъ.

Обращаясь къ внутреннимъ дѣламъ нашего отечества, мы имѣемъ передъ собою также вакаціонный періодъ, въ которомъ пріостанавливается движеніе нашей законодательной и государственной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, наша печать съ большимъ оживленіемъ занималась, въ послѣднее время, многими вопросами нашей общественной жизни. Изъ нихъ болѣе всего предметомъ сужденій былъ такъ называемый «застой промышленности и торговли», собственно фабричной и заводской дѣятельности. Недавно закончившаяся нижегородская ярмарка, которая ежегодно служитъ наивѣрнѣйшимъ термометромъ положенія нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и которая опредѣляетъ ихъ ходъ на ближайшій рабочій періодъ, была всего болѣе поводомъ къ сужденіямъ по этой части. Мы обратимъ вниманіе лишь на общее теченіе этихъ сужденій, только и интересное для публики.

Такъ называемый «промышленный застой» иными весьма выдающимися органами нашей печати и даже общественныхъ собраній (главнѣйше нѣкоторыми первенствующими и уважаемыми представителями купечества московскаго и всероссійскаго, торгующаго на нижегородской ярмаркѣ) выставляется въ такомъ мрачномъ видѣ, что, слушая эти рѣчи, можно-бы подумать, что мы живемъ посреди самаго остраго всеобщаго экономическаго кризиса въ Россіи. Впрочемъ, такъ прямо объ этомъ и говорится въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и статьяхъ.

Нисколько не отвергая нѣкотораго замедленія и сокращенія сбытовъ по многимъ отраслямъ нашего промышленнаго производства въ послѣдніе два-три года, въ сравненіи съ предыдущими годами, и не отвергая происшедшихъ отсюда затрудненій для производителей, мы прежде всего замѣтимъ, что они до крайности преувеличиваются; во всякомъ случаѣ, не можетъ быть пока и рѣчи о всеобщемъ гибельномъ кризисѣ, претерпѣваемомъ нашею промышленностью. Этому противорѣчатъ положительные факты, отчасти уже и указанные въ печати. При недостовѣрности нашихъ статистическихъ свѣдѣній, упомянемъ объ одной группѣ данныхъ, совершенно точныхъ и всего болѣе свидѣтельствующихъ о ходѣ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ. Пассажирское и товарное движеніе на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ (за ничтожными изъятіями, объяснимыми исключительными обстоятельствами нѣкоторыхъ линій) постоянно возрастало въ послѣдніе годы, и въ нынѣшнемъ году не только не уменьшилось, а даже нѣсколько увеличилось, въ сравненіи съ прошедшимъ годомъ. Это было-бы немыслимо,—въ особенности при сокращеніи главнаго нашего заграничнаго отпуска, хлѣбнаго,—если-бы промышленное производство (фабричное и заводское) было поражено кризисомъ. Затѣмъ, хотя мы и не имѣемъ для этого цифровыхъ данныхъ, производство въ главныхъ нашихъ промышленныхъ мѣстностяхъ (какъ, напримѣръ, во всей Московской области) и во всѣхъ значительнѣйшихъ нашихъ заведеніяхъ нисколько не сократилось ни въ послѣдніе годы, ни въ нынѣшнемъ году. Это можно утверждать на основаніи свѣдѣній всѣхъ знающихъ людей въ этихъ мѣстностяхъ. Наконецъ, послѣдняя нижегородская ярмарка разыгралась совсѣмъ не такъ дурно, какъ это предсказывалось; она, по свѣдѣніямъ незаинтересованныхъ лицъ, была вообще средняя, а по другимъ—даже выше средней. Затрудненія въ сбытѣ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ, ежегодно случающіяся у Макарія — совсѣмъ другой вопросъ.

Публиковавшіяся въ газетахъ извѣстія стороннихъ посѣтителей ярмарки объ ея благополучномъ ходѣ встрѣтили раздраженные протесты въ промышленномъ мірѣ, видные представители котораго описывали ее черными красками. Не можемъ, между прочимъ, не замѣтить, что мы не помнимъ

ни одного макарьевскаго торжища, даже при самомъ блистательномъ его розыгрышѣ (какъ напр. въ 1879 и 1880 гг.), на которомъ бы торгующіе люди не жаловались на плохой ходъ дѣлъ. Такова уже общая слишкомъ извѣстная привычка русской коммерческой среды. Она имѣетъ много причинъ, и въ особенности одну, которая всего сильнѣе дѣйствуетъ въ настоящее время. Всего любопытнѣе причины, которыми представители торговаго міра и многіе органы нашей печати объясняютъ безотрадное, по ихъ отзывамъ, положеніе нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ. Всѣ эти причины сводятся къ одной, которая и даетъ ключъ къ уразумѣнію всего этого движенія, сдѣлавшагося чрезвычайно шумливымъ въ послѣднее время. Всѣ горькія жалобы торговаго міра сводятся къ одной — на недостатокъ содѣйствія и покровительства промышленности и торговлѣ со стороны правительства. Требуются отъ него прямыя мѣры помощи чуть-чуть не каждому промышленному предпріятію; оно осуждается за равнодушіе къ промышленнымъ и торговымъ интересамъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Буквально говорится въ нѣкоторыхъ газетахъ, что нѣтъ страны въ Европѣ, въ которой бы не дѣлалось правительствомъ такъ мало для промышленности, какъ въ Россіи.

Между тѣмъ, каждому, сколько-нибудь знакомому съ ходомъ промышленной политики въ другихъ государствахъ, должно бы быть извѣстно, что даже въ нынѣшнюю эпоху усилившагося въ Западной Европѣ таможеннаго протекціонизма и вмѣшательства законодательства въ промышленныя дѣла, нигдѣ правительство не оказываетъ столько прямыхъ и косвенныхъ воспособленій промышленности и лично ея дѣятелямъ, какъ у насъ. При этомъ новѣйшее вмѣшательство западно-европейскихъ правительствъ въ народное хозяйство направлено, преимущественно, къ охранѣ интересовъ рабочаго класса и улучшенію его быта. Все это направленіе пришлось бы всего менѣе по вкусу нашимъ производителямъ и капиталистамъ. Весьма примѣчательно, что жалобы на недостатокъ содѣйствія правительства стали особенно громки и рѣзки именно въ то время, когда у насъ всего болѣе принимается всякаго рода мѣръ покровительства и помощи промышленности и торговлѣ и когда голосъ ихъ крупныхъ дѣятелей всего болѣе уважается государственнымъ управленіемъ (не говоря даже о возвышеніяхъ таможеннаго тарифа).

Весьма любопытною иллюстраціей ко всему нами сказанному служитъ слѣдующій фактъ. Какъ на доказательство жестокаго промышленнаго кризиса и недостатка правительственнаго содѣйствія промышленности, указывалось, между прочимъ, на недавнюю несостоятельность одного обширнаго (едва-ли не самаго обширнаго у насъ) промышленнаго предпріятія. Между тѣмъ, во-первыхъ, всѣ знакомые съ этимъ слишкомъ извѣстнымъ у насъ предпріятіемъ хорошо знаютъ, что оно давно отличалось самыми грубыми пороками по коммерческой части и самыми фантастическими планами, давно заставлявшими всѣхъ знающихъ людей ожидать его гибели; въ этомъ были виноваты только противукоммерческія крайнія увлеченія его владѣльца, хотя и въ высшей степени благородныя (на пользу рабочаго класса). Это открыто признаютъ сами заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица. Во-вторыхъ, какъ нарочно, это предпріятіе всего болѣе пользовалось прямыми денежными воспособленіями отъ государственной казны, которыя только и позволяли ему тянуть нѣсколько лѣтъ свои печальные въ промышленномъ и коммерческомъ отношеніи дни. Наконецъ, это предпріятіе, для спасенія его многотысячнаго рабочаго люда, было взято теперь въ непосредственное казенное управленіе, что, конечно, всего менѣе доказываетъ безучастіе администраціи къ промышленности.

Неужели возможны такія правительственныя мѣры по народному хозяйству, которыя бы уберегли каждое промышленное предпріятіе отъ гибельныхъ послѣдствій всякихъ пороковъ, заблужденій, ошибокъ, неумѣлости его хозяина и управленія? А у насъ эти пороки, заблужденія, ошибки, неумѣлость встрѣчаются въ промышленномъ мірѣ на всякомъ шагу. Позволитель-

но даже думать, вникая въ исторію нашей промышленности, что всѣ эти ея недостатки значительно вскормлены постоянною надеждою ея дѣятелей на промышленную помощь и закоренѣлою ихъ наклонностью винить во всѣхъ своихъ неудачахъ прежде всего не самихъ себя, а окружающія обстоятельства, неблагопріятныя условія промышленнаго дѣла въ Россіи и болѣе всего правительство. Въ противуположность тому мнѣнію, которое господствуетъ между самыми видными представителями нашей промышленности или, покрайней мѣрѣ, гласно заявляется ими, и также въ нѣкоторой части нашей печати, слѣдуетъ думать, что нашъ промышленный міръ всего болѣе страдаетъ недостаткомъ чувства личной промышленной отвѣтственности за свои дѣла и привычкой ходить на помочахъ. Отсюда и недостатокъ самостоятельности, предпріимчивости, энергіи и непрерывныя разочарованія въ нашей промышленной дѣятельности. Говоря это, мы нисколько не намѣрены защищать отжившую и, впрочемъ, никогда и нигдѣ непримѣнявшуюся доктрину безусловнаго невмѣшательства закона и администраціи въ народное хозяйство.

Органы печати, всего болѣе говорящіе о бѣдствіяхъ промышленнаго застоя, указываютъ на него, какъ на послѣдствіе періода промышленной политики прошедшаго царствованія, которая будто-бы руководилась идеалами совершеннаго невмѣшательства въ промышленныя дѣла. Если этотъ періодъ отличается нѣкоторыми правительственными мѣрами въ направленіи къ свободѣ промышленности и свободѣ труда, то результатомъ его было никогда не бывалое у насъ возрастаніе промышленности и ея техническихъ успѣховъ, засвидѣтельствованное передъ всѣмъ свѣтомъ на художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ. Совсѣмъ напротивъ, самыя горькія жалобы на затрудненія промышленности и торговли начались у насъ послѣ того, какъ наша промышленная политика въ концѣ 70-хъ годовъ получила обратный ходъ, и эти жалобы стали прогрессивно, каждый день, возрастать съ развитіемъ правительственныхъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Въ заключеніе скажемъ, что наиболѣе чувствительныя промышленныя затрудненія объясняются промышленнымъ возбужденіемъ и увлеченіями спекуляціи, всегда сопутствующими первому періоду усиленнаго таможеннаго покровительства. Это возбужденіе увеличиваетъ производство сверхъ потребностей рынковъ, ожесточаетъ конкуренцію и приводитъ къ реакціи въ промышленной дѣятельности. Тѣ, которые не хотятъ примириться съ этою реакціей и съ сократившимися барышами по своимъ предпріятіямъ, терпятъ неизбѣжныя затрудненія и въ особенности разочарованія. Но, несомнѣнно, существуетъ и много другихъ причинъ замѣшательствъ въ нашихъ промышленныхъ дѣлахъ, къ которымъ мы еще неразъ вернемся.

В. Б.

XI

25-го сентября.

Болгарскій вопросъ и Балканскій полуостровъ.—Необычайное общее политическое спокойствіе.—Темнота и загадочность политическаго положенія.—Невѣдѣніе дипломатіи.—Иностранная и русская печать о болгарскомъ переворотѣ.—Наши разочарованія и наши дѣйствительные интересы на Балканскомъ полуостровѣ.—Настоящее на немъ положеніе дѣлъ.—Важнѣйшіе другіе факты въ политической жизни Европы.

Еще болѣе неожиданно, чѣмъ самый переворотъ въ Болгаріи, было то изумительное явленіе, что, не смотря на истекшее съ тѣхъ поръ время (почти три недѣли), за нимъ не послѣдовало ни малѣйшаго движенія въ другихъ странахъ Балканскаго полуострова, гдѣ продолжаютъ господствовать миръ и тишина, которые рѣдко тамъ бываютъ даже и при нормальныхъ обстоятельствахъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, масса горючаго матерьяла, накопившаяся во всѣхъ краяхъ Балканскаго полуострова, въ размѣрахъ даже болѣе значительныхъ, чѣмъ когда-либо,—стремленія христіанскихъ народовъ къ независимости отъ Турецкой имперіи, племенные раздоры между ними, честолюбивые замыслы каждаго государства къ расширенію своей территоріи и къ первенству, внутреннія распри и интриги политическихъ партій и политикановъ въ каждой странѣ, пропаганда всемірныхъ революціонеровъ и анархистовъ, религіозные раздоры между христіанскими вѣроисповѣданіями, почти повсемѣстные дикіе народные нравы, мало улучшившіеся подъ вліяніемъ новѣйшей политической жизни и борьбы парламентскихъ партій, а скорѣе только взбаламученные ими,—вся эта масса горючаго матерьяла, и стараго и новаго, для всякихъ насильственныхъ столкновеній—ни малѣйшимъ образомъ не разгорѣлась отъ брошеннаго въ нее огня. Филиппопольскій переворотъ также внезапно остановился, какъ онъ внезапно сдѣлался извѣстнымъ міру, и какъ-будто оцѣпенѣлъ въ самомъ своемъ зачатіи. Въ то время какъ многоопытными дипломатами ожидался отъ малѣйшей искры быстрый разливъ такъ называемаго пожара на всемъ юго-востокѣ Европы, тутъ цѣлая куча пущеннаго огня, самое произвольное и самое дерзкое нарушеніе маленькимъ государствомъ и еще болѣе маленькимъ его державцемъ, лишеннымъ опоры даже естественныхъ своихъ покровителей, не возбуждаетъ никакихъ безпорядковъ ни вблизи, между сосѣдними народами, всегда готовыми къ волненіямъ, возстаніямъ и войнамъ, ни между европейскими государствами, которыя еще такъ недавно готовы были вступить въ ожесточенную между собою борьбу за ненарушимость установленнаго ими порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ и за неприкосновенность правъ Блистательной Порты.

Во всей Европѣ продолжаетъ царить политическое затишье, нарушаемое только жужжаніемъ газетъ, какъ-будто ничего не случилось въ Филиппополѣ; всѣ государи и государственные люди нисколько не прерываютъ своихъ вакаціонныхъ пребываній и путешествій, и даже диплома-

тическіе агенты, призванные къ своимъ постамъ, весьма медлятъ къ нимъ прибыть. Сама Болгарія живетъ подъ благословеніями внутренняго мира, какого она даже не знала до переворота; ея князь, провозгласивъ себя государемъ подвластной Портѣ провинціи, торжественно заявляетъ султану свое дружеское расположеніе и полную готовность жить съ нимъ въ мирѣ! Самъ турецкій султанъ также, кажется, мало смущенъ; отказавшись отъ своего права на возстановленіе оружіемъ законнаго порядка въ Румеліи, онъ смѣнилъ своихъ министровъ, выказавшихъ нѣкоторое къ тому рвеніе, и ограничился мирнымъ протестомъ, обращеннымъ къ великимъ державамъ. Исключеніе изъ всей этой тишины составляютъ только развѣ мобилизація войскъ во всѣхъ государствахъ Балканскаго полуострова и передвиженіе ихъ къ границамъ, происходящее впрочемъ въ самомъ стройномъ порядкѣ. И все это повсемѣстное спокойствіе послѣ событія, угрожавшаго глубокими политическими потрясеніями, предотвратить которое казалось возможнымъ только посредствомъ самыхъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ со стороны великихъ европейскихъ державъ, господствуетъ не только при полномъ отсутствіи всякихъ такихъ мѣръ, когда даже единственная придуманная державами мѣра самаго невиннаго свойства—предварительное совѣщаніе пословъ въ Константинополѣ—никакъ не можетъ быть приведена въ исполненіе, за неприбытіемъ главныхъ изъ нихъ. Можетъ казаться, что какъ-будто во всемъ политическомъ мірѣ озабочена дѣлами Балканскаго полуострова лишь одна печать, и та только за неимѣніемъ никакой другой матеріи для впечатлительныхъ статей.

Что означаютъ всѣ эти необычайныя политическія явленія? Это затишье не есть ли предвѣстникъ великой бури? Безъ всякой метафоры, не объясняется ли этотъ мирный интервалъ, наставшій вслѣдъ за раскатомъ грома въ Филиппополѣ, приготовленіемъ всѣхъ великихъ и малыхъ державъ къ окончательному рѣшенію роковаго восточнаго вопроса? Или-же, совсѣмъ напротивъ, не есть-ли это признакъ всеобщаго нерасположенія приступить къ этому рѣшенію, когда новый эпизодъ въ этомъ вопросѣ засталъ всѣхъ врасплохъ и съ неготовыми силами? Не есть-ли это мирное теченіе дѣлъ свидѣтельство историческаго прогресса въ международныхъ отношеніяхъ образованнаго міра, созрѣвшихъ въ нихъ элементовъ правомѣрности и отвращенія отъ рѣшенія международныхъ вопросовъ посредствомъ оружія? Не есть-ли это, наконецъ, послѣдствіе единодушія великихъ европейскихъ державъ, съ которымъ въ первый разъ встрѣчаются замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ?

Но весьма основательныя сомнѣнія не допускаютъ положительныхъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы. То обстоятельство, что болгарскій переворотъ засталъ врасплохъ европейскія правительства, можетъ быть именно причиною къ тому, чтобъ нѣкоторыя изъ нихъ, и можетъ быть тѣ, для которыхъ онъ былъ не совсѣмъ сюрпризомъ, попытали счастья рѣшить восточный вопросъ или часть его въ свою пользу. Каковы-бы ни были успѣхи въ развитіи элементовъ мира и справедливости въ европейской международной жизни, трудно думать, чтобы они до того созрѣли, что капитальнѣйшіе международные вопросы всемірной исторіи, связанные съ первостепенными противоположными интересами государствъ, не только съ ихъ достоинствомъ, и связанные ктому-же съ неразрѣшимыми никакимъ правомъ и никакимъ международнымъ судомъ, непреложными, стихійными нравственными тяготѣніями племенъ, съ ихъ племенными инстинктами, симпатіями и антипатіями, каковъ вопросъ восточный,—что такіе вопросы могутъ уже теперь рѣшаться посредствомъ мирной бесѣды за зеленымъ столомъ дипломатовъ. Что-же касается до единодушія великихъ европейскихъ державъ, то оно подвержено наибольшимъ сомнѣніямъ; въ этомъ новѣйшемъ возстановленіи европейскаго концерта никто серьезно, въ лучшемъ случаѣ, не усматривалъ ничего другаго, кромѣ всеобщаго расположенія правительствъ къ миру, или ихъ добраго желанія согласія на ближайшее время, хотя даже и въ этомъ могутъ быть исключенія, каковы напр. желанія великобританскаго правительства, при

управленіи торіевъ. Далѣе, напр., какое можетъ быть по отношенію къ Балканскому полуострову единодушіе, даже и сегодня, не только завтра, между Австро-Венгріей и Россіей, между восточною церковью и ультрамонтанскою, усиленно наступающею на всѣ православныя славянскія народности? Единодушіе Европы, о которомъ однако-же настойчиво твердятъ всѣ офиціозныя газеты, не можетъ быть, въ лучшемъ случаѣ, если оно сколько-нибудь искренно, по самому простому здравому смыслу, ничѣмъ инымъ, кромѣ наивнаго самообольщенія, которымъ не могутъ-же быть заражены всѣ дѣйствующіе государственные люди и которое могло-бы повесть, хуже всякаго открытаго спора, къ прискорбнѣйшимъ политическимъ недоразумѣніямъ и замѣшательствамъ. Нельзя-ли однако предположить возможность единодушія Европы, хотя-бы въ томъ, чтобъ остановить всякое дальнѣйшее развитіе восточнаго вопроса и удержать во что бы то ни было status quo на Балканскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ или безъ исключенія возсоединенія Болгаріи? Но и это предположеніе мало правдоподобно и еще менѣе осуществимо, при нынѣшнемъ положеніи вещей.

Въ ожиданіи отъ ближайшаго времени разъясненій темноты, окружающей это положеніе и чрезвычайно сгустившейся въ послѣдніе дни вслѣдствіе препятствій, которыя встрѣчаются всюду, не только въ Австріи, но даже въ Англіи, къ сообщенію свѣдѣній (корреспонденцій и телеграммъ), и которыя налагаютъ на восточныя дѣла какой-то покровъ загадочной таинственности, мы должны ограничиться сужденіями о томъ немногомъ, что положительно извѣстно. Впрочемъ, и это немногое заключаетъ въ себѣ столько новаго и любопытнаго, что доставляетъ обильный матерьялъ для многихъ размышленій надъ современною политическою жизнью. Всѣхъ этихъ размышленій мы можемъ здѣсь только бѣгло коснуться, насколько это необходимо, чтобъ получить какія-нибудь указанія относительно будущаго—по предмету, затрогивающему самые коренные тысячелѣтніе вопросы нашей исторической жизни, на которыхъ, можно сказать, сосредоточено все наше международное и также внутреннее государственное бытіе. Удержаться отъ размышленій по этому предмету, въ минуту подобную нынѣшней, не можетъ никакой русскій человѣкъ, какими бы сокровенными тайнами дипломатіи ни было для него закрыто истинное положеніе дѣлъ.

Прежде всего непосвященная публика была поражена въ болгарскомъ переворотѣ невѣдѣніемъ дипломатіи. Хотя слишкомъ не ново, что дипломаты всего свѣта, за исключеніемъ великобританскихъ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ германскихъ, всегда витаютъ надъ поверхностью общества въ странѣ, гдѣ они аккредитованы, вращаются исключительно въ столичныхъ салонахъ и между самыми пустыми свѣтскими людьми, не имѣя никакого понятія о томъ, что происходитъ въ странѣ, и даже нисколько этимъ не интересуясь,—но, въ настоящемъ случаѣ, это невѣжество достигло самыхъ колоссальныхъ, неслыханныхъ размѣровъ. Всѣ усилія дипломатовъ, какъ объ этомъ можно судить по офиціознымъ газетамъ, были направлены вслѣдъ за болгарскою революціей только къ тому, чтобы удостовѣрить публику, чистосердечнѣйшимъ образомъ, что они ничего не знали и ничего не предполагали. Между тѣмъ, какъ теперь совершенно ясно изъ публикуемыхъ газетныхъ извѣстій и какъ это стало очевидно изъ хода филиппопольскаго переворота, онъ былъ подготовленъ давно; для него почти съ начала нынѣшняго года дѣятельно работала не только кучка людей, сплотившаяся въ Софіи и Филиппополѣ около гг. Каравелова, Странскаго и другихъ, но давно работали и ихъ агенты и организованные ими комитеты по всей Румеліи. Особеннымъ осужденіямъ подверглись со стороны германскихъ газетъ многочисленные австрійскіе дипломатическіе агенты. Турецкій султанъ, которому наканунѣ филиппопольскаго взрыва румелійскій генералъ-губернаторъ доносилъ, что въ Румеліи все обстоитъ благополучно, показалъ примѣръ расправы съ своими государственными слугами, уволивъ всѣхъ министровъ, между прочимъ за то, что они ничего не знали.

Уже не разъ вездѣ подымался вопросъ

о совершенномъ излишествѣ дипломатическаго корпуса, т. е. постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ, при нынѣшнихъ способахъ и путяхъ сообщеній, позволяющихъ быстро снаряжать во всѣ концы свѣта чрезвычайныхъ и полномочныхъ пословъ, и при нынѣшней гласности, посылающей въ газеты извѣстія болѣе скорыя и болѣе достовѣрныя, чѣмъ всякія дипломатическія. Но, сверхъ сообщеній о совершившихся фактахъ, дипломатическіе агенты предназначены болѣе всего къ наблюденіямъ надъ окружающею ихъ, не салонною, а дѣйствительною и государственною жизнью, къ наблюденіямъ, долженствующимъ освѣщать пути для политики ихъ государствъ, если сами дипломаты, за немногими исключеніями, уже давно признаны неспособными ею руководить. Грубое дипломатическое невѣдѣніе, рѣзко изобличенное событіями въ Болгаріи, можетъ привести, если не всѣ, то многія европейскія правительства, въ полное уныніе относительно благонадежности тѣхъ пособій, на которыя они могутъ разсчитывать со стороны своихъ дипломатическихъ агентовъ для своей политики и въ будущемъ, и даже въ настоящемъ.

Но гораздо болѣе этого новы и несравненно болѣе существенны въ положеніи дѣлъ, созданномъ болгарскими событіями, направленія, появившіяся въ обсужденіи ихъ въ западно-европейской и русской печати. Тутъ уже совершенный переворотъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было немного лѣтъ тому назадъ, не только передъ послѣднею войною, но и послѣ нея,—даже весьма недавно. За немногими исключеніями, не заслуживающими вниманія, печать во всѣхъ иностранныхъ государствахъ отнеслась, въ общей сложности, болѣе или менѣе сочувственно къ возсоединенію Болгаріи и весьма равнодушно къ нарушенію берлинскаго трактата въ самомъ важномъ его пунктѣ; всѣ главныя европейскія газеты указываютъ на недостатки этого трактата, который еще недавно порицался только въ Россіи, и на естественную необходимость ихъ исправленія. Вездѣ высказываются въ Западной Европѣ, не исключая и Австріи, горячія сочувствія къ національнымъ стремленіямъ славянскаго міра и презрѣніе къ владычеству турокъ въ Европѣ. Всего болѣе теплаго участія къ своей независимости находятъ болгары и всѣ христіанскіе народы Балканскаго полуострова у Англіи, недавняго главнаго врага ихъ и главнаго охранителя неприкосновенности Оттоманской имперіи. Даже само торійское правительство Великобританіи, не смотря на то, что берлинскій трактатъ считался торійскою партіей искусственнымъ созданіемъ гр. Биконсфильда, отнеслось такъ радушно къ филиппопольскому перевороту, что многіе заподозриваютъ его даже въ прямомъ сообщничествѣ съ дѣйствующими лицами въ Болгаріи.

Въ то-же время нигдѣ въ Европѣ возсоединеніе Болгаріи, провозглашенное въ Филиппополѣ и затѣмъ въ Софіи, не было встрѣчено съ такимъ равнодушіемъ, холодностью, даже съ худшими чувствами, чѣмъ въ русской печати и даже въ самомъ русскомъ обществѣ. Если наши газеты далеко не могутъ быть признаваемы органами нашего общественнаго мнѣнія, то все-таки заслуживаетъ вниманія, что иныя изъ нихъ, и даже весьма видныя, даже тѣ, которыя недавно были пламенными приверженцами объединенія южныхъ славянскихъ племенъ и опозоривали обвиненіемъ подкупа каждаго иностраннаго публициста за малѣйшее доброе слово о туркахъ,—заговорили прямо враждебно о возсоединеніи Болгаріи, всячески убѣждаютъ публику въ томъ, что болгары Румеліи несравненно болѣе благоденствовали подъ властью Порты, нежели они могутъ на то надѣяться подъ болгарскимъ правленіемъ, доказываютъ необходимость энергическаго выступленія Россіи за неприкосновенность берлинскаго трактата и, даже въ случаѣ нужды, необходимость водворенія въ Румеліи прежняго порядка турецкимъ оружіемъ! Давно-ли было у насъ время, когда не только такія сужденія, о которыхъ не могло быть и помину въ нашей печати и которыя были бы побиты камнями, но даже просто хладнокровные разговоры о славянахъ и туркахъ были обзываемы измѣнническими? Такой крутой поворотъ въ нашей печати и какъ

будто даже въ самомъ образованномъ нашемъ обществѣ, въ которомъ появленіе такихъ газетныхъ статей было весьма недавно совершенно невозможно, производитъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ—и имъ заняты всѣ газеты не менѣе, чѣмъ дѣйствіями князя Александра болгарскаго и его сподвижниковъ.

Чѣмъ объяснить этотъ поворотъ въ «интеллигентномъ» русскомъ обществѣ? Шаткостью и измѣнчивостью политическихъ мнѣній или, напротивъ, ихъ отрезвленіемъ и созрѣваніемъ нашего политическаго воспитанія? Позволяемъ себѣ думать, что и тѣмъ и другимъ и, сверхъ всего, главнѣйше—измѣнившимся сравнительно съ прежними пылкими ожиданіями нашего общества ходомъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Слишкомъ извѣстны быстрыя и стадообразныя увлеченія нашей публики по поводу всякой брошенной въ нее новой идеи, распаленіе этой идеей до послѣднихъ крайностей, не допускающихъ никакого разсужденія, и столь-же быстрое потомъ охлажденіе до полнаго забвенія вчерашнихъ идоловъ поклоненія. Эта печальная психическая черта нашего образованнаго общества имѣла свое значеніе и въ настоящемъ случаѣ, хотя идея нашего братства съ славянскими племенами не можетъ казаться новою для живущаго поколѣнія. Но охлажденіе нашего общества, въ настоящемъ случаѣ, гораздо болѣе извинительно, чѣмъ во многихъ другихъ ему подобныхъ, такъ какъ новѣйшій дѣйствительный ходъ дѣлъ въ христіанскихъ и славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова и въ особенности въ созданномъ нами княжествѣ Болгарскомъ былъ горькимъ урокомъ за наши увлеченія и заставилъ насъ сознать ихъ. Всѣми плодами нашихъ побѣдъ и доблестей, героическаго самоотверженія нашихъ войскъ—воспользовалась только Австрія, господство которой не въ одной Босніи и Герцеговинѣ, но также надъ самымъ многочисленнымъ южнымъ славянскимъ племенемъ—сербскимъ — ежегодно возрастало. А отъ насъ отвертывались все болѣе и болѣе южные славяне, за исключеніемъ Черногоріи, и отвернулись даже княжество Болгарское и его правительство, обязанныя Россіи своимъ существованіемъ,—если не отвернулась масса болгарскаго народа, которая впрочемъ, какъ всякая народная масса, повинуется до времени своему правительству и правящимъ ею людямъ. Нѣтъ надобности говорить здѣсь обо всѣхъ оскорбленіяхъ, испытанныхъ русскими въ офиціозной Болгаріи; они могли проходить мало-замѣченными нашей публикой только потому, что послѣ войны она обратилась къ другимъ дѣламъ. Но послѣдній филиппопольскій переворотъ былъ слишкомъ впечатлителенъ для нашей публики: не смотря на то, что русскій генералъ находился въ должности военнаго министра Болгарскаго княжества и множество русскихъ офицеровъ было на службѣ въ его войскѣ, этотъ переворотъ былъ произведенъ помимо Россіи, вопреки ея совѣтамъ и указаніямъ и можетъ быть даже на зло ей, по наущенію враждебныхъ ей иноземныхъ партій.

Таковы послѣднія впечатлѣнія, сильно дѣйствующія въ нашемъ обществѣ или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его кружкахъ, которыхъ чувства отразились и въ печати.

Но какъ-бы ни были тяжки для русскаго сердца всѣ эти впечатлѣнія и какъбы ни были справедливы русскія чувства, изъ нихъ возникающія, руководствоваться впечатлѣніями и чувствами въ дѣлѣ политики непозволительно; это значило-бы, хотя-бы и въ противоположномъ направленіи, продолжать ту сантиментальную политику, которую мы такъ много лѣтъ ведемъ на Балканскомъ полуостровѣ, которой мы всего олѣе обязаны всѣми нашими политическими ошибками и неудачами и которой давно пора положить конецъ. Новѣйшій переворотъ въ Болгаріи можетъ быть въ этомъ отношеніи въ высшей степени для насъ благодѣтеленъ, содѣйствуя нашему политическому самосознанію и освобождая нашу политику отъ необдуманныхъ дѣйствій подъ вліяніемъ непосредственныхъ и мгновенныхъ впечатлѣній и чувствъ, хотя-бы и самыхъ возвышенныхъ, но пагубныхъ для интересовъ нашего государ-

ства и народа. Нужно на это надѣяться, если наши печальные опыты послѣднихъ лѣтъ въ славянскомъ мірѣ были еще недостаточно вразумительны для нашего самосознанія. Во всякомъ случаѣ, филиппопольскій переворотъ и самопроизвольныя дѣйствія болгарскаго князя освободили Россію отъ того тягостнаго положенія, преисполненнаго всякихъ противорѣчій и недоумѣній, отъ положенія невозможнаго, въ какомъ находились къ Болгаріи Россія и ея представители, вынужденные содѣйствовать правительству, захваченному въ свои руки людьми отъявленно намъ враждебными.

Нисколько не сочувствуя тѣмъ крайностямъ, о которыхъ мы упомянули выше, въ происшедшемъ поворотѣ сужденій нашей печати о дѣлахъ Балканскаго полуострова,—крайностей, безъ которыхъ никогда не могутъ обойтись наши газеты,—нельзя не найти даже въ этихъ крайностяхъ признаковъ появившагося у насъ сознанія необходимости разстаться со старою русскою политикою и относительно этой части Европы и всего славянскаго міра, и начать новую политику — не чувствъ, а реальныхъ интересовъ России. Только такая политика, какихъ-бы она ни стоила жертвъ, позволительна для историческаго народа и благоустроеннаго государства, только она одна можетъ быть твердою и чуждою всякихъ колебаній, и главное — только она одна можетъ напередъ опредѣлить точныя государственныя задачи, средства къ ихъ разрѣшенію и систематическое подготовленіе этихъ средствъ. Всего этого недоставало всѣмъ прежнимъ начинаніямъ Россіи на Балканскомъ, полуостровѣ и отсюда—вся напрасно пролитая кровь и всѣ напрасно потраченныя величайшія въ мірѣ доблести русскаго солдата. Эта новая политика русскихъ интересовъ, — разумѣя подъ ними не одни матерьяльные, а также и нравственные интересы, — тѣмъ болѣе легка для насъ, что она совершенно согласна съ интересами всѣхъ славянскихъ и христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова и съ разумными интересами всей остальной Европы,—хотя-бы и была противна честолюбивымъ вожделѣніямъ разныхъ политическихъ партій. Но каково-бы ни было согласіе нашихъ интересовъ съ интересами другихъ славянскихъ народовъ, все-таки первые, а не вторые должны руководить нашею политикой, — и въ этомъ едва-ли не весь вопросъ, чтобы освободиться отъ всякихъ недоумѣній, противорѣчій и путаницы, въ какія мы не разъ попадали.

Въ общихъ чертахъ, нетрудно опредѣлить интересы Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; ихъ только два—и они вполнѣ ясны. Мы ихъ помѣтимъ только очень бѣгло. Во-первыхъ, Россіи нужна государственная независимость единокровныхъ и единовѣрныхъ ей народовъ; только съ этою независимостью наше отечество перестанетъ быть изолированнымъ въ европейскомъ историческомъ и политическомъ мірѣ и пріобрѣтетъ для себя самобытныя дружественныя международныя отношенія въ группѣ славянскихъ и православныхъ націй, какія имѣютъ всѣ западно-европейскія государства въ группахъ родственныхъ имъ по крови или по вѣрѣ народовъ. Политическая автономія народовъ Балканскаго полуострова, какъ и всего славянскаго міра, нужна Россіи не только въ чисто-политическомъ отношеніи, но также и въ культурномъ, для всемірно-историческихъ успѣховъ славянской цивилизаціи и въ томъ числѣ нашей собственной.

Первенствующій, руководящій органъ не только англійской, но и всей европейской печати—объясняетъ новѣйшій поворотъ въ чувствахъ Западной Европы относительно славянскихъ народовъ тѣмъ, что политическая независимость Болгаріи доказала ошибочность прежняго мнѣнія, что независимые отъ Турціи народы будутъ подчиняться Россіи; что, напротивъ-де, независимая Болгарія стала враждебною къ Россіи, приблизилась къ Западной Европѣ и подпала ея вліяніямъ. Но тутъ большое недоразумѣніе. Странныя и враждебныя къ Россіи явленія въ Болгаріи, — въ Болгаріи впрочемъ офиціозной, а не народной, — отчасти созданы нами самими, порядками нами тамъ заведенными и нашими насаж-

деніями, начиная съ искусственной конституціи, спутавшей всю историческую жизнь болгарскаго народа. Затѣмъ, наше прямое вмѣшательство въ болгарскія дѣла и ктому-же дѣятельность многихъ неумѣлыхъ исполнителей этого вмѣшательства поставили Россію въ совершенно смутныя отношенія къ Болгаріи, которыхъ никто въ точности опредѣлить не могъ и которыя только производили раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. Русскій протекторатъ надъ славянскими народами, въ томъ или другомъ болѣе или менѣе удачный для ихъ преуспѣянія, опять имѣетъ въ виду преимущественно не интересы Россіи, а этихъ народовъ. Наконецъ, и Болгарія, вмѣстѣ со всѣми христіанскими государствами Балканскаго полуострова, и весь онъ подпали нынѣ подъ новое господство, едва-ли не горшее для ихъ политической и нравственной независимости, чѣмъ турецкое иго,— подъ господство Австріи.

Государственная власть Австріи прочно водворилась въ Босніи и Герцеговинѣ, и опираясь на этотъ политическій и стратегическій базисъ—она, совокупно съ латинскою церковью, распространяетъ свое вліяніе на весь Балканскій полуостровъ, вліяніе и политическое и культурное, прямо враждебное Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ противное не только нравственной, но и политической самостоятельности славянскихъ и православныхъ народовъ. Однако, каковъ-бы ни былъ натискъ ультрамонтанской пропаганды и обаяніе, которымъ умѣютъ окружать себя агенты латинской церкви, и въ особенности соблазны австрійской или, вѣрнѣе, вѣнской культуры,—должно надѣяться, что славянскія племена будутъ рано или поздно тяготѣть къ Россіи, если только они будутъ дѣйствительно политически - независимы и Россія будетъ преуспѣвать на путяхъ просвѣщенія.

Другой еще болѣе ясный и еще болѣе практическій интересъ Россіи — это проливы или воды, соединяющія Черное море съ Средиземнымъ. Свободный выходъ въ океаны и возможность охранить отъ иноземнаго нашествія свои южныя границы, которыя сдѣлались теперь стратегическимъ базисомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій въ Азіи, есть, безъ сомнѣнія, капитальнѣйшій государственный интересъ Россіи. Нынѣшнее наше положеніе относительно этихъ водъ или Босфора сколько-нибудь терпимо, только пока онѣ въ рукахъ турокъ. Какъ-только приблизится къ своему рѣшенію судьба ихъ государства въ Европѣ, т. е. восточный вопросъ во всей своей полнотѣ, то наименьшимъ удовлетвореніемъ этого насущнѣйшаго интереса Россіи можетъ быть только то, чтобы эти воды были для всѣхъ свободны. Лучшимъ удовлетвореніемъ этого интереса можетъ быть только полное обладаніе Россіи проливами, въ особенности если на Балканскомъ полуостровѣ утвердится какая-либо великая держава. Полная принадлежность проливовъ кому бы то ни было никоимъ образомъ не можетъ быть допущена Россіей, хотя-бы ей пришлось вести за это борьбу на жизнь и смерть.

Подчинивши все прочее указаннымъ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи на юго-востокѣ Европы, она можетъ опредѣлить свой путь постреди всей путаницы чужихъ интересовъ, которая уже началась на Балканскомъ полуостровѣ и которая можетъ чрезвычайно возрасти съ невѣдомымъ будущимъ развитіемъ событій. Имѣя въ виду только наши народные интересы, мы будемъ всегда знать куда идти и легко можемъ стать выше всякихъ мелкихъ личныхъ интересовъ, уязвленныхъ самолюбій, политическихъ интригъ и дрязгъ, вращающихся нынѣ въ Филиппополѣ, Софіи, Бѣлградѣ и всякихъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ юго-восточной Европы. Тѣ государственныя комбинаціи и тѣ люди на Балканскомъ полуостровѣ, какіе не могутъ быть пригодны для нашихъ народныхъ интересовъ, каковы бы эти комбинаціи и люди ни были и откуда бы они ни пришли, должны быть употреблены для нашего дѣла; а все прочее должно быть или приложено къ этому дѣлу, или предано полному забвенію.

Въ заключеніе укажемъ на нынѣшнее фактическое политическое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, посреди котораго Россіи можетъ, со дня на день, случиться дѣйствовать и такъ или иначе искать удовлетворенія своихъ интересовъ.

Всѣ безъ исключенія государства Балканскаго полуострова, вооружаясь на сколько у нихъ есть силъ и мочи, ожидаютъ, начиная съ Блистательной Порты, рѣшеній Европы и не хотятъ сдѣлать ни одного шага до этихъ рѣшеній. Всѣ требуютъ возстановленія прежняго порядка, т. е. основаннаго на берлинскомъ трактатѣ, а въ противномъ случаѣ, т. е., если будетъ признано возсоединеніе Болгаріи, провозглашенное въ Филиппополѣ и Софіи, Румынія, Сербія и Греція требуютъ возстановленія равновѣсія политическихъ силъ, нарушеннаго расширеніемъ княжества Болгарскаго, требуютъ для этого расширенія ихъ собственныхъ территорій. Это расширеніе можетъ быть сдѣлано только на счетъ владѣній, остающихся подъ властью Оттоманской имперіи. Въ этомъ смыслѣ весьма опредѣлительно высказалось сербское правительство, въ тронной рѣчи короля Милана при открытіи скупщины; почти такъ же опредѣлительно высказались въ томъ-же смыслѣ министры Греціи въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, и того-же домогается, какъ видно изъ всѣхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, Румынія. Удовлетвореніе всѣхъ этихъ претензій трудно себѣ представить иначе, какъ при окончательномъ раздѣлѣ европейскихъ владѣній Оттоманской имперіи, или при полномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

До этого представляется множество вопросовъ, которые должны рѣшить ближайшія будущія событія. Выждутъ-ли народы Балканскаго полуострова, спокойно и смирно, держа оружіе въ рукахъ, рѣшеній Европы и подчинятся-ли имъ, каковы-бы они ни были? Можетъ-ли Европа, захочетъ-ли она и будетъ-ли для этого въ силахъ — не признать возсоединенія Болгаріи и насильственно возстановить тамъ прежній порядокъ, установленный берлинскимъ трактатомъ? Можетъ-ли быть единодушна Европа, т. е. единодушны великія европейскія державы въ чемъ-либо иномъ, кромѣ воспрещенія всѣмъ государствамъ, недовольнымъ возсоединеніемъ Болгаріи, всякихъ движеній къ расширенію своихъ территорій? Въ случаѣ такого единодушія, если эти государства не захотятъ подчиниться рѣшеніямъ Европы, какая сила, т. е. какое войско приведетъ въ исполненіе эти рѣшенія? Если это войско будетъ австрійское, то возможно-ли будетъ продолженіе сердечнаго согласія Россіи съ Австріей, или-же устраненіе Россіи отъ всякаго военнаго вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова, въ виду первостепенныхъ русскихъ интересовъ, замѣшанныхъ въ эти дѣла? Вотъ вопросы, которые ставятся нынѣшнимъ положеніемъ Балканскаго полуострова. Отвѣты на одни изъ этихъ вопросовъ ясны и несомнѣнны; отвѣты на другіе могутъ зависѣть отъ хода событій, предсказать который теперь невозможно.

Дѣла Балканскаго полуострова отодвинули на самый задній планъ всякія другія дѣла во вниманіи европейской публики, а тѣмъ болѣе русской: потому мы и отлагаемъ говорить объ нихъ до слѣдующаго обозрѣнія.

XII

12-го октября.

Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Отвѣтъ Государя Императора болгарской депутаціи.—Декларація представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ.—Исполнительная власть для рѣшеній Европы.—Возбужденіе всѣхъ балканскихъ націй.—Роль Россіи.—Испано-германское столкновеніе относительно Каролинскихъ острововъ.—Результаты французскихъ парламентскихъ выборовъ.—Приближающійся парламентскій кризисъ въ Англіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы писали о дѣлахъ Балканскаго полуострова, въ нихъ, вопреки всякому ожиданію, не произошло ничего, что могло-бы сколько-нибудь опредѣлить будущій ходъ событій. Мы даже до сихъ поръ не знаемъ, слѣдуетъ-ли ожидать событій, т. е. передѣлки политической карты Балканскаго полуострова и развязки восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ, или-же болгарскій переворотъ останется ничѣмъ инымъ, какъ неудавшеюся попыткою нарушить обще европейское соглашеніе, состоявшееся на берлинскомъ конгресѣ, и все море безграничныхъ притязаній со стороны всѣхъ балканскихъ народностей и безграничныхъ волненій, возбужденныхъ этою самовольною попыткою, быстро войдетъ въ свои берега по велѣнію Европы. Въ самые послѣдніе дни, газеты публиковали совершенно противоположныя извѣстія, то успокоительныя, то тревожныя. Кромѣ гадательныхъ предположеній газетъ, мы не знаемъ ничего положительнаго, чтобы остановиться на томъ или на другомъ изъ двухъ упомянутыхъ противоположныхъ и крайнихъ ожиданій, или на чемъ нибудь иномъ между ними, чтобы знать, что готовитъ для насъ ближайшее будущее. Чѣмъ успокоительнѣе пишутъ оффиціозные органы всѣхъ европейскихъ правительствъ относительно ихъ единодушнаго согласія сохранить status quo (установленное берлинскимъ трактатомъ) на Балканскомъ полуостровѣ и общеевропейскій миръ, тѣмъ болѣе безпокойны люди, мыслящіе о политическихъ дѣлахъ и привыкшіе читать газеты. Они слишкомъ хорошо знаютъ, какіе глубокіе, историческіе раздоры раздѣляютъ и не могутъ не раздѣлять государства по восточному вопросу, подъ самыми гармоническими аккордами европейскаго концерта и подъ самыми гладкими фразами дипломатовъ, и слишкомъ хорошо помнятъ, какъ успокоительны всегда бывали рѣчи органовъ оффиціозной печати наканунѣ жесточайшихъ международныхъ бурь.

Если оставить въ сторонѣ всякіе газетные слухи и болѣе или менѣе фантастическія соображенія, то во всемъ такъ-называемомъ «движеніи», послѣдовавшемъ за филиппопольскимъ переворотомъ, огласились до сихъ поръ только два положительныхъ факта: отвѣтъ Государя Императора болгарской депутаціи въ Копенгагенѣ и декларація представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ. Но оба эти факта еще не даютъ сами по себѣ никакого новаго оборота дѣламъ. Смыслъ словъ нашего Государя какъ нельзя болѣе ясенъ, простъ и естественъ, ничего другаго болгары ожидать не могли. Изъ этихъ словъ явствуетъ, что Россія, хотя и не можетъ не порицать произвольный образъ дѣйствій

болгарскаго правительства къ соединенію Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ, но не отказываетъ въ своемъ сочувствіи къ Болгарскому государству, созданному Россіей и къ идеѣ національнаго объединенія болгаръ, ею предложенному въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, и даже готова, насколько отъ нея можетъ зависѣть, содѣйствовать охраненію болгарской націи отъ великихъ опасностей, вызванныхъ для нея филиппопольскимъ переворотомъ. На болѣе милостивыя отношенія къ себѣ русскаго правительства болгарскій народъ ни коимъ образомъ не могъ разсчитывать, хотя бы масса его и была неповинна въ дѣйствіяхъ своего правительства и окружающей его кучки политическихъ людей. Въ царскихъ словахъ, Россія не принимаетъ на себя никакого обязательства по отношенію къ Болгаріи; но послѣдняя и не имѣла ни малѣйшаго права ожидать новыхъ жертвъ русскаго народа на дѣло, самовольно затѣянное его правительствомъ на свой собственный страхъ. Отозваніе русскаго генерала, состоявшаго въ должности болгарскаго военнаго министра, и всѣхъ русскихъ офицеровъ, находившихся на болгарской службѣ, было мѣрою самой естественной необходимости, въ какое-бы печальное положеніе ни было черезъ это поставлено болгарское войско. Эта мѣра, какъ-бы она ни была горестна, обусловлена самыми элементарными понятіями международнаго права и была первымъ шагомъ къ освобожденію Россіи отъ того крайне запутаннаго положенія, въ какомъ она находилась въ Болгаріи. Эта мѣра была первымъ необходимымъ заявленіемъ со стороны нашего правительства, что оно, наконецъ, готово позаботиться о русскихъ интересахъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ много и такъ безплодно приносившихся въ жертву его народамъ, какъ-бы ни была близка сердцу Россіи участь этихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ народовъ. Не могутъ-же русскіе офицеры оставаться въ рядахъ болгарской арміи въ то самое время, когда всѣ новѣйшіе западно-европейскіе сочувствователи національнаго объединенія болгаръ не желаютъ, по ихъ словамъ, ничего другаго, какъ образовать изъ Болгаріи, подобно другимъ балканскимъ государствамъ, Румыніи и Сербіи, вооруженныхъ лагерей, укрѣпленныхъ «валовъ» («буферовъ») противъ Россіи, какъ это когда-то говорилось о Польшѣ. Удадутся или не удадутся эти виды на Болгарію, будетъ или не будетъ расположена политическая партія, захватившая въ свои руки болгарскія дѣла, броситься въ объятія новыхъ друзей Болгаріи, но, во всякомъ случаѣ, нужно, чтобы болгарскій народъ самъ поработалъ за свою политическую самостоятельность, принесъ за нее жертвы и перешелъ для нея, можетъ быть, черезъ горькія испытанія; они неизбѣжны для каждой націи, имѣющей будущность, и они могутъ только содѣйствовать политическому созрѣванію болгарской націи. Если-же Россіи будетъ суждено снова вмѣшаться въ ея судьбы, то можно надѣяться, при нынѣшнемъ настроеніи и нашего правительства и общества, что это вмѣшательство будетъ, прежде всего, имѣть въ виду интересы Россіи, которымъ, впрочемъ, нисколько не противны здравые національные интересы болгаръ, и что, сообразно съ этимъ, Россія займетъ болѣе ясное и опредѣленное положеніе относительно Болгаріи, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Что касается до деклараціи представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ, то она рѣшительно ничего собою не обозначала; тутъ мы находимъ, какъ во всѣхъ такихъ дипломатическихъ документахъ, ту-же обычную фразеологію, которая ничего собою не выражаетъ, ни малѣйшимъ образомъ даже не намекаетъ на рѣшенія державъ при нынѣшнихъ, или, тѣхъ или другихъ, будущихъ случайностяхъ и на предполагаемые ими способы дѣйствій. Эта декларація не имѣетъ другой цѣли, какъ прикрыть, общими фразами объ единодушіи всѣхъ европейскихъ правительствъ и объ ихъ общемъ желаніи мира, коренное различіе ихъ мнѣній и интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Порицается, какъ иначе и быть не могло, произвольное и насильственное нарушеніе въ Болгаріи общеевропейскихъ постановленій международнаго права. Съ одной стороны, признается право Турціи

возстановить оружіемъ эти постановленія въ подвластной ей провинціи; съ другой стороны, султану указуется необходимость примирительнаго положенія, которое несовмѣстимо съ его правомъ возстановить посредствомъ оружія законный порядокъ въ Болгаріи. Декларація благодушно назидаетъ всѣ балканскіе народы относительно миролюбія и приглашаетъ ихъ, въ особенности болгаръ, усмириться и не двигать своихъ войскъ. Если есть какая-нибудь искренность въ этомъ международномъ актѣ и въ засвидѣтельствованномъ посредствомъ него единодушіи европейскихъ великихъ державъ, то оно можетъ заключаться развѣ только въ единодушномъ желаніи всѣхъ ихъ, — каждой сообразно съ своими особыми интересами, — не допускать нынѣ общей развязки восточнаго вопроса, т. е. дѣлежа турецкихъ владѣній и упраздненія Оттоманской имперіи въ Европѣ. Впрочемъ, въ твердомъ согласіи даже на это со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ и неготовности ихъ нынѣ-же приступить къ ликвидаціи Блистательной Порты въ Европѣ,—можно сомнѣваться. Но если бы и было единодушное и твердое желаніе всѣхъ европейскихъ правительствъ удержать на Балканскомъ полуостровѣ status quo, т. е. порядокъ, установленный берлинскимъ трактатомъ, вопреки возбужденіямъ и движеніямъ всѣхъ балканскихъ народовъ, то какая сила, какая исполнительная власть—будетъ призвана, чтобы привести въ дѣйствіе такое рѣшеніе Европы? Это тотъ-же неразрѣшимый вопросъ, который столько разъ возникалъ по поводу всѣхъ общеевропейскихъ дипломатическихъ конференцій относительно Турціи. Будетъ-ли это дѣло поручено самой Блистательной Портѣ? Но захочетъ-ли она за него взяться послѣ того, какъ ея государство было расшатано вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, и онѣ взяли подъ свое покровительство прежнія подвластныя ей области, въ которыя теперь будутъ призывать ее же для водворенія порядка? Будутъ-ли призваны къ этому Австрія или Россія? Но, если только первая, то можетъ-ли согласиться на это вторая? Если только вторая, то возможно-ли, если бы даже на то согласилась Австрія, это новое, самое безсмысленное жертвоприношеніе со стороны Россіи къ охраненію порядка, созданнаго Европой вопреки намъ и на зло намъ? Если-бы были призваны къ охранѣ порядка или къ какому иному устройству дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ оба государства, и Австрія и Россія, то возможно-ли и даже мыслимо-ли ихъ согласное тамъ дѣйствіе? Наконецъ, возможно-ли снова мечтать о фантастическомъ порученіи европейской полиціи на Балканскомъ полуостровѣ какой-нибудь третьей незаинтересованной державѣ, напр. Италіи?

Передъ всѣми этими вопросами приходится становиться втупикъ въ такой моментъ, какъ нынѣшній, когда метутся всѣ народы Балканскаго полуострова и никакая сила, кажется. не въ состояніи удержать ихъ. Они очень хорошо знаютъ затрудненія, встрѣчаемыя Европой для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній, если-бы даже она и была единодушна, и поэтому трудно ожидать отъ нихъ подчиненія волѣ европейскихъ державъ, если-бы даже и существовала такая единая воля. Всѣ балканскія государства вооружились и продолжаютъ усиливать свои вооруженія, и всѣ возбуждены «маніей величія», по выраженію берлинскихъ оффиціозныхъ органовъ, т. е. каждое изъ нихъ, кромѣ Болгаріи, и Румынія, и Сербія, и Греція, убѣждено, что ему должно принадлежать господство и что пробилъ часъ для свершенія его судебъ. Всѣ говорятъ о «равновѣсіи», будто-бы нарушенномъ расширеніемъ Болгарскаго княжества, и о своемъ правѣ увеличить также свои территоріи; это увеличеніе въ общемъ результатѣ можетъ произойти только на счетъ Турціи. Трудно и почти невозможно ожидать, чтобъ эти національныя и воинственныя страсти улеглись сами собою или по велѣніямъ Европы. Кромѣ возбужденія народныхъ массъ, которымъ нечего терять, чтобы ни случилось, это возбужденіе поддерживается и положеніемъ самихъ главъ этихъ государствъ, терзаемыхъ внутренними политическими раздорами; для нихъ, чтобы какъ-нибудь спасти свои престолы, прихо-

дится броситься въ политику приключеній, какъ это сдѣлалъ князь Александръ Болгарскій, и какъ готовъ всякій день сдѣлать король Миланъ Сербскій. Всѣ они болѣе или менѣе торжественно и офиціально заявили, что признаніе Европой соединенія сѣверной и южной Болгарій даетъ имъ право требовать такого-же увеличенія своихъ владѣній или пріобрѣтенія ихъ собственною силою. Если бы даже и можно было думать о возвращеніи Болгаріи къ прежнему порядку, то и тогда едва-ли можно было-бы надѣяться, чтобы унялись народы Балканскаго полуострова, при слишкомъ извѣстныхъ ихъ нравахъ и при шаткомъ положеніи ихъ государей. Если-бы даже у нихъ и достало на это собственнаго благоразумія или-же страха опаснаго боя съ турецкими войсками, то не будетъ недостатка къ возбужденію ихъ воинственнаго пыла со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ. Намѣренія австро-венгерскаго правительства очень темны; да едва-ли, при національномъ разъединеніи частей своего государства, оно само твердо сознаетъ, чего ему желать и къ чему стремиться. Но вожди нынѣшняго великобританскаго правительства открыто благословляютъ, въ своихъ рѣчахъ, и возсоединеніе Болгаріи и усиленіе всѣхъ «политически созрѣвающихъ» христіанскихъ народовъ Турціи, съ тѣхъ поръ, какъ опытъ доказалъ, по ихъ словамъ, что политическая независимость этихъ народовъ есть наилучшій оплотъ противъ Россіи. Также точно и глава оппозиціи, г. Гладстонъ, высказалъ свое полное сочувствіе болгарскому перевороту.

Но можетъ-ли и Россія отказать, вопреки всѣмъ своимъ историческимъ традиціямъ, въ своемъ сочувствіи къ политическому созрѣванію христіанскихъ народовъ Турціи? Рано или поздно она можетъ отъ этого только выиграть, какія бы политическія интриги ни разыгрывались теперь на Балканскомъ полуостровѣ. Она только имѣетъ полное право отказаться отъ всякаго участія въ этихъ интригахъ и ждать событій для охраны собственныхъ своихъ интересовъ. Объ этихъ интересахъ мы уже достаточно говорили въ предыдущемъ обозрѣніи. Съ русской точки зрѣнія, можно было бы спокойно ожидать всякаго взрыва воинственныхъ стихій, накопившихся теперь на Балканскомъ полуостровѣ и едва-ли способныхъ остановиться передъ велѣніями Европы, единодушной только офиціально, за дипломатическимъ столомъ въ Константинополѣ. Можно было бы спокойно ожидать, чтобы всѣ балканскіе народы помѣрились своими силами, и между собой и съ Отоманскою имперіей, и установили собственными силами, своими собственными подвигами и доблестями, то «равновѣсіе», котораго они для себя желаютъ съ посторонней помощью. Мы можемъ спокойно выжидать какихъ бы то ни было результатовъ этой борьбы, такъ какъ всѣ они для насъ безразличны, и вытѣсненіе турокъ съ Босфора, съ единственнаго существеннаго для нашихъ интересовъ пункта на Балканскомъ полуостровѣ,—вытѣсненіе собственными силами всѣхъ прочихъ балканскихъ народовъ—невозможно. Мы можемъ спокойно смотрѣть на эту борьбу до той минуты, пока не вмѣшивается въ эту борьбу никакая другая европейская держава, но эта минута можетъ всегда настать—и мы волею или неволею, готовы мы или нѣтъ, будемъ вовлечены въ ходъ этихъ событій, для охраны самыхъ первостепенныхъ, самыхъ коренныхъ интересовъ нашего государства и народа.

Спокойствіе нашего общества передъ этими грозными событіями, которыя ежедневно готовы нагрянуть на насъ, — спокойствіе, изумляющее западно-европейскую публику сравнительно съ нашимъ возбужденіемъ передъ прошедшею войною, — мы никакъ не хотимъ объяснять нравственною апатіей, господствующею нынѣ въ нашемъ обществѣ. Мы скорѣе видимъ въ этомъ явленіи отрезвленіе нашей образованной публики отъ химеръ, грезившихся ей въ предыдущихъ волненіяхъ юго-западныхъ славянъ. Судя по сужденіямъ печати всѣхъ оттѣнковъ, мы можемъ думать, что общество наше сознаетъ теперь ошибочность всѣхъ прежнихъ своихъ увлеченій и не желаетъ ничего иного въ виду новѣйшихъ движеній на Балканскомъ полуостро-

вѣ, какъ охраны нашихъ собственныхъ національныхъ интересовъ. А охранить эти интересы, что бы ни случилось, у насъ достанетъ силъ, и всякія жертвы на это,— и только на это,—не пропадутъ даромъ.

Какое превозмогающее значеніе ни имѣли-бы для насъ событія на Балканскомъ полуостровѣ, мы не можемъ оставить безъ вниманія политическія дѣла въ остальной Европѣ, тѣмъ болѣе, что ходъ ихъ находится въ тѣсной связи со всѣмъ тѣмъ, что великія европейскія державы будутъ расположены или будутъ въ силахъ предпринять по восточному вопросу.

Споръ Германіи и Испаніи относительно Каролинскихъ острововъ получилъ совсѣмъ неожиданное рѣшеніе или направленіе къ своему рѣшенію. По соглашенію правительствъ обоихъ государствъ, онъ переданъ на посредническое рѣшеніе папы. Сперва, когда были объ этомъ слухи, они были приняты европейскою публикою за шутливую выдумку газетъ—такъ страннымъ казалось возрожденіе посреднической международной власти папы, дѣйствовавшей нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Но теперь это положительный фактъ, вступившій въ свою силу, и въ немъ нельзя не видѣть замѣчательной оригинальности всѣхъ государственныхъ дѣяній кн. Бисмарка, той оригинальности, которая всегда сопутствуетъ великимъ государственнымъ талантамъ. Левъ XIII весьма доволенъ неожиданно предложенной ему ролью въ международной жизни Европы и весьма серьезно принялся за ея исполненіе, подвергнувъ съ помощью своихъ кардиналовъ разработкѣ множество матерьяловъ, хранящихся въ Ватиканскомъ архивѣ относительно Каролинскихъ острововъ, которые были впервые признаны за Испаніей папскою буллою въ XVI столѣтіи. Ореолъ папской власти значительно просвѣтлѣетъ отъ этого новаго ея призванія, безъ всякаго вреда для кого-бы то ни было, и папскій престолъ не можетъ не быть благодаренъ за это германскому правительству, предложившему посредничество папы или согласившемуся на него по предложенію Испаніи (до сихъ поръ не ясно, откуда шло предложеніе). Всякая услуга папскому престолу со стороны Германіи, тѣмъ болѣе услуга для нея безвредная, ей выгодна. Для Германіи, очевидно встрѣтившейся, по по поводу Каролинскихъ острововъ, съ затрудненіями совсѣмъ неожиданными со стороны Испаніи, совершенно безразлично всякое рѣшеніе по этому предмету, лишь-бы было ограждено достоинство Германіи.

Самое важное событіе въ Европѣ, послѣ движеній на Балканскомъ полуостровѣ, составляютъ результаты парламенскихъ выборовъ во Франціи; они произвели-бы безъ этихъ движеній еще болѣе глубокое впечатлѣніе. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, и ожиданіямъ самихъ монархистовъ или консерваторовъ, ихъ кандидаты выбраны въ такомъ большомъ числѣ (болѣе 200), что они составятъ серьезную силу въ будущей французской палатѣ депутатовъ. Всего болѣе потерпѣла на выборахъ партія умѣренныхъ республиканцевъ, стоящая нынѣ во главѣ правленія—такъ называемые оппортунисты; ихъ будетъ около 250. Значительно усилились радикалы (около 100). Эти результаты выборовъ объясняются раздраженіемъ общественнаго мнѣнія противъ французской политики послѣднихъ лѣтъ, которою руководили оппортунисты, — противъ крайняго разстройства, внесеннаго ими въ финансы и противъ всѣхъ малодушныхъ ихъ уступокъ радикаламъ, въ томъ числѣ рѣзкой распри съ церковью и изгнанія религіи изъ государства. Сверхъ того, эти результаты французскихъ выборовъ объясняются также разъединеніемъ республиканцевъ и дружною коалиціей монархистовъ всѣхъ фракцій, ройялистскихъ и имперіялистскихъ.

Этотъ поворотъ во Франціи въ высшей степени серьезенъ, но чтобъ онъ означалъ собою близкое возвращеніе Франціи къ монархіи—этого никакъ нельзя сказать. Всего вѣрнѣе ожидать въ ближайшемъ будущемъ смутъ, крайнихъ раздоровъ между всѣми французскими партіями, которыя должны парализовать внѣшнее дѣйствіе французской націи, столь необходимое для равновѣсія Европы. Хотя оппортунисты или умѣренные республиканцы будутъ количественно наиболѣе сильны въ будущей палатѣ, но они будутъ совсѣмъ без-

сильны и неспособны образовать прочное министерство, въ случаѣ соединенной оппозиціи монархистовъ и радикаловъ, всегда расположенныхъ соединяться между собою для низверженія существующаго порядка. Тѣ и другіе, конечно, не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ ненависти къ умѣреннымъ республиканцамъ и кромѣ готовности подвергнуть Францію какому-либо перевороту или анархіи, посреди которой тѣ и другіе могутъ попытать свое счастье. Впрочемъ, утѣшительное для Франціи явленіе на новыхъ выборахъ составляетъ отсутствіе чистыхъ революціонеровъ и «непримиримыхъ» между депутатами. Наконецъ, монархисты только случайно соединились для борьбы съ общимъ врагомъ, республикою, и раздѣлены между собою непримиримою враждою. Поэтому они не могутъ быть серьезно опасны для республиканцевъ, пока не совершится какой-либо рѣшительный переворотъ въ умахъ французскаго народа. Но, чтобы управлять Франціей, умѣренные республиканцы должны будутъ дѣлать большія уступки радикаламъ, дабы устранить ихъ отъ коалиціи съ монархистами, а эти уступки возбудятъ недовольство въ народныхъ массахъ. Нельзя не упомянуть о весьма характеристическомъ въ политической жизни Франціи явленіи: органы радикальныхъ республиканскихъ фракцій, ожесточенные противъ результатовъ парламентскихъ выборовъ, осыпаютъ правительство ругательствами за то, что оно не дѣйствовало на выборы посредствомъ своихъ чиновниковъ противъ монархическихъ и консервативныхъ кандидатовъ. Таково уваженіе французскихъ радикаловъ къ голосу народа, о которомъ такъ много возвѣщалось прежде въ радикальныхъ программахъ.

Англія переживаетъ также глубокій государственный кризисъ, который совершится послѣ произнесенія народнаго суда на выборахъ, въ которыхъ будутъ участвовать два мильона новыхъ избирателей изъ бѣднѣйшихъ классовъ. Кризисъ въ Англіи любопытенъ не только по отношенію къ ней самой, но и по отношенію къ общему движенію политическихъ идей въ Европѣ; это движеніе, въ сущности, здѣсь одинаковое со всѣми другими странами, но происходитъ только при условіяхъ болѣе здоровой государственной жизни и посреди условій истинной свободы, т. е. при взаимномъ уваженіи всѣхъ политическихъ партій и безъ малѣйшаго посягательства на насильственныя дѣйствія (за исключеніемъ непримиримыхъ ирландцевъ).

Между прочимъ, въ Англіи, подобно Франціи и другимъ странамъ (Германіи и Италіи), стройный ходъ конституціоннаго правленія и успѣхи законодательства встрѣчаютъ наибольшее препятствіе въ раздробленіи либеральной партіи. Это раздробленіе либеральныхъ фракцій происходитъ главнѣйше отъ значительнаго усиленія радикальныхъ политическихъ элементовъ, неспособныхъ къ правильному государственному дѣлу и не внушающихъ достаточно довѣрія большинству общества, а между тѣмъ разстраивающихъ либеральное большинство. Это явленіе было главною причиною паденія кабинета г. Гладстона. Вмѣстѣ съ тѣмъ консервативная партія не имѣетъ за себя настоящаго большинства въ мнѣніи націи и имѣетъ силу только вслѣдствіе разстройства либеральнаго лагеря.

Знаменитый глава англійскихъ либераловъ счелъ своимъ патріотическимъ долгомъ, вопреки своему престарѣлому возрасту, недугамъ и крайнему утомленію, сдѣлать послѣднюю попытку къ возсоединенію всѣхъ либеральныхъ фракцій, къ подчиненію своей программѣ радикаловъ и къ примиренію съ нею умѣренныхъ виговъ, которые также стали было отпадать отъ него. Въ своемъ обширномъ «манифестѣ» къ избирателямъ, г. Гладстонъ начертываетъ всю програму для либеральной партіи на ближайшее время. Эта програма произвела глубочайшее впечатлѣніе въ Англіи на всѣ партіи. Онъ указываетъ на необходимость весьма многихъ реформъ, близкихъ къ условіямъ радикаловъ, но не нарушающихъ коренныя основы историческаго государственнаго строя Великобританіи, — въ томъ числѣ на широкое развитіе административной децентрализаціи и мѣстнаго самоуправленія (въ духѣ выборнаго начала), на облегченіе раздробле-

нія поземельной собственности и даже на преобразованіе палаты лордовъ. Но онъ совершенно отвергаетъ возможность, на ближайшее время, нѣкоторыхъ реформъ, настойчиво требуемыхъ радикалами: надѣленія крестьянъ землею, посредствомъ покупки земель общинами на общинные доходы, упраздненія привиллегій государственной церкви и дароваго первоначальнаго образованія на счетъ государства.

Вслѣдствіе замѣчательной дисциплины политическихъ партій въ Англіи, радикалы подчинились требованіямъ маститаго главы либераловъ; ихъ вожди—г. Чемберленъ и и др.—заявили, что, сохраняя за собою свои мнѣнія и не вступая въ составъ будущаго либеральнаго кабинета, они однако не будутъ дѣлать ему оппозиціи. Этимъ великобританскіе радикалы показали свое коренное различіе съ французскими; впрочемъ, этимъ различіемъ отличаются и самыя политическія желанія тѣхъ и другихъ.

Консервативная партія не выставила никакой опредѣленной программы предполагаемыхъ ею законодательныхъ мѣръ, кромѣ развитія административной децентрализаціи и мѣстнаго самоуправленія. Замѣчательно, что въ этомъ пунктѣ, который какъ бы знаменуетъ собою духъ нашего времени, сходятся между собою не только консервативныя и либеральныя, но и радикальныя программы. Посредствомъ самаго широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія, всѣ партіи надѣются примирить ирландцевъ; всѣ онѣ, не исключая и радикаловъ, отвергаютъ самымъ энергическимъ образомъ возможность желаемой ирландскими сепаратистами законодательной автономіи. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были судьбы консервативной партіи на выборахъ, нынѣшній кабинетъ останется до половины января, когда вступитъ въ дѣйствіе новый парламентъ. Это обстоятельство существенно для международныхъ отношеній Европы. Впрочемъ, по отношенію къ европейскимъ дѣламъ, иностранная политика Англіи едва-ли можетъ измѣниться отъ того или другаго кабинета.

О внутреннихъ нашихъ отечественныхъ дѣлахъ трудно говорить въ настоящее время, когда надъ ними тяготѣетъ кризисъ на Балканскомъ полуостровѣ, поглощающій собою вниманіе всего общества.

В. Б.

XIII

26 октября

Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Положеніе на немъ Россіи.—Выборное движеніе въ Великобританіи. Преобразованіе мѣстнаго самоуправленія.—Результаты выборовъ во Франціи. Шансы монархіи.—Предстоящіе выборы въ прусскій ландтагъ. Высылка иностранцевъ изъ Пруссіи.—Бурныя засѣданія австрійскаго парламента.—Современныя внутреннія условія европейскихъ державъ для иностранной политики.

Темнота, окружавшая дѣла Балканскаго полуострова, вслѣдъ за филиппопольскимъ переворотомъ, продолжается до сихъ поръ. Какъ бы рѣшительно и самоувѣренно ни говорили офиціозные органы, преимущественно восточныхъ державъ, о непоколебимомъ сердечномъ согласіи ихъ правительствъ, объ ихъ твердой волѣ охранять ненарушимость берлинскаго трактата, возстановить его силу въ Восточной Румеліи и не допустить разстройства европейскаго мира честолюбивыми замыслами маленькихъ государствъ юго-восточной Европы,—но никто въ европейской публикѣ не полагается на всѣ эти офиціозныя увѣренія и никто не думаетъ, чтобы ходъ событій не могъ обмануть всѣ эти самыя рѣшительныя предвидѣнія дипломатовъ. Филиппопольскій переворотъ слишкомъ сильно потрясъ довѣріе европейскаго общественнаго мнѣнія къ дипломатіи, чтобъ ея удостовѣренія были малѣйшимъ образомъ для него успокоительны. Всего-же страшнѣе для дѣловаго торговаго и промышленнаго міра представляются весьма естественныя опасенія, чтобы безплодныя усилія дипломатовъ не затянулись надолго, какъ это было передъ послѣднею войною, не устроили того томительнаго положенія, которое хуже всякой войны парализуетъ коммерческія дѣла и въ окончательномъ результатѣ все-таки разражается войною. Для Россіи, при нынѣшнихъ ея промышленныхъ затрудненіяхъ, это было-бы хуже всего.

При шаткости офиціозныхъ предвидѣній, нельзя, съ другой стороны, полагаться и на частныя извѣстія, идущія съ Балканскаго полуострова и изъ прикосновенныхъ къ нему правительственныхъ сферъ, на сообщенія всѣхъ этихъ столь нынѣ размножившихся репортеровъ объ ихъ самовѣрнѣйшихъ и самооткровеннѣйшихъ бесѣдахъ съ правительственными лицами. Всѣ эти извѣстія одно другому крайне противорѣчатъ, и уже по этому одному изъ нихъ невозможно сдѣлать никакого серьезнаго вывода,—не говоря уже о смутности этого новѣйшаго источника историческихъ свѣдѣній. Что же касается совершенно офиціальныхъ и непререкаемыхъ извѣстій о положеніи дѣлъ, каковы были въ послѣдніе дни рѣчи императора Франца-Іосифа къ президентамъ австро-венгерскихъ делегацій и его министра иностранныхъ дѣлъ въ кругу этихъ-же делегацій, то общія фразы этихъ рѣчей о прочномъ соглашеніи трехъ восточныхъ имперій, объ ихъ энергическомъ намѣреніи не допустить нарушенія мира на Востокѣ,—эти общія фразы не даютъ намъ никакихъ положительныхъ указаній на тѣ рѣшенія, которыхъ мы должны ожидать отъ европейскихъ державъ для умиротворенія Бал-

канскаго полуострова. Иныхъ общихъ фразъ, послѣ скерневицкаго и кремзирскаго свиданій, нельзя было и ожидать. Что значатъ, напримѣръ, слова графа Кальноки о пламенныхъ сочувствіяхъ Австро-Венгріи къ Сербіи, въ то время, когда онъ-же при этомъ заявляетъ о желаніи своего правительства сохранить существующій порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ и нерасположеніи его потворствовать домогательствамъ Сербіи на расширеніе своей территоріи? Что значатъ практически эти слова, за которыя король Миланъ счелъ своимъ долгомъ торжественно выразить свою благодарность австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ,— если это не общая фраза? Таковою нельзя ее не считать, когда въ то-же самое время, съ другой стороны, наша офиціальная дипломатическая газета весьма впечатлительно заявляетъ свое удовольствіе по поводу той-же самой рѣчи и похваляетъ правильность дипломатическаго языка гр. Кальноки. Дѣйствительно, выражать свое сочувствіе къ какому-бы то ни было народу, вообще, при какихъ-бы то ни было политическихъ обстоятельствахъ и въ рѣчи правительственнаго лица какого-бы то ни было государства—всегда возможно; тутъ, конечно, не можетъ быть ничего неправильнаго и непозволеннаго. Гораздо благоразумнѣе, — и это всего ближе къ истинѣ, — не видѣть ничего инаго въ офиціальныхъ заявленіяхъ всѣхъ правительствъ, по поводу болгарскаго переворота и дѣлъ Балканскаго полуострова, кромѣ общихъ фразъ, которыми ни одно правительство не желаетъ связать свою свободу дѣйствій на будущее время, угрожающее самыми неожиданными событіями и самыми непредвидѣнными взаимными отношеніями державъ. Можно впасть въ большія ошибки, комментируя каждое слово этихъ общихъ офиціальныхъ фразъ и придавая ему особое значеніе, какъ это дѣлаютъ многія газеты. Такія-же общія фразы, ничего собою не опредѣляющія, можно найти даже въ заявленіяхъ великобританскихъ министровъ, которые бываютъ откровеннѣе всякихъ другихъ. Судя по всѣмъ ихъ рѣчамъ и по сужденіямъ ихъ органовъ, они болѣе всѣхъ сознаютъ характеръ настоящаго политическаго положенія, т. е. то, что выиграютъ въ этомъ смутномъ положеніи всего болѣе тѣ, которые наименѣе свяжутъ себя и свою свободу дѣйствій какими-бы то ни было международными обязательствами. Въ этомъ направленіи, если вѣрны слухи, и сдѣланы сенъ-джемскимъ кабинетомъ оговорки, относительно созываемой нынѣ дипломатической конференціи въ Константинополѣ.

Посреди крайней смуты дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и самыхъ противорѣчивыхъ слуховъ о миролюбивыхъ и воинственныхъ намѣреніяхъ его государствъ, эта конференція есть единственный новый фактъ, положительно совершившійся, на которомъ мы можемъ основать какія-нибудь достовѣрныя сужденія и предвидѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, также положительно извѣстно, что великія державы, имѣющія собраться въ лицѣ своихъ представителей на константинопольскую конференцію, твердо между собою согласились не признавать и не допускать послѣдствій филиппопольскаго переворота и возвратить Болгарію къ прежнему положенію, сдѣлавъ нѣкоторыя перемѣны въ турецкомъ управленіи Восточной Румеліи. Послѣднее несущественно и не можетъ никого интересовать. Всего любопытнѣе состоявшееся, согласно сообщенію всѣхъ офиціозныхъ органовъ, соглашеніе великихъ европейскихъ державъ возстановить, и въ случаѣ надобности возстановить принудительно, порядокъ вещей, существовавшій въ Болгаріи до филиппопольскаго переворота и установленный берлинскимъ трактатомъ. Впрочемъ, относительно безусловнаго согласія на это со стороны Англіи можно сильно сомнѣваться, какъ это явствуетъ даже изъ подлинныхъ рѣчей ея министровъ, а Англія могла-бы увлечь за собою и Францію и Италію. Въ офиціозной печати восточной Европы говорится, что если бывшее совѣщаніе пословъ въ Константинополѣ, при всемъ своемъ единодушіи, было безуспѣшно къ тому, чтобы положить предѣлъ всякимъ движеніямъ балканскихъ государствъ и убѣдить ихъ въ единодушной на то волѣ Европы, то она будетъ заяв-

лена имъ еще болѣе торжественнымъ образомъ на имѣющей собраться конференціи, рѣшеніямъ которой они не могутъ не подчиниться.

Нельзя не вспомнить совершенно тождественнаго положенія, въ которомъ находилась, въ прежнее время, Оттоманская Порта относительно того-же самаго европейскаго концерта. Вопреки совершенно такимъ-же заявленіямъ официозной европейской печати, Порта не подчинялась самымъ торжественнымъ постановленіямъ европейскаго ареопага по той простой причинѣ, что она не довѣряла, чтобъ у него достало единодушія привести въ исполненіе свои постановленія и чтобы европейскій концертъ не разсыпался во всѣ стороны, какъ-только возникнетъ вопросъ о какихъ-либо общихъ принудительныхъ мѣрахъ противъ Порты. И Порта была совершенно права, такъ какъ ни разу не состоялось никакого соглашенія Европы относительно этихъ мѣръ; когда только нужно было приступать къ нимъ, такъ оказывались величайшее разъединеніе европейскихъ державъ и противоположность ихъ интересовъ, недопускавшая никакого ихъ общаго дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ-же точно могутъ смотрѣть и теперь на единодушіе Европы государства, образовавшіяся на территоріи Оттоманской имперіи. До сихъ поръ единодушіе Европы по восточному вопросу оказывалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ей нужно было дѣйствовать противъ Россіи... Этого-ли единодушія Европы могутъ опасаться христіанскіе народы Балканскаго полуострова, или-же, напротивъ, на это они должны разсчитывать?

Всего менѣе кажутся правдоподобными слухи, распространяемые иностранными газетами о томъ, что будто-бы Россіи принадлежитъ починъ предложенія о безусловномъ возстановленіи status quo въ Болгаріи. Еще можно было-бы въ нѣкоторой степени предположить, что Россія вынуждена согласиться на это возстановленіе, требуемое другими державами, тѣмъ болѣе, что филиппопольскій переворотъ произошелъ вопреки ея желаніямъ и она не обязана приносить никакихъ жертвъ для его успѣха. Но добровольно, по собственному своему желанію, противиться возсоединенію болгарскихъ земель—не можетъ быть для Россіи ни малѣйшаго интереса; поэтому иностранные слухи о настояніяхъ Россіи въ этомъ направленіи мало вѣроятны. Какъ бы ни было запутанно и затруднительно наше нынѣшнее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, оно можетъ сдѣлаться неизмѣримо хуже во всѣхъ возможныхъ вѣроятныхъ случаяхъ дальнѣйшаго движенія событій, еслибы только могли быть сколько-нибудь правдоподобны упомянутые выше слухи о томъ, что Россія взяла на себя починъ европейскаго концерта къ возстановленію status quo въ Болгаріи.

Въ томъ лучшемъ случаѣ, если это рѣшеніе Европы будетъ дѣйствительно единодушно, но если Болгарія не захочетъ или будетъ не въ силахъ ему подчиниться, при возбужденіи въ ней умовъ, а другія государства—Сербія, Греція, можетъ быть также Румынія,—будутъ искать такъ-называемаго ими равновѣсія, т. е. расширенія своихъ территорій,—на кого-же будетъ возложена принудительная власть къ водворенію законнаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ? Если на одну Турцію,—какъ объ этомъ шли слухи въ газетахъ,—то страннымъ образомъ, въ этомъ случаѣ, была-бы организована и узаконена та именно борьба между христіанскими народами и турками, которую Россія всегда старалась предотвратить. Въ предупрежденіи этой борьбы и ея безчисленныхъ разнообразныхъ случайныхъ послѣдствій ко вреду для самыхъ коренныхъ интересовъ Россіи—заключалась до сихъ поръ историческая ея миссія на Балканскомъ полуостровѣ. На это Россія жертвовала всегда собою, становясь между единокровными и единовѣрными ей народами и Турціей и покрывая ихъ собою. Отъ этой исторической роли она не можетъ отказаться и теперь, тѣмъ болѣе, что между всѣми христіанскими народами Балканскаго полуострова свирѣпствуютъ жесточайшія распри, что вслѣдствіе этихъ распрей тѣ или другіе изъ нихъ могутъ стать на сторону Порты, и черезъ это возникнетъ на Балканскомъ полуостровѣ

настоящій хаосъ, въ которомъ буквально «своя своихъ не познаша». Неужели европейскій концертъ долженъ закончиться тѣмъ, чтобы предоставить на волю одной Турціи, какъ наиболѣе сильной между балканскими государствами державы, распорядиться въ этомъ хаосѣ по своему изволенію? Да еще и захочетъ-ли за это взяться сама Порта? Сверхъ того, для подобной турецкой расправы нѣтъ никакой надобности въ европейской конференціи.

Далѣе, если принудительныя дѣйствія къ возстановленію прежняго порядка на Балканскомъ полуостровѣ будутъ возложены на европейскія державы, то кто же возьмется за это? Кромѣ Австріи и Россіи, едва-ли возможенъ выборъ для этого какой-либо третьей державы. При совмѣстномъ дѣйствіи Австріи и Россіи, интересы которыхъ такъ разнородны, мыслимо-ли ожидать, чтобы ихъ согласіе могло долго продолжиться и чтобы это совмѣстное дѣйствіе не перешло въ самую жестокую между ними борьбу? Можетъ-ли, съ другой стороны, допустить Россія, чтобы единственною полномочною распорядительницею на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлалась Австрія? Наконецъ, самое невозможное положеніе для Россіи было-бы въ томъ случаѣ, если-бы принудительныя мѣры къ возстановленію берлинскаго трактата были возложены на нее одну. Предположить такое рѣшеніе Европы можно впрочемъ только на тотъ случай, если-бы она задумала выдвинуть Россію на этотъ путь лишь съ тою цѣлію, чтобы потомъ отказаться отъ нея, выставить ее какъ единственную противницу свободы христіанъ балканскихъ и потомъ за нихъ-же заступиться противъ Россіи. Само собою разумѣется, что никогда Россія не можетъ стать въ это положеніе. Всѣ слухи, распространяемые въ этомъ духѣ въ иностранныхъ газетахъ, идутъ изъ самыхъ враждебныхъ намъ лагерей.

И въ частной, и въ государственной жизни нѣтъ положенія хуже фальшиваго. И отдѣльныя лица, и государства могутъ скорѣе рѣшиться на самыя критическія затрудненія и на величайшія жертвы, чѣмъ стать въ фальшивыя положенія, противныя ихъ натурѣ и ихъ нравственному существу.

Въ ожиданіи того или другаго дальнѣйшаго развитія событій на Балканскомъ полуостровѣ, отмѣтимъ важнѣйшіе факты, которыми обусловливается въ настоящую минуту политическое положеніе европейскихъ державъ, долженствующихъ такъ или иначе повліять на ходъ этихъ событій или вовсе его пріостановить.

Англія находится въ полномъ разгарѣ выборнаго движенія, результаты котораго должны опредѣлить—какой партіи будетъ принадлежать правительственная власть въ ближайшемъ будущемъ. Ежедневно вожди всѣхъ трехъ партій,—консервативной, либеральной и радикальной, — произносятъ рѣчи и стараются склонить массы двухъ мильоновъ новыхъ избирателей въ свою пользу. По многимъ вопросамъ произносятся цѣлые трактаты, которые великобританскіе избиратели выслушиваютъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Они желаютъ, — даже избиратели низшихъ и малообразованныхъ классовъ, — отнестись съ полнымъ сознаніемъ къ выборамъ, не такъ, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ. Хотя радикалы продолжаютъ излагать свои собственныя программы, отличныя отъ либераловъ, но эти программы могутъ получить какое-нибудь практическое значеніе, даже по убѣжденію самихъ ихъ авторовъ, только развѣ въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время, радикалы, какъ-бы они ни усилились въ Англіи, вполнѣ подчиняются дисциплинѣ либеральной партіи и будутъ, какъ по всему видно, дѣйствовать съ нею противъ торіевъ. Попытки нѣкоторой фракціи торійской партіи, такъ называемой демократической (подъ предводительствомъ лорда Черчиля), сблизиться съ радикалами—до сихъ поръ безуспѣшны и производятъ только разъединеніе въ консервативныхъ рядахъ. Старанія послѣднихъ притянуть къ себѣ умѣренныхъ либераловъ, каковы лорды Гартингтонъ, Дерби и г. Гешенъ, были также неудачны. Поэтому должно съ величайшею вѣроятностью ожидать торжества либеральной партіи, въ чемъ почти всѣ и увѣрены теперь въ Англіи.

Интересно, что, не смотря на все ожесточенiе избирательной борьбы и самыя яростныя взаимныя нападки политическихъ вождей разныхъ лагерей, между ихъ программами въ сущности нѣтъ крайнихъ различiй, а только оттѣнки. Всего болѣе различiя—въ общемъ духѣ и направленiи мыслей, въ желанiяхъ относительно отдаленнаго будущаго и въ политическомъ характерѣ людей разныхъ партiй. Относительно же ближайшихъ задачъ законодательства и стоящихъ на очереди реформъ—всѣ партiи стоятъ очень близко другъ къ другу, различаясь только въ подробностяхъ. Не составляютъ исключенiя изъ этого даже радикалы, если имѣть въ виду ихъ самыя настоятельныя желанiя и откинуть ихъ грезы будущаго, которымъ они сами придаютъ пока лишь теоретическое значенiе. Поэтому-то раздѣленiе англiйскаго общества на партiи и ихъ управленiе страною не приносятъ вреда ея государственной жизни и не ослабляютъ ея могущества. Приводятся въ исполненiе только тѣ реформы, относительно настоятельности которыхъ болѣе или менѣе согласны всѣ партiи и созрѣло общественное мнѣнiе практической массы всей страны.

Главный вопросъ, которымъ всего болѣе теперь заняты ораторы всѣхъ партiй, это—преобразованiе мѣстнаго управленiя, и всѣ согласны въ необходимости дальнѣйшаго развитiя самоуправленiя и децентрализацiи и сокращенiя бюрократическаго начала и дѣятельности агентовъ центральной администрацiи. Этому предмету посвятилъ надняхъ весьма пространную рѣчь сэръ Чарльзъ Дилькъ, спецiально изучавшiй мѣстныя учрежденiя въ Европѣ и стоявшiй во главѣ департамента (боарда) мѣстнаго самоуправленiя въ кабинетѣ Гладстона. Весьма любопытно, что хотя г. Дилькъ находится въ рядахъ радикальной партiи и предлагаетъ весьма коренныя преобразованiя въ великобританскихъ мѣстныхъ учрежденiяхъ, но его программу находятъ весьма разумною и отзываются объ ней съ похвалами органы весьма разнообразныхъ партiй. По этой программѣ, разнородныя мѣстныя учрежденiя, въ разное время, по разнымъ типамъ созданныя въ Англiи, въ особенности въ новѣйшее время, должны быть объединены и въ нихъ должно быть дано гораздо болѣе сильное развитiе выборному началу, чѣмъ это было до сихъ поръ. По мыслямъ г. Дилька, формы англiйскаго самоуправленiя должны быть значительно приближены къ континентальнымъ, къ мѣстнымъ представительнымъ собранiямъ и совѣтамъ другихъ странъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ сократилась-бы единоличная административная власть мировыхъ судей, и центръ тяжести мѣстнаго самоуправленiя перешелъ бы отъ нихъ къ мѣстнымъ представительнымъ учрежденiямъ. Сами вожди консервативной партiи высказывали свое сочувствiе къ общему направленiю этихъ мыслей. Работы будущаго парламента по преобразованiю мѣстнаго самоуправленiя, которое займетъ въ немъ несомнѣнно первое мѣсто, будутъ въ высшей степени поучительны для всей Европы, такъ какъ вездѣ этотъ предметъ составляетъ главную заботу современной государственной жизни. Если слѣпое подражанiе формамъ чужихъ учрежденiй всего менѣе возможно на почвѣ мѣстнаго управленiя, то для другихъ европейскихъ странъ будутъ весьма назидательны прiемы и методы, съ которыми Англiя возьмется за это дѣло. Нѣтъ сомнѣнiя, что и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, внося въ свои учрежденiя духъ новыхъ требованiй современной общеевропейской жизни, она сумѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за ними свои своеобразныя историческiя формы и, не увлекаясь никакими отвлеченными теоретическими доктринами, сумѣетъ приладить ихъ къ практическимъ нуждамъ своихъ мѣстныхъ народонаселенiй. Не мѣшаетъ замѣтить, что сэръ Чарльзъ Дилькъ, въ упомянутой рѣчи, которая произвела большое впечатлѣнiе, отозвался съ большимъ сочувствiемъ о нашихъ земскихъ учрежденiяхъ, о которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ приходится намъ слышать только хулу у себя дома.

Относительно иностранной политики нельзя ожидать существенной перемѣны отъ той или другой партiи, которая станетъ у власти въ Англiи. Да объ иностранной политикѣ всего менѣе помину въ избирательной агитацiи. Тутъ между консерва-

торами и либералами всего болѣе различія только въ манерѣ обращенія съ иностранными правительствами и въ хвастливыхъ и горделивыхъ возгласахъ торіевъ. Суданскій вопросъ, который всего болѣе раздѣлялъ обѣ партіи въ иностранной политикѣ, будетъ каждою изъ нихъ разрѣшенъ по обстоятельствамъ, а не на основаніи особыхъ мнѣній. Всѣ партіи одинаково желаютъ возможно скорѣе развязаться съ этимъ вопросомъ. Состоявшееся на-дняхъ, черезъ посредство Друммонда Вольфа, соглашеніе Англіи съ Турціей о совмѣстномъ ихъ дѣйствіи въ Египтѣ — можетъ одинаково облегчить и для лорда Салисбери, и для г. Гладстона отступленіе ихъ изъ Египта.

Результаты парламентскихъ выборовъ во Франціи нѣсколько измѣнились, послѣ перебаллотировокъ, въ пользу республиканцевъ; тѣмъ не менѣе значительное число (около 200) депутатовъ изъ монархическихъ партій остается фактомъ неизмѣннымъ и весьма чувствительнымъ для республиканскаго правленія, какого оно еще не испытывало съ 1870 г. Число монархистовъ или консерваторовъ въ новой палатѣ слишкомъ недостаточно, чтобы подвергнуть близкой опасности республику, но выборъ ихъ былъ серьезнымъ предостереженіемъ республиканцамъ со стороны французскаго народа. Воспользуются-ли они этимъ урокомъ, для болѣе благоразумной политики, или подвергнутъ Францію новымъ потрясеніямъ—мы увидимъ скоро. Совсѣмъ исключительная особенность Франціи заключается въ томъ, что въ теченіе извѣстныхъ періодовъ времени, пока не встрепенется вся страна, ею всевластно управляетъ Парижъ, въ которомъ господствуютъ крайнія радикальныя и революціонныя партіи. Но громадное провинціальное и въ особенности сельское большинство французскаго народа весьма консервативно; оно только до времени, вслѣдствіе своей политической пассивности, терпитъ тиранію парижскихъ демагоговъ и затѣмъ, когда теряетъ терпѣніе отъ парижскихъ волненій, отдаетъ себя въ руки каждаго способнаго водворить порядокъ въ государствѣ и предается въ руки крайней реакціи. Слишкомъ извѣстно, сколько было такихъ крутыхъ поворотовъ во Франціи съ конца прошедшаго столѣтія.

Результатами послѣднихъ выборовъ, очевидно, доказывается накопившееся внутри Франціи раздраженіе противъ республиканской политики послѣднихъ лѣтъ, противъ злосчастныхъ предпріятій въ Тонкинѣ, съ которымъ Франція до сихъ поръ никакъ не можетъ справиться, главнѣйше—противъ радикальной внутренней политики, разсорившей съ правительствомъ, захваченнымъ въ руки крайнею лѣвою, всѣхъ сколько-нибудь умѣренныхъ республиканцевъ и разстроившей французскіе финансы. Послѣдними выборами масса французскаго народа нисколько еще не заявила своихъ симпатій къ монархіи; рѣшительное проявленіе этихъ симпатій сопряжено съ величайшими затрудненіями во Франціи, какъ потому, что послѣ безчисленныхъ ея революцій большинство ея народа сдѣлалось весьма равнодушно къ тѣмъ или другимъ формамъ правленія, такъ и потому, что монархисты раздѣлены между собою на непримиримыя фракціи, которыя способны соединяться только въ ненависти къ республикѣ,—и ни одна изъ нихъ не имѣетъ пока въ своей главѣ человѣка, способнаго къ энергическому дѣйствію и внушающаго довѣріе всей странѣ.

Выборъ значительнаго числа монархистовъ, какъ консерваторовъ, былъ единственнымъ способомъ для избирателей выразить свое неудовольствіе противъ радикальной и легкомысленной политики послѣднихъ республиканскихъ кабинетовъ. Въ этомъ смыслѣ толкуютъ эти выборы всѣ разумные органы французской печати. Между чистыми республиканцами умѣренные политическіе люди такъ рѣдки, что они безсильны составить консервативную республиканскую партію; если-бы она существовала, то въ пользу ея несомнѣнно заявило-бы себя большинство избирателей.

Между тѣмъ республиканцы, которые остаются все-таки въ сильномъ большинствѣ въ новой палатѣ, едва-ли будутъ въ состояніи воспользоваться полученнымъ урокомъ для упроченія республики. Во-первыхъ, они раздѣлены на разныя группы, для которыхъ весьма затруднительно со-

ставить прочное и однородное министерство съ точною и ясною программою. Вовторыхъ, между ними преобладаютъ люди съ болѣе или менѣе радикальнымъ и къ тому-же съ сектантскимъ, доктринерскимъ образомъ мыслей, неспособнымъ къ практическимъ политическимъ компромиссамъ. Эти люди до сихъ поръ не убѣждены въ необходимости подчиниться голосу страны и только усиливаются послѣ недавнихъ выборовъ еще болѣе фанатизировать страну въ пользу своей крайней политики, не замѣчая, что при всей своей пассивности страна противна этой политикѣ, какъ она, напр., противна при своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ распрѣ правительствъ съ церковью.

Наиболѣе однородною и наилучше сплоченною республиканскою фракціей является самая крайняя радикальная, предводимая г. Клемансо. Если болѣе умѣренныя республиканскія группы будутъ не въ силахъ образовать свое министерство безъ всякихъ уступокъ этой фракціи, то во Франціи считаютъ возможнымъ образованіе кабинета г. Клемансо. Подобное правительство, не имѣющее ничего общаго съ правительственными преданіями Европы и съ желаніями самого французскаго народа, онъ долго выдержать не можетъ и, чтобъ отъ него избавиться, можетъ искать спасенія во всякихъ переворотахъ. Потому французскіе монархисты весьма серьезно видятъ въ кабинетѣ г. Клемансо первый шагъ къ своему торжеству, и весьма возможно, что при своемъ значительномъ числѣ въ новой палатѣ они могутъ содѣйствовать этому шагу. Но затѣмъ вопросъ о томъ, какъ монархическія партіи и ихъ претенденты раздѣлятъ между собою добычу, еще болѣе труденъ, чѣмъ вопросъ объ образованіи того или другаго республиканскаго кабинета.

Въ Германіи всего болѣе заняты предстоящими воборами депутатовъ въ прусскій ландтагъ, который не только первенствующее мѣстное представительное собраніе въ Германіи, но имѣетъ могущественное вліяніе и на общегерманскій парламентъ. Насколько можно судить по нынѣшнему избирательному движенію, характеръ новой прусской палаты измѣнится лишь въ томъ отношеніи, что національ-либералы, подъ главенствомъ своего главнаго вождя г. Бенингсена, окончательно примкнули къ консервативнымъ группамъ и къ правительству и такимъ образомъ прекращаютъ свое существованіе, какъ самостоятельная и оппозиціонная партія. Черезъ это значительно усиливается и прусское и германское правительство, которое не вынуждено теперь, чтобъ располагать большинствомъ въ парламентѣ, и въ прусскомъ и въ общегерманскомъ, искать болѣе неудобной для него опоры въ католической группѣ (въ центрѣ). Черезъ это также ослабляется оппозиція прогрессистовъ, которые теперь окончательно не могутъ болѣе разсчитывать на союзъ съ національ-либералами. Черезъ все это еще болѣе упрощается внутренняя, а вмѣстѣ съ нею и внѣшняя политика кн. Бисмарка; хотя онъ и прежде не слишкомъ стѣснялся парламентской оппозиціей, однако уменьшеніе парламентскихъ «треній», на которыя онъ всегда такъ горько жаловался, значительно облегчаетъ его государственную дѣятельность и энергію его дѣйствій.

Въ жизни Германіи всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе общественнаго мнѣнія Европы продолжающаяся административная высылка заграницу десятковъ тысячъ иностранцевъ, преимущественно русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, изъ восточныхъ провинцій Пруссіи. Всѣ органы печати другихъ странъ, всѣхъ партій и самыхъ умѣренныхъ политическихъ оттѣнковъ—выражаютъ свое негодованіе противъ этой государственной мѣры, давно неслыханной въ Европѣ. Иностранцы, принадлежащіе къ рабочимъ и бѣднымъ классамъ, мирно трудящіеся въ Пруссіи, изгоняются изъ нея не вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ преступленій и проступковъ, а только потому, что они иностранцы. Недавно издатель весьма авторитетнаго французскаго журнала «L' Economiste Français»—Поль Леруа-Болье, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ, наиболѣе разсудительныхъ и самыхъ умѣренныхъ публицистовъ современной Франціи, не увлекающійся теоріями и практическій во всѣхъ своихъ сужденіяхъ, по-

святилъ этому предмету весьма интересную статью. Онъ доказываетъ, что упомянутая мѣра не можетъ быть оправдана никакими мотивами прусской политики и что она можетъ быть только крайне вредна для самой Пруссіи, еслибы подражаніе ей, въ видѣ репрессаліи, распространилось въ другихъ странахъ, гдѣ работаютъ громадныя массы нѣмцевъ. Г. Леруа-Болье говоритъ, что распространеніе въ Европѣ гоненія на иностранныхъ рабочихъ угрожало-бы всей европейской цивилизаціи, такъ-какъ свобода занятій всякаго иностранца въ каждой европейской странѣ и свобода перехода изъ одной страны въ другую, съ сохраненіемъ своего подданства, сдѣлались неотъемлемою принадлежностью этой цивилизаціи... Эта мирная свобода замѣнила прежнія кровавыя войны европейскихъ народовъ за захватъ земель, и отмѣна ея угрожаетъ возобновленіемъ этихъ войнъ, этой звѣрской средневѣковой «борьбы за существованіе», т. е. за хлѣбъ. Посредствомъ свободы выбора занятій въ разныхъ странахъ, европейцы разныхъ націй, для общаго блага, раздѣляютъ между собою трудъ сообразно своимъ особымъ наклонностямъ и воспитанію. Не можемъ не замѣтить, что, кромѣ прусскихъ офиціозныхъ газетъ, только со стороны нѣкоторой части нашей печати было выражено сочувствіе къ прусской мѣрѣ и даже заявлено желаніе, чтобы она нашла себѣ у насъ подражаніе.

Начавшіяся засѣданія австрійскаго парламента отличались чрезвычайно бурнымъ характеромъ, какого не запомнятъ даже въ Австріи; національная вражда представителей разныхъ народовъ короны Габсбурговъ получаетъ такое крайнее развитіе, какого она не знавала даже при господствѣ централистической нѣмецкой политики. Теперь эта вражда разыгрывается главнѣйше между нѣмцами, оттолкнутыми отъ власти, и всѣми прочими національностями. Это можетъ быть всего опаснѣе для равновѣсія политической жизни Австріи. Никакая другая національность, кромѣ нѣмецкой, неспособна овладѣть кормиломъ австрійскаго правленія, и сверхъ того, всѣ другіе народы не враждуютъ между собою, только пока они соединены противъ нѣмцевъ, и то далеко не всегда. Не можетъ же мадьярская нація, единственно способная, кромѣ нѣмецкой, къ государственному дѣлу, поглотить въ себѣ всю Австрію и всѣ ея народы! Въ этихъ самыхъ плачевныхъ условіяхъ своей внутренней государственной жизни, Австрія способна къ какому-нибудь внѣшнему дѣйствію, къ какой-нибудь иностранной политикѣ—только при помощи Германіи; такъ она и поступаетъ.

Передъ тучами, собравшимися теперь на юго-востокѣ Европы, можетъ быть наканунѣ событій, готовыхъ извергнуться изъ этихъ тучъ на нашу часть свѣта, не мѣшаетъ вдуматься во внутреннее положеніе ея первостепенныхъ государствъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ вдумываться въ это положеніе,—и это отчасти было видно изъ вышеуказанныхъ фактовъ политической жизни этихъ дней,—тѣмъ болѣе мы должны убѣдиться, что къ могущественному и самостоятельному внѣшнему дѣйствію способны только Англія, Германія и Россія. Италія весьма благоустроилась внутренне въ новѣйшее время, но она еще не доросла до возможности иностранной политики совершенно самобытной и безъ какого-либо союза. Не можемъ забыть, что натуральное могущество Россіи и самобытность ея внѣшняго дѣйствія были не разъ парализованы въ исторіи международными недоразумѣніями, чтобы не сказать — такъ называемыми «иностранными интригами», лучше—чужеядными интересами. Будемъ твердо уповать, что теперь такихъ препонъ для политики и могущества Россіи не встрѣтится.

В. Б.

XIV

10 ноября

Дѣла Балканскаго полуострова.—Исключеніе князя Александра изъ русской арміи.—Наша дѣятельность въ Болгаріи.—Война между Сербіей и Болгаріей.—Отношенія Австріи къ этой войнѣ и къ международному концерту.—Результаты константинопольской конференціи.—Положеніе Россіи въ восточномъ вопросѣ.

НАПРЯЖЕННОЕ положеніе Балканскаго полуострова наконецъ разрѣшилось нѣкоторыми положительными фактами, которые, хотя и весьма печальны и далеко не позволяютъ еще предвидѣть будущій ходъ событій, но по крайней мѣрѣ дали нѣкоторое движеніе дѣламъ, послѣ того смутнаго застоя, въ какомъ они находились около двухъ недѣль тому назадъ, и бросили на нихъ нѣкоторый свѣтъ. Важнѣйшими изъ этихъ фактовъ были: исключеніе князя Александра Болгарскаго, генералъ-лейтенанта на русской службѣ, изъ списковъ русской арміи и открытіе войны между Сербіей и Болгаріей. Какъ ни грустны эти событія, съ которыми связано не мало новыхъ осложненій въ международныхъ отношеніяхъ и Европы и Россіи, но они не особенно встревожили общественное мнѣніе, потому что публика ни малѣйшимъ образомъ не довѣряла оптимистическимъ обѣщаніямъ оффиціозной дипломатической печати, что всѣ волненія на Балканскомъ полуостровѣ внезапно утихнутъ и status quo внезапно водворится въ восточной Румеліи по одному знаку «единодушной Европы» и мановенью перьевъ ея дипломатическаго ареопага, засѣдающаго въ Константинополѣ! Не вѣрили этимъ обѣщаніямъ, вѣроятно, и сами дипломаты, хотя, несмотря на громъ оружія въ Балканахъ, они продолжаютъ и до сегодня свои успокоительныя увѣренія, можетъ быть необходимыя, чтобы показать міру, что они что-нибудь дѣлаютъ.

Рѣшительное распоряженіе нашего правительства произвело глубокое впечатлѣніе и у насъ, и вездѣ въ другихъ странахъ, несравненно даже болѣе сильное, чѣмъ объявленіе Сербіей войны Болгаріи. И это весьма естественно; значительныя политическія послѣдствія, отсюда истекающія для будущаго, неисчислимы. Россія признается главнымъ факторомъ во всѣхъ историческихъ движеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ славянскомъ мірѣ, а позорное снятіе русскаго мундира съ государя славянскаго государства, къ тому же находившагося подъ ближайшимъ покровительствомъ Россіи, рѣзко и безповоротно опредѣлило положеніе, занятое ею не только относительно болгарскаго правительства, но и болгарскаго народа, пока онъ слѣпо идетъ за княземъ Александромъ, отчасти и относительно всего славянскаго міра. Впечатлительно было это распоряженіе и само по себѣ, какъ едва-ли не единственное въ своемъ родѣ относительно чужеземнаго государя. Послѣ этого, уже немыслимы никакія нормальныя международныя сношенія русскаго правительства, да и самой Россіи, даже отдѣльныхъ частныхъ русскихъ людей, не только съ княземъ Александромъ, но и съ Болгаріей, пока она находится подъ его правленіемъ. Затѣмъ, если при тѣхъ или дру-

гихъ политическихъ случайностяхъ, или при успѣхѣ дѣйствія со стороны многочисленныхъ враждебныхъ намъ иноземныхъ партій, водворившихся даже въ славянскомъ мірѣ и въ самой Болгаріи, другія европейскія державы не согласятся на сверженіе князя Александра съ болгарскаго престола, то Россіи придется или вступить въ борьбу со всею остальною Европой изъ-за этого личнаго вопроса или, —что гораздо вѣроятнѣе,—отказаться безусловно отъ всякихъ отношеній къ Балканскому полуострову и ко всему славянскому міру, гдѣ болгарская земля была самою прочною и даже единственною нашею точкою опоры. Такъ печально разыгрались для насъ результаты послѣдней войны и всѣхъ великихъ нашихъ жертвоприношеній на освобожденіе христіанскихъ народовъ Турціи!

Никто не можетъ оспоривать, что князь Александръ Баттенбергскій, и своимъ личнымъ поведеніемъ, и всѣми своими дѣйствіями относительно облагодѣтельствовавшаго его русскаго правительства, вполнѣ заслужилъ разразившуюся надъ нимъ кару; филиппопольскій переворотъ, самовольно принятый имъ подъ свою руку, еще можетъ, сравнительно со всѣми другими его поступками, легче найдти для себя оправданіе, и въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніи. Другія его дѣянія, и съ русской и съ общенравственной точки зрѣнія, заслуживали еще большаго порицанія. Опубликованныя въ Правительственномъ Вѣстникѣ (№№ 233, 234 и 235) корреспонденціи изъ Софіи, вслѣдъ за мѣрою, принятою относительно князя болгарскаго, совершенно ее объясняютъ; изо всего того положенія, которое устроилось для представителей русскаго правительства въ княжествѣ Болгарскомъ и около его государя, и которое съ необыкновенною откровенностью живописуется въ этихъ корреспонденціяхъ, не было, очевидно, никакого другаго для насъ почетнаго выхода, какъ полное отреченіе отъ князя Александра и отозваніе изъ Болгаріи всѣхъ военныхъ русскихъ чиновъ.

Изо всего того, что сдѣлалось извѣстнымъ съ начала новѣйшаго балканскаго кризиса до сихъ поръ, упомянутыя корреспонденціи должны производить самое удручающее впечатлѣніе на каждаго истинно русскаго человѣка, любящаго свое отечество; но сознательно относящагося къ его дѣламъ и не увлекающагося никакими патріотическими фантазіями. Этотъ, какъ надо полагать, совершенно правдивый разсказъ объ отношеніяхъ, въ какихъ находились представители русскаго государства и народа къ правительству и ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ Болгаріи, наводитъ на самыя мрачныя размышленія. Ничего болѣе прискорбнаго и обиднаго для русскаго чувства намъ не случалось читать и слышать. Укажемъ здѣсь только на самый общій выводъ изо всего этого разсказа, изъ котораго прямо истекла филиппопольская революція, со всѣми дальнѣйшими своими послѣдствіями. Этотъ общій выводъ заключается въ томъ, что сколько ни смѣнялось нашихъ представителей и агентовъ въ Болгаріи, наше положеніе тамъ неуклонно шло, въ теченіе семи лѣтъ послѣ войны, лишь къ тому, что не только наше вліяніе дѣлалось самымъ ничтожнымъ, сравнительно съ другими правительствами и націями, но что всѣ наиболѣе вліятельные и дѣйствующіе общественные кружки и лица, за незначительными и почти только единичными исключеніями, становились болѣе и болѣе къ намъ враждебными. И это случилось въ странѣ съ народонаселеніемъ, намъ единокровнымъ и единовѣрнымъ, почти нетронутымъ западно-европейскою цивилизаціей и враждебными намъ западно-европейскими стихіями, въ то время, когда мы въ нее вступили,—съ народонаселеніемъ, жившимъ исключительно непосредственнымъ чувствомъ крови и вѣры, одинаковыхъ съ нашими; въ странѣ, политически нами созданной, съ правительствомъ, нами поставленнымъ, съ государственнымъ строемъ, нами организованнымъ; съ русскимъ генераломъ въ должности военнаго министра,— самаго значительнаго министра во все время, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ; съ русскими офицерами во главѣ всего ея войска, нами организованнаго! Наконецъ, ко всему этому надо еще присовокупить, что большинство лицъ въ дѣй-

ствовавшихъ политическихъ кружкахъ Болгаріи, столь враждебно настроившихся къ намъ, и даже главныя между ними, получили свое воспитаніе въ Россіи!

Трудно себѣ представить, какъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, можно было дойти до такаго плачевнаго результата боевой, государственной и общественной нашей дѣятельности въ славянскомъ мірѣ. Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Этотъ фактъ есть самый для насъ значительный во всѣхъ новѣйшихъ событіяхъ Балканскаго полуострова. Ограничиваться въ этомъ случаѣ одними воздыханіями о неблагодарности Болгаръ было-бы всего легкомысленнѣе и безплоднѣе, не только для нашего народнаго самосознанія, но и для нашихъ дальнѣйшихъ практическихъ дѣйствій по восточному вопросу.

Указанный непреложный и оффиціально засвидѣтельствованный общій выводъ изъ нашей семилѣтней дѣятельности въ Болгаріи тѣмъ рѣзче и прискорбнѣе, что онъ совершенно противуположенъ результатамъ дѣятельности Австріи на томъ же поприщѣ. При всѣхъ условіяхъ, неизмѣримо менѣе благопріятныхъ, даже противоположныхъ нашимъ, она водворила порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ, положила въ нихъ начала гражданскаго благоустройства и преуспѣянія, и подчинила своему политическому и нравственному вліянію не только эти земли, но и Сербію, и распространяетъ это вліяніе на весь Балканскій полуостровъ.

Всмотрѣться чистосердечно во все это явленіе, едва-ли не всего болѣе обезсилившее насъ на политическихъ вѣсахъ Европы, не скрывать отъ себя никакихъ его мрачныхъ для насъ сторонъ и причинъ, это первая наша патріотическая обязанность и первое условіе болѣе успѣшныхъ нашихъ дѣйствій въ будущемъ.

Всего ошибочнѣе и вреднѣе для нашихъ будущихъ успѣховъ было-бы ссылаться здѣсь на вину другихъ, напр. оправдывать себя чужеземными интригами. Въ какомъ-же государственномъ и въ особенности международномъ дѣлѣ не приходится бороться съ враждебными интригами? На эту неизбѣжную борьбу всегда тратится половина силъ государственныхъ дѣятелей, и умѣнье овладѣть ею есть первое требуемое отъ нихъ качество. Ошибочно было бы также обвинять тѣ или другія отдѣльныя личности, дѣйствовавшія въ Болгаріи; ихъ было великое множество и онѣ были весьма разнородны въ теченіи семи лѣтъ, а несостоятельность наша была непрерывная и одинаковая при тѣхъ или другихъ личностяхъ.

Въ высшей степени важно для улучшенія нашихъ дѣлъ, и не на одномъ только Балканскомъ полуостровѣ, а вообще,—ближе вглядѣться въ болѣе глубокія и истинныя, такъ сказать, органическія причины этой несостоятельности. Во-первыхъ, самое положеніе наше въ Болгаріи, наши отношенія къ ней и къ ея правительству были такъ смутны, что въ нихъ не могли бы найдтись самые искусстные государственные люди. Смутность этихъ отношеній чрезвычайно характеристично истекаетъ изъ упомянутыхъ выше оффиціальныхъ корреспонденцій изъ Софіи. Невозможно малѣйшимъ образомъ опредѣлить и уловить, какого рода были эти отношенія съ точки зрѣнія права. Находились ли представители Россіи и русскіе военные чины въ русской области, въ землѣ намъ подвластной или завоеванной, или временно занятой нами, въ русской зарубежной колоніи, въ государствѣ, находящемся въ вассальныхъ къ намъ отношеніяхъ или подъ нашимъ протекторатомъ, или наконецъ въ государствѣ, совершенно независимомъ или-же подвластномъ другой державѣ (Турціи)? Нельзя ничего этого понять ни изъ фактическаго, ни изъ юридическаго положенія нашего въ Болгаріи въ теченіе всего періода, послѣ прекращенія нашей военной оккупаціи. Это положеніе было сходно съ каждою категоріей указанныхъ отношеній и не подходило ни подъ одну. Отсюда крайняя путаница всѣхъ личныхъ отношеній всѣхъ нашихъ представителей къ болгарскому правительству и народу. Уже одна эта путаница обрекала каждаго изъ нашихъ дѣятелей Болгаріи, отъ высшихъ до самыхъ нисшихъ, на полное безсиліе. Таже путаница, по тойже причинѣ, порождалась и въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ къ другимъ

европейскимъ державамъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся Болгаріи и поэтому даже всего Балканскаго полуострова. Для самаго геніальнаго дипломата было бы затруднительно справиться съ этими вопросами, при этой путаницѣ международнаго права. Положеніе-же Австріи на Балканскомъ полуостровѣ ясно и просто. Боснію и Герцеговину она занимаетъ или оккупируетъ на основаніи военнаго положенія;— въ этихъ земляхъ ей юридически и фактически принадлежитъ верховная власть (съ извѣстными, точно опредѣленными ограниченіями), пока въ ней стоятъ ея войска. Къ Сербіи и къ другимъ балканскимъ государствамъ, она относится какъ къ вполнѣ независимымъ. Она всевластно, въ силу своего нравственнаго и политическаго вліянія, распоряжается въ Сербіи; но неможетъ быть привлечена ни къ какой за нее отвѣственности ни передъ сербскимъ народомъ, ни передъ другими государствами, умывая во всемъ себѣ руки и отзываясь, что это страна безусловно политически независимая. Такъ уже не разъ и было.

Далѣе, всѣмъ русскимъ должностнымъ лицамъ въ Болгаріи приходилось бороться еще съ другими необычайными затрудненіями, какихъ не имѣютъ передъ собою австрійцы въ Босніи и Герцеговинѣ. Эти затрудненія заключаются въ условіяхъ государственнаго строя, который не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ прошлымъ болгарскаго народа, и который искусственно насадилъ въ странѣ необразованной, томившейся въ рабствѣ, только что пробужденной къ самостоятельной государственной жизни, начала не только конституціоннаго порядка, но даже крайняго западно-европейскаго парламентаризма. Отсюда возникло множество болѣзненныхъ политическимъ явленій въ Болгаріи. Надъ этимъ парламентаризмомъ глумится и предостерегаетъ болгаръ противъ его развитія такой истый европеецъ и искренній либералъ, какъ г. Лавеле, описывающій въ Revue de deux Mondes любопытные результаты своего недавняго путешествія и своихъ наблюденій на Балканскомъ полуостровѣ.

Наконецъ, сверхъ всего, неужели мы не обязаны въ этомъ сознаться, что въ нашей семилѣтней дѣятельности въ Болгаріи сказалась вообще вся наша административная неумѣлость. Обвинить въ ней то или другое отдѣльное лицо было бы несправедливо. Такъ напримѣръ изо всѣхъ свѣдѣній о нашихъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи видно, что личные вопросы, вопросы самолюбія, междоусобныя распри между самими русскими людьми господствовали надъ государственными цѣлями и принципами. Но развѣ это не общій нашъ порокъ? И тѣ, крайне неблагопріятныя условія для нашей государственной дѣятельности, о которыхъ мы говорили выше, смутныя международныя отношенія, въ которыхъ мы стояли къ Болгаріи, и государственный строй, въ ней введенный, — все это дѣло собственныхъ нашихъ рукъ, и во всемъ этомъ мы обязаны прежде всего винить себя самихъ.

Всѣ чрезвычайныя затрудненія, въ которыя поставлено теперь наше правительство по отношенію къ Болгаріи и къ западной Европѣ по восточному вопросу, составляютъ только самыя естественныя послѣдствія прошедшаго, и именно послѣдней восточной войны и въ особенности ея заключенія, злосчастнаго берлинскаго трактата.

Война Сербіи съ Болгаріей встревожила такъ мало общественное мнѣніе въ Европѣ не только потому, что она была ежедневно всѣми ожидаема, но также и потому, что она подала нѣкоторую надежду на приближеніе какой-нибудь развязки замѣшательствъ, которымъ не видно было конца на константинопольской конференціи; эта война также нѣсколько вскрыла общее запутанное положеніе, открывъ на него глаза заинтересованнымъ лицамъ. Нечего и говорить, что это братоубійственное побоище самое безсмысленное и печальное, какое когда-либо бывало. Еще коренные враги славянъ, турки, стоятъ подлѣ нихъ, и непредвидится еще конца ихъ царству въ Европѣ, а двѣ, едва освободившіяся отъ ихъ ига славянскія народности уже вступили между собою въ междоусобіе и ослабляютъ себя надолго, къ радости всѣхъ враговъ славянскаго міра. Объявленіе войны Сербіей не имѣло ни малѣйшаго не

только основанія, но даже повода, и вторженіе ея войскъ въ Болгарію было самое насильственное. О безсмысліи войны противъ вассальнаго государства, съ заявленіемъ къ тому-же со стороны сербскаго короля дружественныхъ чувствъ къ Портѣ, и говорить нечего. Сербія сдѣлалась предметомъ всеобщаго осужденія въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ только одной Австро-Венгріи (т. е., ея офиціальной среды).

Первоначальные быстрые успѣхи сербовъ были пріостановлены побѣдою болгаръ (при Сливницѣ), которая, по общему мнѣнію, была значительна. Тутъ болгары опять не могутъ не вспомнить съ благодарностью о Россіи; организація и обученіе ихъ войскъ было самымъ удачнымъ нашимъ дѣломъ въ этой странѣ. Но какъ-бы ни были лживы извѣстія, идущія изъ обоихъ лагерей и какъ-бы ни было трудно судить по нимъ о дальнѣйшемъ ходѣ войны, нужно предполагать, съ наибольшею вѣроятностью, на основаніи сравнительныхъ силъ обѣихъ странъ, что въ окончательномъ результатѣ и весьма скоро Сербія одержитъ верхъ надъ Болгаріей.

Тутъ будетъ неизбѣжно начало какой-нибудь развязки, или начало совсѣмъ новыхъ событій для Европы, тѣмъ болѣе, что князь болгарскій уже принесъ повинную и вполнѣ подчинился Портѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Европѣ. Насильственный захватъ Сербіей столицы Болгаріи, или же части болгарской территоріи, не можетъ быть и не будетъ предоставленъ на волю сербскаго правительства; какъ-бы ни была разъединена Европа,—а можетъ быть даже именно потому, что она разъединена,—тутъ неизбѣжно начнется прямое вмѣшательство всей Европы, или нѣкоторыхъ державъ въ сербо-болгарскія дѣла. А это вмѣшательство уже навѣрное не будетъ только платоническое или академическое, подобное дѣйствіямъ константинопольской конференціи. Это-то вмѣшательство и можетъ повлечь за собою совсѣмъ новую фазу дѣлъ на юго-востокѣ Европы.

Затѣмъ, какъ ни печальна и ни безсмысленна эта война, обѣ страны могутъ извлечь изъ нея большую пользу для своего политическаго созрѣванія и воспитанія. И народы, также какъ отдѣльные люди, никакъ не могутъ научиться жизни, не испытавъ жить и дѣйствовать на свой собственный страхъ и не вкусивъ горечи этихъ испытаній. Въ частности, для Болгаріи это немаловажная военная школа, которая можетъ ей понадобиться въ будущемъ для болѣе серьезныхъ національныхъ цѣлей. Прошли и другіе народы черезъ такую-же школу; напр. Германія до своего объединенія прошла черезъ подобную-же братоубійственную войну 1866 г.

Наконецъ, наибольшая польза, въ которой можно искать утѣшенія посреди тягостныхъ впечатлѣній этой безумной славянской рѣзни, заключается въ томъ, что она бросила свѣтъ на самыя существенныя международныя отношенія восточной Европы и именно на положеніе въ нихъ Австро-Венгріи. Если шатки слухи о подстрекательствахъ Сербіи къ войнѣ, шедшихъ изъ Австро-Венгріи, о прямыхъ ея пособіяхъ на войну, то несомнѣнно, что при своемъ нынѣшнемъ всемогущемъ вліяніи на офиціальныя сферы Сербіи, она могла бы, если бы захотѣла, удержать короля Милана отъ его предпріятія. Первыя побѣды сербовъ вызвали громкія рукоплесканія въ венгерской делегаціи, т. е., въ политической средѣ, господствующей нынѣ въ имперіи Габсбурговъ. Дѣйствіе или бездѣйствіе вѣнскаго правительства въ сербо-болгарской войнѣ, идущее въ разрѣзъ съ соглашеніемъ восточныхъ державъ, которое было положено въ основаніе константинопольской конференціи и которымъ такъ много хвалилась офиціозная дипломатическая печать, ясно опредѣлило наконецъ отношенія этого правительства къ этому соглашенію и должно-же вразумить всѣхъ, даже наиболѣе слѣпо вѣровавшихъ въ это соглашеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, открывается для Россіи возможность пріобрѣсти величайшее благо, какого она только можетъ желать для себя въ восточномъ вопросѣ, въ настоящую минуту — свободу дѣйствій,—и освобожденіе отъ опасностей фальшиваго положенія, которое, какъ мы говорили раньше, хуже всего, хуже даже положенія критическаго, потому что всегда нежданно и негаданно можетъ привести къ нему.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ очень порадоваться окончанію занятій константинопольской конференціи. Продолженіе ея академическихъ занятій, вопреки сербоболгарской войнѣ и открытому поруганію со стороны Сербіи и надъ международнымъ правомъ, и надъ концертомъ Европы, дѣлалось просто комическимъ. Конференція, какъ всѣ ожидали, не привела безусловно ни къ чему: она окончательно постановила, чтобы Турція отправила въ восточную Румелію своего коммисара для водворенія тамъ порядка, т. е. status quo, и также, чтобы была учреждена международная коммисія для изслѣдованія положенія дѣлъ въ восточной Румеліи и изысканія способовъ улучшенія ея управленія. Въ первой части этого постановленія не было никакой надобности, ибо блистательная Порта имѣла и безъ того право отправить въ Румелію, вслѣдъ за филиппопольскимъ переворотомъ, не только своихъ коммисаровъ, но и свои войска; это право было снова подтверждено за Портой самимъ княземъ болгарскимъ, отказавшимся отъ послѣдствій филиппопольской революціи и предавшимся въ ея руки. А сдѣлалъ онъ это никакъ не подъ угрозами конференціи, а только подъ угрозами сербскаго натиска. Для Турціи, конечно, удобнѣе, что теперь для всякихъ военныхъ экзекуцій и избіеній, какія ей могутъ понадобиться въ Румеліи, да и въ другихъ своихъ областяхъ, она можетъ ссылаться на прямыя велѣнія Европы. Но было бы еще хуже для интересовъ и болгарскаго народа и Россіи, если бы эти экзекуціи были возложены на какихъ-нибудь европейскихъ коммисаровъ и на европейскія войска. Теперь, если Россія найдетъ нужнымъ ограничить эти экзекуціи и снова заступиться за судьбу Болгаріи, она будетъ имѣть передъ собою только Порту. Объединеніе болгарской націи, хотя бы и неудачно предпринятое княземъ Алекандромъ и его сообщниками, все-таки будетъ висѣть надъ Европой и останется задачей Россіи. Что-же касается до второй части постановленія конференціи, то она самаго невиннаго свойства; даже каждый частный ученый путешественникъ, безъ всякаго соизволенія европейскихъ державъ, можетъ дѣлать свои изысканія въ восточной Румеліи, какъ и во всякой другой турецкой области, и начертывать свои планы объ усовершенствованіи ея управленія и ея учрежденій.

Самымъ блистательнымъ оказывается нынѣ политическое положеніе Блистательной Порты. И всѣ христіанскіе народы Балканскаго полуострова, и всѣ европейскія державы обращаются къ ней, къ ея помощи, къ ея совѣтамъ, рѣшеніямъ и дѣйствіямъ. И она стоитъ превыше всѣхъ разногласій и всѣхъ партій! Это явленіе лучше всего свидѣтельствуетъ о глубокомъ разъединеніи въ европейскомъ политическомъ мірѣ.

Офиціозная печать не только восточной Европы, но и Франціи, громко и рѣзко обвиняетъ за несостоятельность константинопольской конференціи Англію, которая одна дѣлала оппозицію единодушію прочихъ державъ и внесла диссонансы въ европейскій концертъ. Великобританскій кабинетъ впрочемъ съ свойственною англичанамъ откровенностью, сознается въ этой оппозиціи; глава кабинета, лордъ Сальсбери, въ своей рѣчи на банкетѣ лондонскаго лорда-мера, прямо заявилъ свое несогласіе съ восточными державами и свои сочувствія къ болгарской революціи. Вслѣдъ за нимъ, вождь оппозиціонной партіи, г. Гладстонъ, громко высказалъ свое полное одобреніе восточной политикѣ лорда Сальсбери. Имѣемъ ли мы какое-нибудь право сѣтовать на то, что Англія воспользовалась случаемъ, чтобы занять самое выгодное для себя положеніе не только въ Болгаріи, но и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и во всемъ славянскомъ мірѣ? Мало этого. Мы не только не имѣемъ права быть недовольны Англіей, но мы даже обязаны ей благодарностью,—и не за одну только ея откровенность въ крайне враждебныхъ чувствахъ, проповѣдуемыхъ ею теперь противъ Россіи. Мы обязаны ей за разстройство того фальшиваго единодушія въ Константинополѣ, которое бы послужило только къ величайшему вреду Россіи. Мы не знаемъ, какія бы еще могли быть приняты мѣры къ умиротворенію Болгаріи и Сербіи, болѣе рѣшительныя и менѣе невинныя, чѣмъ тѣ, которыя постановлены, въ

томъ случаѣ, если бы не разстроилось это единодушіе. Но нельзя не быть увѣреннымъ, что всѣ эти мѣры, какія только мыслимы, связали бы Россію, вопреки ея самымъ кореннымъ интересамъ, и нравственнымъ, глубоко историческимъ и идеальнымъ, и самымъ практическимъ, насущнымъ интересамъ сегодняшняго дня; всѣ эти общеевропейскія мѣры поставили бы насъ только въ положеніе, еще болѣе фальшивое, чѣмъ какое для насъ было, — въ положеніе, изъ котораго намъ пришлось бы выпутываться съ величайшими усиліями и жертвами. Разстройство европейскаго концерта и закрытіе константинопольской конференціи развязываютъ намъ руки, а это все, что было нужно Россіи.

Не можемъ въ заключеніе не констатировать одного замѣчательнаго факта. При нѣкоторыхъ разногласіяхъ, даже рѣзкихъ, разныхъ органовъ нашей печати въ воззрѣніяхъ на дѣла Балканскаго полуострова,— разногласіяхъ, впрочемъ заключающихся гораздо болѣе въ словопреніяхъ, чѣмъ въ спорахъ по существу,—всѣ они необыкновенно единодушны въ одномъ: въ необходимости для Россіи воздержаться *теперь* отъ всякаго дѣйствія, даже устранить себя отъ всякаго вмѣшательства въ неурядицу, объявшую Балканскій полуостровъ. Въ этомъ всѣ видятъ самое вѣрное и достойное Россіи средство выйти изъ всѣхъ нынѣшнихъ затрудненій и приготовить себя къ могущественному дѣйствію во всѣхъ случайностяхъ будущихъ событій, согласно съ интересами Россіи и славянскаго міра. Этотъ столь необыкновенный у насъ фактъ единодушія печати всѣхъ оттѣнковъ обращаетъ на себя вниманіе. Если позволено сколько-нибудь видѣть въ нашей печати отраженіе нашего общественнаго мнѣнія, то въ этомъ взглядѣ печати оно несомнѣнно заявило себя. Впрочемъ тотъ же взглядъ высказывается и внѣ печати, въ обществѣ.

Обозрѣніе всѣхъ другихъ европейскихъ дѣлъ, которыя всѣ отступили совсѣмъ на задній планъ и въ которыхъ не произошло ничего крупнаго въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, мы отлагаемъ до слѣдующаго раза.

В. Б.

XV

26-го ноября.

Слабость предвидѣнія въ событіяхъ историческихъ.—Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Побѣды Болгаріи.—Высочайшій приказъ отъ 18 ноября.—Положеніе Австро-Венгріи въ восточномъ вопросѣ. — Результаты константинопольской конференціи.—Общее состояніе политической атмосферы.—Кончина короля Альфонса XII.—Вліяніе новой палаты на дѣла Франціи; духъ конвента.—Парламентское слѣдствіе надъ тонкинскою экспедиціею.—Результаты парламентскихъ выборовъ въ Великобританіи.—Ирландская крамола.—Бурныя засѣданія въ германскомъ парламентѣ; изгнаніе поляковъ изъ Пруссіи.

На дняхъ положеніе нашей планеты въ пространствѣ вселенной было таково, что оно считалось бы критическимъ въ прежнее время. Не только астрономы, но и простые смертные могли видѣть на небѣ, 15 ноября, величественное зрѣлище — необычайный потокъ падающихъ звѣздъ. Еще величественнѣе заявила себя при этомъ сила человѣческой науки на землѣ. Нетолько съ величайшею точностью извѣстна и объяснена астрономами причина этого явленія въ солнечной системѣ, но оно задолго впередъ было предвидѣно, также какъ опредѣлено повтореніе его въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1892 и 1898 г.г., а при дальнѣйшихъ астрономическихъ наблюденіяхъ будетъ предсказано, съ такою же точностью, повтореніе или неповтореніе его въ будущихъ столѣтіяхъ. Въ этихъ астрономическихъ предсказаніяхъ, за десятки лѣтъ впередъ, могутъ быть ошибки только развѣ на часы, а не на дни. Извѣстно, что относительно другихъ болѣе правильныхъ явленій въ небесныхъ пространствахъ, предсказанія астрономовъ, за нѣсколько столѣтій впередъ, не ошибаются даже въ минутахъ.

Причина бывшаго потока падающихъ звѣздъ объясняется тѣмъ, что онѣ составляютъ остатки разсыпавшейся кометы Біелы, совершавшей свое обращеніе около солнца въ теченіе $6\frac{1}{2}$ лѣтъ. Время этого явленія то самое, когда земля проходитъ черезъ точку пересѣченія орбитъ ея и Біелы. Въ исторіи этой кометы, въ теченіе двухъ послѣднихъ періодовъ ея обращенія, замѣчено, что она разсыпалась на куски, которые еще продолжаютъ то же движеніе, пока совсѣмъ не разсыплются на мельчайшіе атомы. Прежде (до 1866 г.), когда еще существовало ядро Біелы и потомъ два ея ядра (на которыя она раскололась съ 1846 г.), ожиданіе момента пересѣченія ея орбиты нашею планетою наполняло европейское общество ужасомъ; возможность столкновенія земли съ кометою, которое угрожало положить конецъ исторіи человѣчества, не отвергали даже и астрономы, хотя они и не считали эту послѣднюю опасность достовѣрною (вслѣдствіе рѣдкости массы кометы). Эта опасность для человѣчества миновала безусловно, съ 1866 г., съ превращеніемъ Біелы въ аэролиты, или падающія звѣзды.

Мы заговорили объ этомъ небесномъ явленіи, конечно, не ради его самого. Какъ оно ни замѣчательно и какъ оно даже ни соприкасается съ судьбою человѣческаго рода, оно обратило на себя слишкомъ мало вниманія, посреди взволнованной политической жизни послѣднихъ дней. Но оно внушаетъ размышленіе, тѣсно связанное съ событіями этихъ самыхъ дней. Эти событія были совсѣмъ неожиданны, и об

мануди самыя основательныя ожиданія людей, самыхъ знающихъ въ дѣлахъ государственной жизни. Или науки о человѣческомъ обществѣ, историческія и государственныя, еще не достигли зрѣлости астрономіи, или самый предметъ ихъ заключаетъ въ себѣ элементы, не поддающіеся такому-же разумѣнію, какъ законы движенія небесныхъ тѣлъ, и не допускаетъ такой же точности знанія? Какъ бы то ни было, но историки и государственные люди не могутъ даже за нѣсколько дней, даже часовъ, малѣйшимъ образомъ опредѣлить самыя обыкновенныя явленія, подлежащія ихъ постоянному наблюденію и изученію, тогда какъ астрономы задолго впередъ опредѣляютъ, день въ день, ходъ такихъ чрезвычайныхъ явленій во вселенной, такъ называемыхъ пертурбацій, каковы кометы. Масса обыкновенныхъ государственныхъ людей, которая управляетъ большею частію человѣческихъ дѣлъ, ищетъ оправданія своихъ грубыхъ ошибокъ въ этой коренной слабости всякаго государственнаго знанія; только государственнымъ геніямъ, по чутью, а не на основаніи науки, удается предвидѣть историческія событія, какъ это необходимо для всякаго успѣшнаго политическаго дѣйствія.

Отъ всего этого размышленія невозможно было удержаться вслѣдствіе совпаденія дней великолѣпнаго небеснаго явленія— потока падающихъ звѣздъ, такъ точно и ясно объясненнаго нашими астрономами, или совпаденія вступленія земли въ орбиту Біелы, со многими самыми поразительными и неожиданными историческими явленіями въ нашей части свѣта. Впереди всѣхъ этихъ явленій были всего менѣе ожиданныя блистательныя побѣды болгаръ надъ сербами, равняющіяся разбитію Сербіи Болгаріей на-голову. Это событіе, котораго еще наканунѣ никто не предвидѣлъ, дало совсѣмъ новый и крутой оборотъ всѣмъ дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ и всѣмъ отношеніямъ европейскихъ державъ какъ къ этимъ дѣламъ, такъ и между собою *).

Этотъ оборотъ хотя и запуталъ еще болѣе всѣ эти отношенія, которыя справедливо принято теперь, и въ нашей, и въ заграничной печати, называть «хаосомъ», но онъ открылъ путь къ болѣе ясному, общему политическому положенію, къ болѣе естественной позиціи для каждой державы, въ особенности Россіи, и къ-тому же къ болѣе радостной для насъ позиціи, болѣе соотвѣтствующей нашимъ историческимъ интересамъ и нашему народному чувству.

Прежде всего, побѣды Болгаріи опредѣлили ея нравственныя и матеріальныя силы, права болгарскаго народа на государственное существованіе, на историческую жизнь. Какую бы роль ни играла случайность на войнѣ, заставляющая мыслящихъ друзей человѣчества недовѣрять рѣшенію судебъ народовъ посредствомъ войнъ, но сокрушительность болгарскихъ побѣдъ, при значительной количественной слабости военныхъ силъ Болгаріи сравнительно съ Сербіей, доказала государственную мощь болгарской націи, которая едва зачалась какъ самостоятельное политическое тѣло,— доказала способность ея къ государственной жизни. Эта способность была явлена свѣту тѣмъ въ сильнѣйшей степени, что Болгарія одержала свои побѣды, находясь посреди политическаго міра въ самомъ затруднительномъ положеніи, всѣми покинутая совокупно съ своимъ правительствомъ. Блистательное торжество Болгаріи надъ Сербіей, въ особенности послѣ первоначальныхъ быстрыхъ побѣдъ послѣдней, доказало крѣпость и единство національнаго духа болгарскаго народа, въ критическую эпоху его исторической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была доказана, самымъ несомнѣннымъ образомъ, и распорядительность, способность къ государственному дѣлу болгарскаго правительства, князя Александра и его сподвижниковъ. Кромѣ множества административныхъ распоряженій, нужныхъ для войны, личная командная сила признается однимъ изъ главныхъ эле-

---

*) Въ нашихъ обозрѣніяхъ мы можемъ упоминать только о самыхъ выдающихся событіяхъ, опуская всякія фактическія подробности. Полныя свѣдѣнія о всѣхъ фактахъ современной жизни иностранной и русской читатели могутъ найдти въ другихъ отдѣлахъ «Нови» (преимущественно въ «Записной книжкѣ Редакціи» и въ «Правительственныхъ распоряженіяхъ».)

ментовъ успѣха; эту силу обнаружилъ своими дѣйствіями князь Александръ сравнительно съ совершенною личною несостоятельностью короля Милана и его военачальниковъ. Послѣ всего этого, всѣ сужденія и нашей печати, и въ особенности иностранной о Болгаріи, стали совсѣмъ другія: никто болѣе не говоритъ, что движеніе, зачавшееся въ филиппопольскомъ переворотѣ, не имѣетъ ничего народнаго и серьезнаго, что оно произведено искусственно ничтожною горстью нѣсколькихъ искателей приключеній и проходимцевъ,—какъ объ этомъ говорилось прежде. Во всей иностранной печати, и даже въ государствахъ подписавшихъ въ Константинополѣ требованіе о возстановленіи status quo ante, и даже въ ихъ офиціозной печати, признаются теперь невозможными какъ это возстановленіе,такъ и низверженіе съ престола князя Александра, о чемъ была рѣчь не такъ давно. Самые вліятельные органы офиціозной печати, каковы германскіе, заговорили теперь даже о дарованіи князю Александру королевскаго титула, котораго, по мнѣнію ихъ, онъ заслужилъ гораздо болѣе, чѣмъ посрамившій себя король Миланъ; они заговорили даже о возведеніи князя Александра, выказавшаго наиболѣе доблестей изъ всѣхъ государей Балканскаго полуострова, во главу Болгаріи и Сербіи, соединенныхъ въ одно государство. Все это, конечно, пока только праздные разговоры. Само собою разумѣется, что дальнѣйшіе и окончательные успѣхи князя Александра и его правительства будутъ совершенно зависѣть отъ ихъ политическаго благоразумія, и между прочимъ отъ ихъ умѣнья поставить себя въ правильныя отношенія къ Россіи. Но они уже достигли многаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣнились и отношенія Россіи къ Болгаріи. Самымъ торжественнымъ объ этомъ свидѣтельствомъ былъ Высочайшій приказъ по военному вѣдомству, отъ 18 ноября, которымъ выражена благодарность Государя Императора всѣмъ русскимъ военнымъ чинамъ, служившимъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи, за успѣшную дѣятельность по сформированію, воспитанію и обученію ихъ войскъ. Въ этомъ приказѣ, который произвелъ глубокое впечатлѣніе у насъ и во всей Европѣ, находятся слѣдующія достопамятныя слова: «глубоко опечаленный братоубійственною войною между славянскими народами, Государь Императоръ находитъ однако же отвагу, самоотверженіе, выносливость и уваженіе къ порядку, обнаруженныя болгарскими и румелійскими войсками, достойными высокой похвалы».

Въ сознаніи нашего общества этимъ Высочайшимъ приказомъ было положено какъ бы первое начало къ устраненію печальныхъ и неестественныхъ недоразумѣній въ нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи. Доказанныя въ болгарскихъ побѣдахъ несомнѣнныя заслуги нашихъ военныхъ чиновъ, по организаціи и воспитанію болгарскихъ войскъ, были большимъ утѣшеніемъ для русскаго общества послѣ всѣхъ прискорбныхъ нашихъ гражданскихъ неудачъ въ Болгаріи, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи. Эти заслуги не могутъ не быть признаны съ благодарностью и самимъ болгарскимъ народомъ. Кромѣ благодарности, на которую всего менѣе слѣдуетъ разсчитывать въ международныхъ отношеніяхъ, тутъ важнѣе всего то соображеніе, что плоды нашей военной дѣятельности въ Болгаріи не могутъ не упрочить въ ней признанія великаго для нея значенія Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣды болгарскихъ войскъ надъ сербскими, организованными Австріей и дѣйствовавшими по ея командѣ, были еще особенно впечатлительны, потому что эти побѣды были какъ бы практическимъ опытомъ сравненія австрійской и русской военныхъ системъ. Этотъ опытъ можетъ быть вразумителенъ для Австріи и подѣйствовать сильнѣе, чѣмъ всякіе союзы, на установленіе добрыхъ ея отношеній къ Россіи.

Едва-ли не самое значительное послѣдствіе того новаго оборота, который дали результаты болгаро-сербской войны дѣламъ Балканскаго полуострова, заключается въ томъ новомъ положеніи, которое они заставили принять Австро-Венгрію, или лучше—въ томъ, что они открыли ея

дѣйствительное положеніе, прежде замаскированное всяческими дипломатическими соглашеніями. Послѣ совокупнаго предложенія, сдѣланнаго со стороны трехъ восточныхъ державъ Сербіи и Болгаріи о прекращеніи военныхъ дѣйствій, князь болгарскій, пріостановивъ въ Пиротѣ побѣдоносное шествіе своихъ войскъ, которыя могли бы безпрепятственно дойдти до Бѣлграда, торжественно объявилъ въ своей прокламаціи, что онъ вынужденъ къ этому потому, что нарочно посланный къ нему съ упомянутымъ предложеніемъ австро-венгерскій посланникъ, графъ Кевенгюллеръ, угрожалъ ему, при дальнѣйшемъ его движеніи, столкновеніемъ съ австро-венгерскими войсками!

Этотъ самый крупный новѣйшій эпизодъ въ политической исторіи балканскихъ дѣлъ остается до сихъ поръ невыясненнымъ и какъ будто безъ послѣдствій, хотя вслѣдъ за нимъ ожидались крутыя перемѣны въ отношеніяхъ восточныхъ державъ. Отдѣльный и столь рѣшительный шагъ австро-венгерскаго правительства, вопреки всякимъ союзамъ и сердечнымъ соглашеніямъ, поразилъ общественное мнѣніе, хотя въ позиціи, которая была уже давно принята этимъ правительствомъ относительно Сербіи, никто и прежде не сомнѣвался, вопреки всякимъ противоположнымъ офиціознымъ увѣреніямъ. Комическая полемика, послѣдовавшая, по этому случаю, въ офиціозной австро-венгерской печати, усиливавшейся дать благопріятное для себя и невинное толкованіе словъ австро-венгерскаго посланника, ничего не объяснила; однако, не смотря на всѣ ухищренія этой печати, фактъ угрозы болгарамъ австро-венгерскими войсками не могъ быть ею отрицаемъ. Если эта угроза послѣдовала, какъ стали наконецъ объяснять австро-венгерскіе офиціозы, отъ имени всѣхъ трехъ союзныхъ державъ (стало быть, въ томъ числѣ и Россіи), то это объясненіе еще болѣе затрудняетъ пониманіе публикою положенія дѣлъ.

Какъ бы то ни было, указанный эпизодъ произвелъ тягостное впечатлѣніе въ Россіи, хотя въ немъ и не было ничего неожиданнаго, и значительно усилилъ непріязненное возбужденіе во всемъ нашемъ обществѣ противъ Австро-Венгріи. Что происходитъ въ дипломатической атмосферѣ, это покрыто полнымъ мракомъ. Нѣкоторымъ признакомъ новой погоды, тамъ наставшей, служитъ прекращеніе, въ послѣдніе дни, на столбцахъ нашей дипломатической газеты еще недавнихъ оптимистическихъ ея завѣреній относительно непоколебимости тройственнаго союза, какъ гарантіи мира на Востокѣ. Еще болѣе сильнымъ симптомомъ въ томъ же направленіи была полемика, въ которую вступила наша французская газета съ главными органами австро-венгерскаго правительства, по поводу того же страннаго эпизода съ угрозою, сдѣланною болгарскому князю графомъ Кевенгюллеромъ.

Всего менѣе была неожиданна нынѣ совершившаяся полная несостоятельность константинопольской конференціи, которая страннымъ образомъ продолжала свои академическія занятія во время болгаро-сербской войны. Конференція пріостановила свои засѣданія послѣ рѣшительнаго заявленія со стороны Англіи, что она не можетъ присоединиться къ прочимъ державамъ въ ихъ рѣшеніяхъ относительно возстановленія statusquo въ Восточной Румеліи. Затѣмъ, эти рѣшенія, которыми была вооружена Турція, уже потеряли всякое значеніе рѣшеній Европы, а имѣютъ характеръ рѣшеній нѣсколькихъ державъ и, кажется, даже только трехъ восточныхъ. Потому весьма естественно, что Порта воздерживается приводить въ исполненіе эти рѣшенія. Она было послала въ Филиппополь своихъ делегатовъ и обнародовала въ Восточной Румеліи возложенное на нее европейскими державами порученіе возстановить законный порядокъ, обѣщая, въ случаѣ полнаго повиновенія румеліотовъ, амнистію бунтовщикамъ. Турецкіе делегаты были встрѣчены въ Филиппополѣ торжественнымъ протестомъ народныхъ представителей, собравшихся у митрополита. Никакія убѣжденія со стороны бывшаго при этомъ русскаго агента не подѣйствовали на митрополита и собравшихся у него народныхъ депутацій. Они твердо объявили, что не знаютъ другаго прави-

тельства, кромѣ князя Александра, и что Порта должна обратиться къ нему,—и Порта благоразумно отозвала своихъ делегатовъ. Она откладываетъ посылку своего коммиссара для вступленія въ управленіе Восточной Румеліей. Фактически управленіе этою областью уже перешло въ Софію; нужна самая насильственная и жестокая ломка, чтобы возвратить Восточную Румелію къ прежнему порядку. Всего мудрѣе поступаетъ Порта, не двигая въ Восточную Румелію своихъ войскъ, безъ которыхъ невозможно возстановленіе прежняго порядка, хотя она была на это уполномочена соглашеніемъ державъ на конференціи. Кромѣ открытаго сопротивленія Англіи, Порта хорошо знаетъ, что̀ такое это единодушное соглашеніе даже и прочихъ державъ, какъ легко оно можетъ разсыпаться въ прахъ и какъ противъ энергическихъ экзекуцій Блистательной Порты въ Болгаріи, для принужденія ея къ покорности, могутъ вооружиться не только Англія, но и другія европейскія державы.

Такимъ образомъ, константинопольская конференція, какъ это и ожидалось, обратилась пока въ ничто. Всего менѣе можетъ пожалѣть объ этомъ Россія, такъ какъ она можетъ занять положеніе, относительно событій Балканскаго полуострова, гораздо болѣе соотвѣтствующее ея историческому призванію и ея интересамъ, нежели то, которое выпадало на ея долю на основаніи рѣшеній этого злосчастнаго европейскаго ареопага.

Все это состояніе политическихъ дѣлъ и международныхъ отношеній крайне запутанно, и изъ него невозможно вывести никакого руководящаго заключенія относительно самаго ближайшаго будущаго. Но все это состояніе политической атмосферы представляется общественному мнѣнію и печати, у насъ и вездѣ заграницей, очень мрачнымъ и угрожающимъ европейскому миру. Всего болѣе опасеній въ настоящій моментъ возбуждаетъ возобновленіе войны между Сербіей и Болгаріей. Королю Милану нечего терять, и хотя бы даже было искренне миролюбивое на него давленіе австро-венгерскаго правительства (можно и въ этомъ сомнѣваться), онъ можетъ легко рѣшиться, въ минуту отчаянія, снова попытать свое военное счастье, такъ какъ, разбитый и униженный, онъ рискуетъ почти неминуемо внутреннимъ переворотомъ, который можетъ свергнуть его съ престола. Возобновленіе болгаро-сербской войны устрашаетъ всѣхъ новыми политическими осложненіями, опасными для европейскаго мира, хотя никто не можетъ опредѣлить, въ чемъ можетъ заключаться эта опасность.

Во всемъ послѣднемъ движеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ несвѣдущая публика чуетъ, какъ обыкновенно выражаются, запахъ приближающейся войны между европейскими державами и въ особенности войны, угрожающей Россіи. Но въ то же время никто не можетъ сказать, съ кѣмъ предвидится эта война? Съ каждою державою она была бы нелѣпа и невозможна, насколько извѣстно общее политическое положеніе. И въ этомъ заключается самая замѣчательная странность и особенность этого положенія. Война съ Англіей, какъ съ государствомъ наиболѣе открыто противоставшимъ Россіи? Но Англія противостала намъ только по вопросу объ объединеніи Болгаріи, опираясь на волю болгарскаго народа, а развѣ мыслимо, чтобы Россія повела войну изъ-за этого вопроса, изъ-за своего сопротивленія освобожденію болгаръ отъ Турціи,—въ сущности войну противъ болгарскаго народа? Конечно, немыслимо. Война съ Австріей? Но съ нею Россія не только находится въ дружественномъ союзѣ, а болѣе этого—прямо участвовала во всѣхъ дѣйствіяхъ Австріи. Отъ имени Россіи, и даже Россіи на первомъ мѣстѣ, происходило и требованіе, чтобы Болгарія возвратилась къ прежнему порядку вещей, и созваніе константинопольской конференціи, и ея рѣшенія, и пріостановленіе движенія болгарскихъ войскъ, и проч. Стало быть, трудно понять, какой возможенъ для насъ поводъ войны даже съ Австріей, а съ прочими державами—тѣмъ менѣе. Или развѣ угрожаетъ война съ кѣмъ бы то ни было только изъ-за того, что другимъ націямъ удалось получить болѣе нравственнаго и культурнаго вліянія на народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ, чѣмъ это удалось до сихъ поръ

намъ? Но, какъ бы это ни было досадно, развѣ мыслимы подобныя войны, и развѣ ими что-нибудь достигается?

Все это смутное положеніе дѣлъ на юго-востокѣ Европы тѣмъ болѣе для нея тревожно, что оно, какъ нарочно, совпадаетъ съ тревожными и исключительными внутренними обстоятельствами почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Оставимъ пока въ сторонѣ малыя государства, каковы Голландія и Данія, которыя весьма разстроены дѣйствіями непримиримыхъ радикальныхъ и революціонныхъ партій. Мы сдѣлаемъ только перечень самыхъ выдающихся фактовъ въ государственной жизни первостепенныхъ державъ за послѣдніе дни.

Самымъ чрезвычайнымъ и печальнымъ событіемъ поражена Испанія. Совсѣмъ неожиданная, почти внезапная кончина короля Альфонса XII составляетъ для этой несчастной страны, постоянно переходящей отъ одного бѣдствія къ другому, новое великое несчастіе, которое можетъ надолго отозваться на ея будущей исторіи. Одиннадцати-лѣтнее царствованіе короля Альфонса было, въ нынѣшнемъ столѣтіи, относительно самымъ счастливымъ періодомъ Испаніи, въ которомъ она могла сколько-нибудь успокоиться и получила надежды на лучшее будущее. Кромѣ прежнихъ своихъ дѣяній,—борьбы съ карлистами и съ революціонерами, — Альфонсъ XII, еще незадолго передъ своею смертью, посреди холерной эпидеміи и въ столкновеніи съ Германіей по вопросу о Каролинскихъ островахъ, оказалъ великія услуги своему народу, къ какимъ способна одна только монархическая власть. Не смотря на свою молодость, онъ уже отличился доблестями, которыя возродили въ испанскомъ народѣ довѣріе къ монархической власти и обѣщали ея упроченіе въ будущемъ. Только-что былъ рѣшенъ самымъ удовлетворительнымъ для Испаніи образомъ вопросъ о Каролинскихъ островахъ; они были признаны, по посредническому рѣшенію папы, за Испаніей. Необыкновенно миролюбивое обращеніе съ этимъ вопросомъ со стороны Германіи было много обусловлено вліяніемъ короля Альфонса, который энергически сдержалъ народныя волненія, возбужденныя этимъ инцидентомъ. Кончина короля ставитъ Испанію, и надолго, въ критическое положеніе: королевою провозглашена пятилѣтняя его дочь, а регентшею государства—молодая королева-вдова, иностранка, совсѣмъ незнакомая съ Испаніей. Даже и этотъ порядокъ непроченъ при ожидаемомъ разрѣшеніи королевы весною: въ случаѣ рожденія сына, онъ долженъ быть возведенъ на престолъ вмѣсто нынѣшней королевы-малютки. Эти чрезвычайныя обстоятельства мало благопріятны для внутренняго мира въ странѣ, раздираемой гражданскими междоусобіями. Революціонныя партіи, карлистская и республиканская, уже подняли голову и угрожаютъ смутами. Представители двухъ главныхъ законныхъ и монархическихъ партій,— консервативной и либеральной, которая въ лицѣ г. Сагасты взяла въ свои руки правленіе, — пока патріотически соединились вмѣстѣ, чтобы охранить законный порядокъ. Но посреди разнообразныхъ стихій гражданской смуты, издавна разстраивающихъ государственную жизнь Испаніи, управленіе ею въ нынѣшнихъ условіяхъ будетъ крайне затруднительно.

Дѣйствіе недавнихъ депутатскихъ выборовъ во Франціи на перемѣну въ ходѣ ея дѣлъ до сихъ поръ не осуществилось въ томъ благопріятномъ смыслѣ, въ какомъ оно было возможно, хотя оно и было мало вѣроятно по ожиданіямъ (сообщеннымъ и нами въ прежнихъ обозрѣніяхъ) всѣхъ людей, знающихъ французское общество. Республиканцы и въ особенности партія относительно умѣренныхъ республиканцевъ, наиболѣе, — опять-таки относительно, — вліятельная, стоящая во главѣ управленія и самая многочисленная въ палатѣ, не воспользовались до сихъ поръ громкимъ предостереженіемъ, даннымъ имъ голосомъ народа, который поразилъ ихъ выборомъ двухъ сотъ консерваторовъ или монархистовъ. Вмѣсто раскаянія въ своей радикальной и заносчивой политикѣ, которою недовольны не только всѣ просвѣщенные и благоразумные французы, но и народныя массы,—вмѣсто приближенія къ правой сторонѣ, правящіе республиканцы еще болѣе приблизились къ лѣвой сторонѣ,

къ радикаламъ. Послѣднихъ, весьма усилившихся въ новой палатѣ, нынѣшнее французское правительство боится гораздо болѣе, чѣмъ консерваторовъ и монархистовъ. Радикалы представляются болѣе страшными въ ближайшемъ будущемъ, въ которомъ они могутъ произвести смуту, пока не подымется противъ нихъ вся страна. Со стороны новыхъ депутатовъ консервативныхъ или монархическихъ группъ также оказывается мало помощи для успокоенія Франціи: вмѣсто того, чтобы внести охранительный элементъ въ теченіе дѣлъ на законной почвѣ, они только радуются крайностямъ республиканцевъ и готовы имъ содѣйствовать.

Впрочемъ, всѣ французскія партіи согласились между собою на перемиріе до близкихъ президентскихъ выборовъ, послѣ которыхъ начнется борьба республиканскихъ группъ и выяснится внутреннее положеніе Франціи—къ лучшему или худшему. Между тѣмъ въ образѣ дѣйствій новой палаты уже значительно проглядываетъ духъ конвента, духъ республики 90-хъ годовъ, устрашающій все серьезное общество во Франціи. Этотъ духъ заключается, какъ извѣстно, въ прямомъ управленіи страною посредствомъ народнаго представительства, помимо министровъ, или въ превращеніи ихъ въ слѣпыхъ исполнителей воли большинства палаты; къ этому порядку управленія присоединяется еще деспотическій его характеръ, насильственно подчиняющій народную жизнь сектантскимъ идеямъ, возымѣвшимъ верхъ въ средѣ народныхъ представителей, которые подъ вліяніемъ парижскихъ политическихъ кружковъ разлучаются съ дѣйствительными народными нуждами и влеченіями.

Дѣйствіе этого духа конвента обнаружилось уже въ одной изъ любимыхъ его мѣръ, принятой французскимъ правительствомъ и наиболѣе раздражающей страну, въ которой бюрократія такъ всесильна. Эта мѣра называется «очищеніемъ личнаго состава администраціи (épuration du personnel administratif). Всѣ чиновники, заподозрѣнные въ слабости своихъ республиканскихъ чувствъ, вслѣдствіе недостаточнаго вліянія на выборъ республиканцевъ на послѣднихъ выборахъ, насильственно, массами изгоняются изъ службы. Другая мѣра, въ томъ же духѣ конвента, не менѣе плачевна для правильнаго хода управленія и въ особенности для международнаго положенія Франціи; она производитъ въ настоящее время наиболѣе шума и составляетъ цѣлый государственный скандалъ. Палата производитъ парламентское слѣдствіе надъ войною съ Китаемъ и экспедиціею въ Тонкинъ. Съ этою экспедиціей никакъ не можетъ справиться Франція; она всего болѣе теперь ее тревожитъ и возбуждаетъ всего болѣе раздраженія противъ правительства, въ особенности противъ бывшаго министерства Ферри. Приэтомъ допрашиваются парламентскою комиссіей всѣ бывшіе участники тонкинской экспедиціи, которые раскрываютъ самыя вопіющія злоупотребленія административныя и военныя и неслыханную неурядицу въ веденіи войны. Самое подавляющее впечатлѣніе произвели показанія бывшаго главнокомандующаго генерала Бріера-Делиля. Изъ нихъ между прочимъ оказалось, что извѣстное пораженіе французовъ китайцами при Лансонѣ произошло только потому, что главный начальникъ французскихъ войскъ былъ мертвецки-пьянъ во время сраженія! Не смотря на этотъ завѣдомый всѣмъ его порокъ и его совершенную военную неспособность, онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ парижскаго правительства, вѣроятно вслѣдствіе своихъ республиканскихъ убѣжденій! Понятно, какое волненіе производятъ во французскомъ обществѣ всѣ эти изобличенія, изъ которыхъ мы привели только одинъ образчикъ, а ихъ великое множество и они оглашаются на весь свѣтъ, на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ не одного Парижа, а всѣхъ городовъ земнаго шара. Понятно, какъ эти изобличенія сокрушительны для республиканскаго режима послѣднихъ лѣтъ и, что еще хуже, для политическаго значенія Франціи.

Результаты парламентскихъ выборовъ въ Великобританіи, ожидавшіеся съ самымъ напряженнымъ нетерпѣніемъ во всемъ свѣтѣ, до сихъ поръ еще неизвѣстны окончательно; однако, общій характеръ буду-

щаго народнаго представительства можно съ достовѣрностью опредѣлить уже теперь. Большинство, но весьма незначительное, будетъ принадлежать либеральной партіи, въ которой дружно сомкнулись умѣренные либералы съ радикалами. Консервативная партія въ меньшинствѣ; но къ ней примыкаютъ, въ борьбѣ съ либералами, ирландскіе сепаратисты или парнеллисты, которые будутъ въ палатѣ такъ многочисленны, какъ они никогда не бывали. Изъ злобы противъ либераловъ, которые отказываются отъ противугосударственныхъ уступокъ Ирландіи, парнеллисты вездѣ подавали голоса за консерваторовъ, хотя Ирландія можетъ ожидать для себя еще менѣе отъ послѣднихъ, чѣмъ отъ либераловъ. Ирландскіе сепаратисты будутъ въ палатѣ поддерживать консерваторовъ только для того, чтобы разстроить всякое правильное государственное управленіе въ Англіи, какъ непримиримые враги ея и всякой англійской партіи. При этой поддержкѣ консерваторовъ ирландцами, либералы могутъ быть въ самомъ ничтожномъ большинствѣ нѣсколькихъ голосовъ, и можетъ быть даже въ меньшинствѣ (какъ это окажется только по окончаніи выборовъ). Между тѣмъ г. Гладстонъ торжественно заявилъ въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ, что либеральная партія можетъ взяться за управленіе только при громадномъ большинствѣ, какое она имѣла прежде.

Таково смутное внутреннее положеніе, которое настало даже въ Англіи, въ странѣ, такъ долго жившей самою здоровою и крѣпкою государственною жизнью! Ирландцы, заклятые враги великобританской націи, держатъ въ своихъ рукахъ всѣ судьбы ея правительства! Какъ бы ни трудно было Англіи справиться съ этимъ малоотраднымъ внутреннимъ положеніемъ, но оно едва-ли повліяетъ на ея иностранную политику. Соединятся или нѣтъ консерваторы съ либералами, чтобы вмѣстѣ сокрушить ирландскую крамолу, но г. Гладстонъ весьма рѣшительно заявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ иностранною политикою лорда Салисбери и готовъ ее поддерживать.

Потому-то лордъ Салисбери и продолжаетъ такъ настойчиво и съ такою самоувѣренностью свою политику во всѣхъ странахъ свѣта, и въ Константинополѣ, и въ Египтѣ, и въ Азіи. Въ Суданъ посылаются новыя англійскія войска. На этихъ же дняхъ англичане заняли столицу Бирманскаго государства, сосѣдняго съ Индіей, и кажется затѣваютъ присоединеніе этого обширнаго азіятскаго государства къ своимъ остъ-индскимъ владѣніямъ.

Мы переживаемъ такой безпокойный моментъ въ политической жизни Европы, что даже Германія, болѣе, чѣмъ какое-либо другое изъ западно-европейскихъ государствъ, увѣренная въ своемъ внутреннемъ спокойствіи и въ прочности своихъ международныхъ отношеній, испытала въ это время тревожные дни. Въ германскомъ парламентѣ были такія бурныя засѣданія, какихъ почти не знала прежде парламентская исторія Германіи. Эти бури произошли вслѣдствіе парламентской интерпелляціи относительно извѣстной административной высылки изъ Пруссіи иностранныхъ подданныхъ (подданныхъ Россіи и Австріи). Эта интерпелляція была сдѣлана всѣми оппозиціонными партіями: ультрамонтанскимъ католическимъ центромъ во главѣ, польскою и эльзасъ-лотарингскою фракціями, прогрессистами и соціалъ-демократами. Для устраненія неудобныхъ для германскаго правительства парламентскихъ преній по этому вопросу, была принята чрезвычайная мѣра: было объявлено германскому парламенту императорское посланіе или повелѣніе (Botschaft), которое отвергаетъ всякое право парламента на обсужденіе этого предмета, принадлежащаго къ кругу прусской политики, обсуждаемой только въ прусскомъ сеймѣ. Передавая этотъ щекотливый вопросъ въ прусскую палату представителей, князь Бисмаркъ надѣется выиграть время и сверхъ того разсчитываетъ, вслѣдствіе послѣднихъ прусскихъ депутатскихъ выборовъ, на гораздо слабѣйшую оппозицію въ этой палатѣ, чѣмъ въ германскомъ парламентѣ.

Императорскому посланію единодушно подчинились всѣ партіи въ германскомъ парламентѣ, но тѣмъ не менѣе обсужденіе вопроса о степени законности этого посланія повело къ жесточайшимъ пре-

каніямъ между представителями правительства и оппозиціонныхъ партій. Въ этихъ пререканіяхъ и парламентскихъ буряхъ, въ которыхъ кн. Бисмаркъ какъ-будто находитъ особеннаго рода наслажденіе, онъ принялъ живое личное участіе; онъ произнесъ при этомъ, обрушиваясь преимущественно на католическій центръ, тѣ блестящія рѣчи, которыя носятъ всѣ характеристическія черты его особеннаго государственнаго генія и его особеннаго темперамента. Эти бурныя засѣданія германскаго парламента, императорское посланіе и рѣчи князя Бисмарка составляютъ теперь главный предметъ сужденій и сильныхъ волненій во всей германской печати. Всѣ эти волненія, безъ сомнѣнія, скоро утихнутъ, но тѣмъ не менѣе горечь неудовольствія въ образованномъ германскомъ обществѣ противъ административнаго произвола и особенныхъ пріемовъ геніальнаго канцлера во внутренней политикѣ—болѣе и болѣе накопляется. Она можетъ, рано или поздно, принести горькіе плоды въ государственной жизни Германіи, которая въ настоящій моментъ представляется самою цвѣтущею во всемъ историческомъ мірѣ.

XIV

11 декабря.

Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ.—Разряженіе политической атмосферы.—Возстановленіе гармоніи въ европейскомъ концертѣ.—Поворотъ въ политикѣ Австро-Венгріи.—Политическія обстоятельства Англіи, Франціи и Италіи, вынуждающія ихъ къ миролюбію.—Внутренній кризисъ въ Англіи.—Общественная жизнь въ Россіи.—Ожидаемыя преобразованія по судебной части.

Политическая атмосфера на Балканскомъ полуостровѣ, до послѣдней крайности напряженная двѣ недѣли тому назадъ, значительно разрядилась въ эти послѣдніе дни. Какъ прежде самые упорные оптимисты теряли надежду на возможность выхода изъ балканскихъ замѣшательствъ, безъ новаго кроваваго столкновенія между балканскими государствами и даже безъ войны между европейскими державами, такъ теперь самые мрачные пессимисты стали говорить съ полною увѣренностью о мирной развязкѣ балканскаго кризиса. Мы еще не разъ, до окончанія этого кризиса, благополучнаго или нѣтъ, увидимъ подобную перемѣну декорацій, и къ этому надо быть готовымъ.

Во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ, свѣтлыя или тревожныя ожиданія зависятъ не отъ однихъ только положительныхъ фактовъ, указывающихъ на тотъ или другой поворотъ дѣлъ, а также отчасти и отъ психическаго, часто безотчетнаго, настроенія людей, преувеличивающаго значеніе фактовъ въ ту или другую сторону. Теперь, кажется, настало въ дипломатическомъ мірѣ и въ европейскомъ обществѣ мирное и оптимистическое настроеніе; и этому должны радоваться друзья мира, который, что бы тамъ ни говорили, всего нужнѣе для благосостоянія всѣхъ европейскихъ народовъ, ибо людское настроеніе и желанія имѣютъ вліяніе на самый ходъ дѣлъ.

Однако, кромѣ общаго нравственнаго настроенія, были и положительные факты, которые позволяютъ сдѣлать теперь добрыя предсказанія относительно событій на Балканскомъ полуостровѣ. Такъ называемая Европа, или европейскій концертъ, или, лучше, три союзныя восточныя державы, къ которымъ присоединились и три западныя, стали между воюющими сторонами и пріостановили братоубійственную между Болгаріей и Сербіей войну. Совершенная неудача константинопольской конференціи по румелійскому вопросу заставила обратиться къ болѣе практической мѣрѣ противъ ближайшей злобы дня. Подъ давленіемъ великихъ державъ, главнѣйше восточныхъ, Сербія и Болгарія пріостановили военныя операціи. Учреждена международная коммиссія изъ военныхъ агентовъ всѣхъ державъ, которая должна опредѣлить условія перемирія между воюющими, провести демаркаціонную линію между ихъ войсками и затѣмъ начертить окончательныя условія мира. Сербія и Болгарія формально обязались подчиниться постановленіямъ коммиссіи, безъ оговорокъ, какія онѣ дѣлали прежде, а только заявили свои желанія. Всѣ увѣрены, что онѣ подчинятся, и что также подчинятся миролюбивымъ требованіямъ Европы всѣ на-

роды Балканскаго полуострова, которые еще не такъ давно всѣ брались за оружіе и всѣ требовали расширенія своихъ границъ. Затѣмъ станетъ на очередь румелійскій вопросъ. Блистательныя побѣды Болгаріи чрезвычайно подняли духъ болгарскаго народа; соединивъ войска Княжества Болгарскаго и Румеліи, онѣ фактически соединили ихъ сильнѣе, чѣмъ всякія революціонныя прокламаціи, и сдѣлали еще болѣе, чѣмъ прежде, затруднительнымъ, просто невозможнымъ, возстановленіе status quo ante. Эти побѣды дали нравственное право Болгаріи на это вознагражденіе за насильственное нападеніе Сербіи.

Таково положеніе въ настоящій моментъ. Дѣйствіемъ Европы пріостановлено кровопролитіе, что казалось почти невозможнымъ двѣ недѣли тому назадъ: Болгарія удержана отъ своего побѣдоноснаго шествія къ столицѣ Сербіи, а послѣдняя—отъ всякой отместки за поруганіе своей военной чести. Эта отместка казалась прежде необходимою для избѣжанія народнаго возстанія въ Сербіи, которое представлялось неминуемымъ и угрожало низверженіемъ съ престола короля Милана. А теперь всѣ въ политическомъ мірѣ надѣятся и почти увѣрены, что этой катастрофы не послѣдуетъ и что такъ же мирно уладятся всѣ прочіе тревожные вопросы Балканскаго полуострова,—что всѣ волны вчера взбаломученнаго моря войдутъ въ свои берега. Итакъ, только одинъ—положительно совершившійся фактъ, даже незначительный, хотя и весьма радостный,—пріостановленіе военныхъ дѣйствій (даже не миръ) между Сербіей и Болгаріей; а все прочее и очень многое, нужное для умиротворенія Балканскаго полуострова, основано на однѣхъ надеждахъ, на одномъ нравственномъ настроеніи политическаго міра и дѣйствующихъ въ немъ силъ.

Откуда же эти надежды, достигающія степени почти увѣренности въ сознаніи самыхъ свѣдущихъ людей, которые еще такъ недавно были поражены полнымъ уныніемъ, относительно возможности мирной развязки восточнаго кризиса?

Несомнѣнная, кажется, причина этого быстраго поворота къ разряженію политической атмосферы заключается въ возстановленіи нѣкоторой гармоніи въ европейскомъ концертѣ, который совсѣмъ разстроился на константинопольской конференціи, и въ особенности въ возстановленіи единодушія между восточными державами, которое составляетъ теперь основной камень европейскаго мира, или такъ называемой Европы, т. е. дипломатическаго совокупнаго дѣйствія великихъ державъ. Пока эта Европа разъединена, ей не будутъ подчиняться и будутъ произвольничать государства и народы Балканскаго полуострова, также какъ въ былыя времена не подчинялась и произвольничала Блистательная Порта,—и наоборотъ. Гдѣ-то въ нашей печати было сказано съ горечью, что когда нужно дѣйствовать противъ Россіи, тогда только появляется на дипломатической картѣ Европа, а какъ только этого не нужно, она исчезаетъ. Но мы позволимъ себѣ вывести изъ недавнихъ событій совсѣмъ другое заключеніе: эта Европа и ея вліяніе на улаженіе европейскихъ международныхъ дѣлъ невозможны безъ соглашенія съ Россіей и безъ ея прямаго въ нихъ участія.

Насколько можно судить по всѣмъ признакамъ и по наиболѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, весь этотъ поворотъ къ болѣе ясной политической погодѣ произошелъ главнѣйше отъ перемѣны въ образѣ дѣйствій Австро-Венгріи. Самый острый моментъ, какъ мы говорили объ этомъ въ предыдущемъ обозрѣніи, настал послѣ произвольной угрозы, сдѣланной австрійскимъ уполномоченнымъ болгарскому князю—двинуть противъ него на защиту Сербіи австрійскія войска. Эта выходка графа Кевенгюллера открыла карты Австро-Венгріи и поставила ее въ кругу восточныхъ державъ въ странное положеніе, а Болгарію и Россію, особенно же Россію, поставила противъ Австро-Венгріи и дружественнаго соглашенія трехъ правительствъ. Это соглашеніе, каково бы оно ни было, есть теперь единственная сколько-нибудь прочная кристаллизація въ международной жизни Европы, единственная гарантія ея мирнаго развитія на ближайшее время. Это соглашеніе, по общему мнѣнію, должно было прекратиться вслѣдъ за неожидан-

ною для дипломатовъ выходкой австрійскаго генерала. Надо думать, что она не могла остаться безъ воздѣйствія, и даже энергическаго воздѣйствія, со стороны ея союзниковъ, и что австро-венгерское правительство быстро опомнилось отъ несвоевременнаго или случайнаго раскрытія своей игры. Тройственный союзъ всего болѣе необходимъ Австро-Венгріи и всего менѣе необходимъ для той державы, для которой всего болѣе было непріятно ея произвольное дѣйствіе противъ Болгаріи. И вѣнское правительство не могло не опомниться. Что произошло въ средѣ тройственнаго союза, въ этотъ критическій моментъ его существованія, покрыто пока мракомъ дипломатической тайны и раскроется только въ будущемъ. Мы позволяемъ себѣ лишь надѣяться, что за благополучный выходъ изъ этого критическаго момента не будетъ ничего поставлено за счетъ Россіи въ Берлинѣ. Какъ бы то ни было, вѣнское правительство совершенно перемѣнило (выражаясь по военному) свою операціонную линію, или свою манеру обращенія съ Сербіей и Болгаріей. Сербія потеряла надежду на поддержку со стороны Австро-Венгріи, и этимъ была успокоена Болгарія. Важнѣе же всего то, что перемѣна въ тактическихъ пріемахъ австро-венгерскаго правительства укрѣпила соглашеніе трехъ восточныхъ державъ, разъединеніе которыхъ всего болѣе угрожало мирной развязкѣ балканской неурядицы.

Затѣмъ, стеченіе весьма разнородныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ недавнее время, склонило къ единодушію и къ миролюбію и всѣхъ другихъ участниковъ европейскаго концерта. Всего болѣе нарушала гармонію этого концерта Англія; но, несмотря на свое блестящее торжество надъ дикимъ повелителемъ малоизвѣстной Бирманской имперіи, другія болѣе серьезныя дѣла, внутреннія и внѣшнія, принуждаютъ британскаго льва къ болѣе скромному поведенію на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ прочія европейскія державы нисколько не расположены приступить нынѣ къ разрѣшенію великаго восточнаго вопроса. Съ одной стороны, положеніе великобританскихъ войскъ въ Суданѣ и положеніе Великобританіи въ Египтѣ дѣлается ежедневно болѣе и болѣе затруднительнымъ, отъ ежедневно возрастающаго движенія арабовъ и поклонниковъ умершаго пророка. Съ другой стороны, Англія, послѣ результатовъ послѣднихъ парламентскихъ выборовъ, переживаетъ жестокій періодъ глубокаго внутренняго кризиса, о которомъ мы скажемъ еще ниже; при крѣпости своихъ силъ, она, вѣроятно, выйдетъ изъ него здоровою, но пока шаткое положеніе нынѣшняго ея правительства и общее ея внутреннее положеніе, совсѣмъ исключительное въ ея государственной жизни, лишаютъ ее возможности приступить къ энергическому внѣшнему дѣйствію, **безъ крайней на то необходимости**. Этой необходимости не предстоитъ при миролюбивомъ настроеніи другихъ державъ.

Франція, примыкавшая въ извѣстной степени къ Англіи въ противодѣйствіи соглашенію восточныхъ державъ, также обезсилена, для возвышенія своего голоса въ европейскомъ концертѣ, своими внутренними и внѣшними обстоятельствами, непрочностью кабинета г. Бриссона, посреди раздора республиканскихъ партій, и несостоятельностью экспедиціи въ Тонкинѣ. Наконецъ, въ настоящую минуту, нѣсколько обезкуражена къ проявленію своей новой роли великой державы и Италія, колеблющаяся въ своей политикѣ между западными и восточными державами. Протестъ султана противъ недавняго окончательнаго захвата Италіей Массовы, въ Красномъ морѣ, поставилъ ее въ нѣкоторое недоумѣніе въ ея быстромъ полетѣ къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ, по примѣру другихъ великихъ державъ.

Какъ бы то ни было, Европа проявила нѣкоторое свое значеніе, въ эти послѣдніе дни, на Балканскомъ полуостровѣ. Послѣ всѣхъ жестокихъ обвиненій и глумленій, которыя сыпались передъ тѣмъ со всѣхъ сторонъ на дипломатію, она еще можетъ выйдти торжествующею изъ балканскаго хаоса, какъ это показалъ нынѣшній ходъ дѣлъ.

Послѣ восточнаго вопроса, въ политической жизни Европы всего болѣе обращаетъ на себя теперь вниманіе внутрен-

нее положенiе Англiи. Съ нимъ связаны интересы всего свѣта. Ея глубокiй, можно сказать, историческiй кризисъ не только не разрѣшился посредствомъ новыхъ парламентскихъ выборовъ, какъ этого всѣ ожидали, но напротивъ доведенъ ими почти до послѣдней крайности. Голосъ страны оказался довольно нерѣшительнымъ между двумя партiями, управляющими издавна судьбами великобританской нацiи. А въ настоящемъ случаѣ, этотъ голосъ имѣетъ особенную силу, такъ какъ къ прежнимъ избирателямъ прибавилось два милліона новыхъ, изъ низшихъ классовъ народа. Депутаты отъ либеральной партiи хотя и будутъ имѣть въ новомъ парламентѣ большинство надъ консерваторами, но очень незначительное; между тѣмъ глава либеральной партiи, г. Гладстонъ, самый популярный и самый замѣчательный государственный человѣкъ современной Англiи, торжественно объявилъ избирателямъ, что его партiя можетъ взять на себя бремя власти лишь въ томъ случаѣ, если страна дастъ ей очень сильное большинство. Онъ былъ совершенно правъ и выказалъ этимъ глубокое пониманiе окружающихъ его политическихъ условiй, какъ видно теперь по результатамъ выборовъ. Наибольшiй успѣхъ имѣли на нихъ ирландскiе сепаратисты или парнеллисты; они разсчитывали, какъ на верхъ своего торжества, имѣть 80 представителей, а получили 86. Эти самые непримиримые враги Англiи являются теперь всесильными рѣшителями вопроса: какое она будетъ имѣть правительство? Отъ прибавки ирландскихъ голосовъ къ той или другой партiи, консервативной или либеральной, зависитъ возможность для той или другой имѣть за себя рѣшительное парламентское большинство и стать у кормила правленiя.

Теперь вынуждены торговаться съ ирландцами, съ врагами отечества, о политическихъ уступкахъ, обѣ партiи, т. е. обязано торговаться съ ними само государство, чтобъ устроить сколько-нибудь прочное правительство. А ирландскiе сепаратисты, ободренные своею побѣдою, сдѣлались менѣе, чѣмъ когда-либо, сговорчивыми. Ихъ глава, г. Парнелль, требующiй теперь, ни болѣе, ни менѣе, какъ полной политической независимости Ирландiи и соединенiя ея съ короною Англiи только въ видѣ личной унiи, сдѣлался теперь первымъ господиномъ всего политическаго положенiя государства. Такое положенiе страны нельзя не признать чрезвычайнымъ!

Оно, по необходимости, уже и вызываетъ въ Англiи чрезвычайныя явленiя, заставляющiя главные органы англiйской печати (Times) съ ужасомъ говорить о возможности въ близкомъ будущемъ гражданской войны и о распаденiи имперiи!

Переговоры правительствующей нынѣ торiйской партiи съ г. Парнеллемъ о взаимныхъ уступкахъ можно считать теперь окончательно порванными. Но что же они могутъ имѣть между собою общаго, хотя на выборахъ торiи и шли вмѣстѣ съ парнеллистами, и послѣднiе причинили слабость большинства либеральной партiи? Г. Салисбери могъ предложить г. Парнеллю только самое широкое мѣстное, т. е. административное самоуправленiе для Ирландiи безъ малѣйшей тѣни политической самостоятельности; онъ предложилъ такое же расширенiе льготъ по мѣстному самоуправленiю, какое торiйская партiя проектировала для всего государства,—для Англiи и Шотландiи. Конечно, г. Парнелль не могъ этимъ удовольствоваться.

Затѣмъ начались переговоры съ нимъ либераловъ. И вотъ, совсѣмъ неожиданно, г. Гладстонъ, который еще недавно не хотѣлъ уступить ирландцамъ ни одной пяди государственной территорiи, вдругъ, по газетнымъ сообщенiямъ, предложилъ г. Парнеллю отдѣльный ирландскiй парламентъ и государственную самостоятельность (подобную положенiю Финляндiи). Г. Парнелль не довольствуется и этимъ. Между тѣмъ газетныя извѣстiя объ этомъ предложенiи главы либераловъ производятъ настоящiй государственный скандалъ въ Англiи и возбуждаютъ противъ него цѣлое возстанiе во всѣхъ политическихъ рядахъ, даже отчасти и въ радикальныхъ. Предложенiе г. Гладстона взволновало всю страну; теперь только этимъ и занята вся англiйская пе-

чать. Консервативныя газеты подняли политическую бурю и прямо обвиняютъ г. Гладстона въ государственной измѣнѣ. Совсѣмъ смущены его уступками и еще не присоединились къ нимъ даже главные предводители крайнихъ радикаловъ. Не смотря на то, что г. Гладстонъ публично заявилъ, что въ газетныхъ сообщеніяхъ не совсѣмъ вѣрно переданы его мысли, самый значительный, послѣ г. Гладстона, государственный человѣкъ въ либеральной партіи, лордъ Гартингтонъ, глава обширной группы умѣренныхъ либераловъ или виговъ, уже объявилъ въ газетахъ, что онъ отдѣляется отъ г. Гладстона.

Что изъ всего этого выйдетъ—предвидѣть нельзя, пока первый государственный человѣкъ Великобританіи еще не опубликовалъ своей программы. Какова-бы она ни была, ошибается г. Гладстонъ или нѣтъ, но можно быть увѣреннымъ, что онъ задумалъ эту крайнюю программу примиренія Англіи съ Ирландіей никакъ не ради личныхъ честолюбивыхъ видовъ, не для захвата власти въ свои руки, а единственно по внушенію своего патріотизма, для спасенія своего отечества отъ политической смуты, которая ежедневно болѣе и болѣе разгорается и противъ которой оказались безсильными всевозможныя госдарсутвенныя мѣры. Приэтомъ онъ рискуетъ всею своею популярностью въ странѣ, рискуетъ почти обезславить себя передъ нынѣ господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ. Всѣ эти необычайныя политическія явленія, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній, все это необычайное гражданское мужество, которое выказываетъ маститый государственный мужъ въ своемъ престарѣломъ возрастѣ,—все это возможно только въ Англіи.

Какимъ образомъ переживетъ она наставшій для нея глубокій политическій кризисъ и какими государственными мѣрами она наконецъ излечится отъ разъѣдающей ее ирландской язвы—рѣшить теперь невозможно. Но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ государствѣ происходитъ теперь коренная перестановка политическихъ партій, на которыхъ была основана вся его политическая и даже гражданская жизнь въ теченіе вѣковъ. Въ какомъ направленіи пойдетъ эта перестановка, пока еще неизвѣстно,—соединятся ли либералы и радикалы съ ирландцами или же съ консерваторами для умиротворенія страны, — никто не знаетъ. Однако, послѣ заявленія лорда Гартингтона, соединеніе умѣренныхъ либераловъ съ торіями можно считать почти уже совершившимся фактомъ. Та или другая развязка великобританскаго кризиса отзовется тѣми или другими послѣдствіями въ жизни всего образованнаго человѣческаго міра, и даже необразованнаго, при дѣятельности великобританской націи, раскинутой по всему земному шару.

Обращаясь къ дѣламъ нашего отечества, мы можемъ по крайней мѣрѣ утѣшиться, что наша общественная жизнь течетъ мирно, вдали отъ всякихъ общественныхъ смутъ и политическихъ бурь, подобныхъ тѣмъ, которыя мы сейчасъ описали и которыя удручаютъ и другія европейскія страны, за исключеніемъ развѣ только,—и то не за безусловнымъ исключеніемъ,—Германіи и Италіи. Мы должны этимъ утѣшиться посреди пессимизма, господствующаго съ нѣкоторыхъ поръ въ умахъ нашего образованнаго общества. Этотъ пессимизмъ — отчасти напускной или, какъ нынче выражаются, «дѣланный», подобно многому въ нравственныхъ настроеніяхъ, посѣщающихъ нашу «интеллигенцію». Отчасти впрочемъ этотъ пессимизмъ, окрашивающій сужденія всѣхъ общественныхъ кружковъ и почти всѣхъ органовъ печати по всѣмъ вопросамъ дня, происходитъ отъ многихъ дѣйствительно печальныхъ и болѣзненныхъ явленій въ нашей жизни; но значеніе этихъ явленій чрезвычайно преувеличивается въ общественномъ мнѣніи, согласно общему психическому навыку нашего образованнаго общества—все преувеличивать и пересаливать.

Послѣ балканскихъ дѣлъ, наше общество было всего болѣе занято, въ послѣднее время, вопросами о судебной части и о желаемыхъ съ разныхъ сторонъ и также ожидаемыхъ преобразованіяхъ по этой части. Къ особенному возбужденію сосредоточившихся на этомъ предметѣ обще-

ственныхъ толковъ послужила совпавшая съ ними личная перемѣна во главѣ судебнаго вѣдомства. Нѣкоторыя весьма прискорбныя для мыслящихъ людей всякаго рода мнѣній и весьма ненормальныя явленія въ нашемъ судебномъ мірѣ вызвали цѣлыя бури и недостойныя обвиненія противъ его должностныхъ лицъ въ извѣстной части нашей печати; вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же печати и также въ нѣкоторыхъ сочувствующихъ ей общественныхъ кружкахъ появились предположенія о коренной ломкѣ всего нашего судебнаго строя, основаннаго на уставахъ Императора Александра II. Съ основными началами этихъ великихъ уставовъ, обновившихъ всю нашу государственную жизнь, уже успѣло сродниться все наше общество, образованное и необразованное, и они, можно сказать, стали драгоцѣнны для всего русскаго народа, когда онъ вспоминаетъ о неправосудіи дореформеннаго времени. Весьма естественно, что упомянутыя предположенія и нѣкоторые наивные проекты, вѣрнѣе мечты, о передѣлкѣ всего нынѣшняго нашего судебнаго строя, переходившіе изъ печати въ смутные общественные слухи, возбудили тревогу въ обществѣ. Казалось бы, что эта тревога должна была бы утихнуть именно послѣ поставленія во главѣ судебной администраціи государственнаго человѣка, не только глубоко просвѣщеннаго, но посвятившаго многолѣтнюю и лучшую часть своей дѣятельности энергическому приведенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ Александра II.

Ни одинъ благоразумный человѣкъ и патріотъ не можетъ отрицать грубыхъ злоупотребленій, которымъ подверглись эти уставы и даже ихъ основныя начала въ судебной практикѣ, и никто не можетъ отрицать глубокаго нравственнаго вреда, вносимаго въ общество этими злоупотребленіями. Такъ, напр., одно изъ основныхъ и лучшихъ началъ новаго суда, одно изъ самыхъ необходимыхъ для обезпеченія судебнаго безпристрастія и для просвѣщенія общества,—гласность суда превратилась у насъ, во многихъ и многихъ случаяхъ судебной практики, въ чистую театральность, которая унижаетъ достоинство суда и нравственно отравляетъ публику сильными уголовными впечатлѣніями. Таковы же пороки, привившіеся къ нашей адвокатурѣ, къ ея дѣйствіямъ на судѣ и при допросахъ свидѣтелей, недостатки въ организаціи института присяжныхъ и ихъ отношеніяхъ къ судебному приговору, неустройство слѣдственной части, въ которой всего менѣе повинны судебные уставы, и проч., и проч.

Но развѣ все это не сознается самыми пламенными и вмѣстѣ съ тѣмъ мыслящими приверженцами судебныхъ уставовъ? Отвергать все это могутъ только рутинные, неразумные или же недобросовѣстные поборники буквы этихъ уставовъ. Развѣ все это не можетъ и не должно быть исправлено отдѣльными и частными мѣрами, не только безъ всякаго нарушенія духа и основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, но для значительнаго ихъ развитія и упроченія въ нашей судебной практикѣ? Развѣ для всего этого нужна ломка государственныхъ учрежденій, существующихъ уже около четверти вѣка,—ломка, отъ которой такъ много пострадала съ давнихъ поръ, съ нашего великаго Преобразователя, и страдаетъ до сихъ поръ вся наша государственная и общественная жизнь?

Государственная ломка, перемежающаяся продолжительными періодами застоя, безпрерывное разрушеніе старыхъ государственныхъ зданій, какъ только съ ними свыклась народная жизнь, и безпрерывная перестройка ихъ заново, начиная съ фундамента, наше отвращеніе отъ органическихъ мѣръ, исправляющихъ учрежденія и помогающихъ ихъ органическому развитію, ихъ естественному росту, — все это главный порокъ нашей исторіи, по крайней мѣрѣ въ ея петербургскомъ періодѣ. Неужели здравая государственная мысль и энергическое приведеніе ея въ исполненіе не могутъ никогда излечить и насъ отъ такихъ закоренѣлыхъ пороковъ, на которые даромъ тратятся народныя силы?

XV

24 декабря.

Общее тревожное состояніе Европы къ новому году.—Разстройство европейскаго концерта.—Продолженіе смуты на Балканскомъ полуостровѣ. — Министерскій кризисъ во Франціи.—Неурядица между политическими партіями въ Англіи.—Двадцатипятилѣтій юбилей царствованія императора Фридриха-Вильгельма.—Вооруженный миръ — Промышленный застой.—Внутреннія дѣла Россіи.—Общее заключеніе къ новому году.

Европа и съ нею весь современный историческій міръ встрѣтили новый годъ посреди самаго тревожнаго настроенія. Первенствующій органъ всемірной печати (Times) предпосылаетъ, наканунѣ новаго года, своему обычному обозрѣнію событій истекшаго года меланхолическое размышленіе, о томъ, что 1885 г. будетъ принадлежать въ исторіи всего XIX вѣка къ самымъ мрачнымъ годамъ. Не только въ 1885 г. совершилось много печальныхъ событій всякаго рода, но,—что всего хуже,—въ теченіе него запутались и остались неразрѣшенными важнѣйшіе вопросы государственной и общественной жизни всего свѣта. Всѣ самые существенные органы этой жизни какъ-будто ослабли, распадаются и требуютъ обновленія. Въ наслѣдіе наступившему новому году осталось отъ предыдущаго тяжелое бремя сомнѣній по всѣмъ государственнымъ отношеніямъ Европы, внутреннимъ и въ особенности международнымъ. Поэтому все европейское общество встрѣчаетъ этотъ новый годъ съ глубокимъ уныніемъ; оно задумывается надъ темною неизвѣстностью, которая окружаетъ развязку самыхъ первостепенныхъ европейскихъ дѣлъ. Эта развязка ожидается въ 1886 г., и никто не знаетъ, какова она будетъ, и всѣхъ устрашаетъ этотъ годъ. Такими горестными мыслями и чувствами была переполнена вся европейская печать наканунѣ нынѣшняго новаго года.

Мы можемъ намѣтить здѣсь только самыя главныя черты этого общаго разстроеннаго состоянія европейскаго міра.

Всего болѣе тревожитъ, конечно, первая злоба дня—балканскія дѣла. Послѣ наставшаго было всеобщаго успокоенія, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обозрѣніи, эти дѣла опять совсѣмъ разстроились. Мы предупреждали читателей, что въ ходѣ ихъ еще произойдетъ много колебаній и что было бы легкомысленно увлекаться какъ свѣтлыми, такъ и черными ихъ фазами, безпрерывно смѣняющими другъ друга.

Теперь наступила весьма черная фаза. Кое-какъ настроившагося концерта Европы достало только на то, чтобы пріостановить кровопролитіе и принудить Сербію и Болгарію къ временному перемирію. И даже тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была, кажется, Блистательная Порта, а не европейскія державы. Теперь въ ея единственной волѣ, къ стыду христіанской и образованной Европы, устройство будущихъ судебъ всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Вслѣдъ за перемиріемъ, когда пришлось приступить къ разрѣшенію коренныхъ вопросовъ, которые привели къ войнѣ между Сербіей и Болгаріей, и, главнѣйше, вопроса о присоединеніи Восточной Румеліи къ Болгаріи, тогда европейскій концертъ совсѣмъ распался, и каждая европейская держава поспѣшила воздержаться отъ всякаго со-

вокупнаго европейскаго дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Послѣ гласнаго заявленія объ этомъ со стороны министровъ Великобританіи, послѣдовало торжественное объявленіе о своемъ выходѣ изъ европейскаго ареопага со стороны Франціи, въ циркулярѣ ея министра иностранныхъ дѣлъ ко всѣмъ французскимъ дипломатическимъ агентамъ. Этотъ циркуляръ г. Фрейсине, напечатанный теперь въ иностранныхъ газетахъ, весьма интересенъ. Это—первый дипломатическій документъ по балканскимъ дѣламъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ публикѣ и бросающій на нихъ свѣтъ. Изъ него мы узнаемъ, что, съ перваго дня константинопольской конференціи, на ней было полное коренное разногласіе державъ, которое только болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ развивалось. Такое же воздержаніе отъ всякаго соглашенія съ Европою мы позволяемъ себѣ видѣть и со стороны Россіи, судя по впечатлительной статьѣ, появившейся на дняхъ въ нашей офиціозной французской газетѣ. Нашъ дипломатическій органъ, который, до послѣдняго часа, съ необыкновеннымъ упрямствомъ говорилъ объ единодушіи Европы и о несомнѣнной благополучной развязкѣ константинопольской конференціи, сообщаетъ, въ упомянутой статьѣ, о совершенной несостоятельности этой конференціи, о разногласіи великихъ державъ и о рѣшительномъ намѣреніи нашего правительства не участвовать ни въ какихъ новыхъ дипломатическихъ совѣщаніяхъ по этому предмету, пока продолжается это разногласіе. Изъ этого сообщенія мы можемъ заключить, что Россія пріобрѣла полную свободу дѣйствій по восточному вопросу и не связана болѣе никакими союзами, противными ея собственнымъ интересамъ и ея историческому призванію на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ фактомъ, если только онъ достовѣренъ, могутъ утѣшиться русскіе люди, какъ-бы ни было плачевно состояніе дѣлъ на всемъ юго-востокѣ Европы, какъ-бы враждебно ни относились къ Россіи всѣ западно-европейскія державы и какими бы опасностями ни угрожало намъ будущее. Мы не разъ говорили, по поводу этихъ дѣлъ, что всякое фальшивое положеніе хуже самаго критическаго, а силою сцѣпленія разнородныхъ историческихъ обстоятельствъ, Россія, съ самаго начала новѣйшей балканской смуты, была поставлена въ самое фальшивое положеніе и относительно Европы, и относительно единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ Турціи.

При этомъ разногласіи европейскаго концерта, рѣзко обозначившемся къ самому концу года, всѣ извѣстія, идущія съ Балканскаго полуострова, нисколько не даютъ надежды на его умиротвореніе безъ участія въ немъ европейскихъ державъ. Даже установленное перемиріе между Сербіей и Болгаріей ежедневно нарушается произвольными стычками ихъ войскъ. Въ Сербіи сильное внутреннее броженіе, которое угрожаетъ переворотомъ и низверженіемъ съ престола короля Милана, которое можетъ привести къ оккупаціи этой страны австро-венгерскими войсками. Князь болгарскій, упоенный своими побѣдами и покровительствуемый Англіей, нисколько не расположенъ къ смиренію и уступкамъ въ пользу общеевропейскаго мира. Затѣмъ, всѣ прочія христіанскія націи Балканскаго полуострова, начиная съ Греціи, находятся въ волненіи и преисполнены жадности расширить свои территоріи, при первомъ удобномъ случаѣ. А такой случай представляется всего лучше при разстройствѣ всякаго согласія между первостепенными европейскими державами. Наконецъ, въ самой Оттоманской имперіи, которая является теперь единственною полновластною распорядительницею на Балканскомъ полуостровѣ, показались симптомы близости ея конца; «больной человѣкъ» больнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Турецкія войска, на которыя Европа какъ-будто возложила теперь свои послѣднія надежды въ потушеніи балканскаго пожара, находятся въ полномъ разстройствѣ; этимъ объясняютъ мудрость Блистательной Порты, которая до сихъ поръ не рѣшилась прибѣгнуть къ оружію, не смотря на всѣ благопріятныя къ тому условія. Весь восточный вопросъ, который въ теченіе цѣлаго столѣтія, по мнѣнію всѣхъ евро-

пейскихъ государственныхъ людей, считался самымъ страшнымъ для европейскаго мира, этотъ роковой вопросъ готовъ ежедневно открыться во всей своей ширинѣ и глубинѣ!

Съ неумолимою историческою необходимостью разрѣшить этотъ вопросъ въ его корнѣ и ликвидировать Оттоманскую имперію въ Европѣ европейскія державы могутъ встрѣтиться ежедневно, не только при своемъ полномъ разъединеніи, но и при глубокомъ разстройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Двѣ націи, игравшія, до недавняго времени, первенствующую роль въ европейской исторіи,—Франція и Англія,—поражены серьезнымъ государственнымъ недугомъ; посреди жестокихъ пароксизмовъ этого недуга, обѣ онѣ вступили въ 1886 годъ. О ходѣ внутреннихъ дѣлъ обоихъ этихъ государствъ, въ теченіе этого года, мы не мало говорили. Теперь насталъ для нихъ обоихъ острый кризисъ.

Франція была нѣсколько успокоена выборомъ г. Греви въ должность президента республики на второе семилѣтіе; этимъ фактомъ гордятся республиканскія газеты, хвастаясь устойчивостью республиканскихъ учрежденій, будто-бы доказанною въ этомъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе все французское общество очень встревожено послѣдовавшимъ тотчасъ послѣ президентскихъ выборовъ выходомъ въ отставку кабинета г. Бриссона, или лучше обстоятельствами, которыя ее вызвали, и придаетъ этому министерскому кризису совсѣмъ особый характеръ, несходный съ нормальными министерскими кризисами при парламентскомъ правленіи. Г. Бриссонъ счелъ своею обязанностью, — и не могъ поступить иначе,—выйдти въ отставку послѣ голосованія палаты депутатовъ по тонкинской экспедиціи: въ пользу своего умѣреннаго предложенія—назначить кредитъ на временную оккупацію Тонкина французскими войсками и на возможно скорѣйшее возвращеніе ихъ въ отечество,—онъ получилъ такое ничтожное парламентское большинство (3—4 голосовъ), и къ тому же случайное, что убѣдился въ недовѣріи къ нему значительнаго большинства народныхъ представителей. Бѣда для Франціи однако еще не въ этомъ: замѣнить однихъ министровъ другими не такъ трудно, при томъ или другомъ парламентскомъ большинствѣ; но республиканское большинство во французскомъ парламентѣ такъ разъединено, что оно неспособно къ образованію никакого прочнаго кабинета, располагающаго довѣріемъ большинства народныхъ представителей. Это большинство, и чрезвычайно значительное,—можно сказать вся нынѣшняя палата депутатовъ, — расположено всего болѣе только къ недовѣрію къ какому бы то ни было кабинету; хуже этого: раздоръ народныхъ представителей по капитальному вопросу о Тонкинѣ былъ такъ великъ, что очень значительное число депутатовъ требуетъ немедленнаго очищенія этой страны отъ французскихъ войскъ, а другое, такое же значительное число желаетъ присоединенія Тонкина къ французскимъ колоніальнымъ владѣніямъ. Между этими противоположными крайностями мнѣній французскихъ представителей, дѣйствуютъ французскія войска въ Тонкинѣ, и нельзя удивляться, что они терпятъ крайнія неудачи, и что одинъ главнокомандующій смѣняется другимъ. Съ той и другой стороны, во французскомъ народномъ представительствѣ, какъ и во всей странѣ, нѣтъ никакой опредѣленной государственной задачи по вопросу о колонизаціи, затронутому тонкинской экспедиціей. Въ средѣ французскаго народнаго представительства не возникло никакихъ сильныхъ личностей, способныхъ объединить его большинство, объединить общественное мнѣніе всей страны и направить его къ ясно сознаннымъ государственнымъ цѣлямъ. Враги республиканскаго правленія говорятъ, весьма основательно, что оно доказало свою несостоятельность, не бывъ способнымъ воспитать въ теченіе 15 лѣтъ своего существованія, настоящихъ государственныхъ людей республики. Но, съ другой стороны, французскіе монархисты сильны только въ упорномъ отрицаніи республиканскаго правленія и не могутъ выставить ни одной личности, способной объединить ихъ собственную партію и возродить монархію на мѣстѣ республики.

Еще болѣе унынія внушаетъ приверженцамъ европейскаго парламентаризма внутреннее политическое положеніе Великобританіи, которая считалась до сихъ поръ самымъ образцовымъ и устойчивымъ конституціоннымъ государствомъ въ свѣтѣ. Ирландскіе сепаратисты, непримиримые враги Великобританіи, держатъ въ осадѣ обѣ парламентскія партіи, которыми до сихъ поръ управлялась вся ея государственная жизнь. Сообщенное въ газетахъ смѣлое намѣреніе г. Гладстона примирить Ирландію съ Великобританіей, посредствомъ учрежденія особаго ирландскаго парламента, возбудило только общее негодованіе общественнаго мнѣнія Англіи и всѣхъ ея политическихъ партій, не исключая самой радикальной. Г. Гладстонъ не рѣшается до сихъ поръ обнародовать своей программы, ограничившись опроверженіемъ газетныхъ объ ней слуховъ; по всей вѣроятности, эти слухи были пущены имъ только для освѣдомленія объ общественномъ мнѣніи страны. Но результатъ ихъ былъ только тотъ, что самый замѣчательный государственный человѣкъ Англіи, единственный довольно сильный, чтобы снова соединить всѣ распадающіяся группы либеральной партіи, вышедшей торжествующею на послѣднихъ выборахъ, и образовать прочное правительство,—что этотъ человѣкъ дискредитировалъ себя въ общественномъ мнѣніи Англіи. Съ этимъ глубоко печальнымъ настроеніемъ встрѣтила она новый годъ и проводитъ рождественскіе праздники, самые веселые дни, по многовѣковому преданію великобританской націи. Она не знаетъ, что съ нею будетъ въ 1886 г. и съ какой стороны явятся люди, которые станутъ во главѣ ея правительства. Послѣдовавшее надняхъ окончательное присоединеніе Бирманскаго государства къ Индійской имперіи нисколько не утѣшаетъ англичанъ, посреди крайней неурядицы ихъ парламентской жизни, и нисколько не усиливаетъ довѣрія страны къ ея нынѣшнему консервативному кабинету, который, для увеличенія своего блеска, совершилъ этотъ нетрудный завоевательный подвигъ въ Азіи. Въ этомъ можно убѣдиться, читая вышеприведенное меланхолическое размышленіе руководящаго органа англійской печати, наканунѣ новаго года.

Радостныя чувства, съ которыми встрѣтила новый годъ германская нація, посреди юбилейныхъ празднествъ въ честь императора Вильгельма, составляютъ самое крупное исключеніе изъ общаго мрачнаго настроенія, господствующаго въ Европѣ. Отпразднованный, съ необыкновенною торжественностію, представителями всѣхъ европейскихъ государей и всѣмъ германскимъ народомъ, двадцатипятилѣтній юбилей доблестнаго царствованія прусскаго короля и германскаго императора можно признать апогеемъ нынѣшняго государственнаго могущества Германіи и той новѣйшей эры во всемірной исторіи, которую германская печать съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ называетъ «нѣмецкою». Съ лирическимъ восторгомъ описываютъ теперь нѣмецкія газеты историческое величіе этой эры и благодѣянія, оказанныя ею человѣчеству. Однако и къ этимъ юбилейнымъ гимнамъ примѣшивается немало горечи, которая проникла въ самыя восторженныя статьи. Именно такіе моменты всего болѣе заставляютъ нѣмцевъ задумываться надъ мыслію, что все внутреннее и внѣшнее могущество Германской имперіи держится рукою престарѣлаго монарха и желѣзною волею его перваго совѣтника и что близко время, когда тотъ и другой сойдутъ со сцены, и все можетъ круто измѣниться и въ самой Германіи, и въ ея отношеніяхъ къ другимъ націямъ. Между тѣмъ даже теперь, какъ-бы ни сдерживались желѣзнымъ канцлеромъ элементы глубокаго гражданскаго раздора,—партикуляристскіе, религіозные, политическіе и соціальные, — они безпрерывно выходятъ наружу. Только-что прекратились въ германскомъ парламентѣ бурныя пренія по поводу изгнанія десятковъ тысячъ иностранцевъ изъ Пруссіи, какъ они должны возобновиться надняхъ съ гораздо еще большею страстностью на прусскомъ сеймѣ. Берлинское правительство пользуется то однимъ, то другимъ большинствомъ въ средѣ германскихъ и прусскихъ представителей, единственно благодаря неимовѣрнымъ личнымъ уси-

ліямъ кн. Бисмарка, его исключительной государственной ловкости и также неразборчивости въ средствахъ, и, главнѣйше, благодаря уваженію къ его великимъ заслугамъ по иностранной политикѣ. Не смотря на все это, симптомы нездоровой и ненормальной политической и общественной жизни безпрестанно заявляютъ себя. Чтобы не говорить обо многомъ другомъ, такимъ крупнымъ симптомомъ была упомянутая мѣра относительно иностранцевъ, неслыханная по своей суровости, несогласная съ законнымъ порядкомъ и противная всѣмъ существеннымъ условіямъ современной европейской цивилизаціи.

Эта мѣра возбудила самыя враждебныя къ прусскому правительству чувства въ сосѣднихъ государствахъ. Если они не привели Германію къ международнымъ затрудненіямъ, то только вслѣдствіе исключительнаго положенія, занимаемаго нынѣ ея государемъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы. Даже самые горделивые, въ сознаніи величія «нѣмецкой эры», органы германской печати съ грустью говорятъ, что вообще эта эра не поселила однако между другими народами любви къ нѣмцамъ, а напротивъ усилила повсемѣстно непріязненныя къ нимъ чувства. Эти органы жалуются приэтомъ на неблагодарность другихъ націй, неумѣющихъ цѣнить благодѣяній мира, которыми онѣ обязаны исключительно Германіи. Между прочимъ, по ихъ словамъ, если Европа встрѣчаетъ новый годъ не посреди войны, то она должна быть благодарна за это Германіи. На это можно сдѣлать много возраженій, а прежде всего то, что «нѣмецкая эра», какія-бы ни были ея другія всемірно-историческія заслуги, несомнѣнно сопровождается крайнимъ развитіемъ, такъ называемаго, вооруженнаго мира. А этотъ миръ держитъ въ чрезвычайномъ постоянномъ напряженіи и въ чувствахъ всеобщаго взаимнаго недовѣрія, если не вражды, всѣ европейскія націи. Отсюда—угрожающая ежедневно опасность столкновеній между государствами. Затѣмъ, можетъ быть, и нельзя оспаривать, что когда эта опасность возникаетъ, тогда Германія старается о примиреніи враждующихъ и оказываетъ этимъ особаго рода услуги дѣлу европейскаго мира, а также себѣ.

Но всѣ указанныя черныя точки въ политическомъ торжествѣ Германской имперіи относятся къ будущему. Въ настоящее же время, всего болѣе примѣшивается горечи къ ея государственному могуществу вслѣдствіе промышленнаго кризиса или застоя, который, не смотря на это могущество, удручаетъ Германію столько же, какъ и всю Европу. Этотъ кризисъ, выражающійся вообще въ паденіи и уменьшеніи сбытовъ почти на всѣ фабричныя и въ особенности земледѣльческія произведенія, составляетъ самое печальное явленіе, посреди котораго европейскіе народы вступили въ новый годъ, и самый дурной предвѣстникъ для ближайшаго будущаго. Это явленіе еще болѣе ощутительно для всѣхъ европейскихъ народовъ, чѣмъ всякія политическія затрудненія, такъ какъ его дѣйствіе гораздо глубже и шире, распространяясь на гораздо болѣе обширной, чѣмъ политическая почва, на почвѣ соціальной и проникая глубоко во всѣ сферы народной жизни. Оно возбуждаетъ крайнее уныніе между капиталистами и раздраженіе въ массахъ рабочихъ, движенія которыхъ такъ страшны для гражданскаго мира и порядка во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Мѣры, принимаемыя континентальными европейскими правительствами противъ промышленныхъ затрудненій,—мѣры особенно энергическія со стороны германскаго правительства, — таможенно - протекціонистскія и государственно - соціалистическія (государственныя пособія въ пользу рабочихъ, опека надъ ихъ отношеніями къ хозяевамъ и вообще регламентація труда) до сихъ поръ не привели ни къ какимъ замѣтнымъ результатамъ. Во всякомъ случаѣ, если система таможеннаго протекціонизма, свирѣпствующая нынѣ во всей Европѣ, кромѣ Англіи, не можетъ быть безусловно признана причиною нынѣшнихъ повсемѣстныхъ промышленныхъ замѣшательствъ, также какъ нельзя согласиться съ крайними фритредерами, чтобы свобода торговли могла быть панацеей противъ всякихъ экономическихъ бѣдъ, то всетаки производящійся въ послѣдніе годы въ

Европѣ опытъ упомянутой таможенной системы долженъ убѣдить всякаго непредубѣжденнаго человѣка, что эта система несостоятельна для подъема промышленности, при нынѣшнихъ ея условіяхъ въ Европѣ.

О причинахъ нынѣшняго, почти всемірнаго, экономическаго кризиса много спорятъ; по всей вѣроятности, эти причины многочисленны и сложны. Едва-ли даже этотъ кризисъ не выражаетъ собою историческаго перерожденія всемірной промышленности въ новыя формы и, какъ переходный періодъ всѣхъ историческихъ роцессовъ, сопряженъ съ болѣзненными явленіями въ жизни народовъ. Но, кажется, несомнѣнно, что эти болѣзненныя явленія главнѣйше обусловлены господствующимъ нынѣ политическимъ напряженіемъ Европы, и именно вооруженнымъ миромъ. На него тратятся лучшія производительныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, а съ другой стороны—безпрерывная опасность военныхъ столкновеній держитъ въ оцѣпенѣніи промышленную предпріимчивость. Хотя соціальная сфера народной жизни, и въ томъ числѣ экономическая, отлична отъ государственной, но та и другая находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Нынѣшнія политическія затрудненія лежатъ тежелымъ бременемъ на народномъ и государственномъ хозяйствѣ всѣхъ европейскихъ націй. Страсти, вызываемыя фанатическимъ націонализмомъ, территоріальныя стяжанія, внушаемыя политическимъ честолюбіемъ и тщеславіемъ, стремленіе къ поддержанію государственнаго престижа,—всѣ эти наклонности, еще сохранившіяся отъ старыхъ временъ въ правящихъ сферахъ Европы и даже усилившіяся въ недавнее время съ «нѣмецкою эрою», чрезвычайно вредны для хозяйственнаго благосостоянія народовъ и противны потребностямъ современной общественной жизни. Эти наклонности создаютъ политику, которая задерживаетъ экономическій и умственный ростъ европейскихъ націй, находясь съ нимъ въ противорѣчіи; она придаетъ ему болѣзненный характеръ.

Наше отечество также встрѣчаетъ новый годъ не въ веселомъ расположеніи духа. Въ большей или меньшей степени на немъ отражаются общія обстоятельства нашей части свѣта, сверхъ многихъ домашнихъ нашихъ недуговъ и скорбей.

Болѣе всего тяготѣетъ надъ всѣмъ нашимъ обществомъ, отзываясь въ самыхъ низшихъ его слояхъ, промышленный застой; это, кажется, наиболѣе чувствительное и наиболѣе вызывающее жалобы явленіе, съ которымъ мы вступаемъ въ 1886 годъ. Самыя мучительныя страданія испытываетъ наше народное хозяйство въ кругу главнаго нашего производства, земледѣлія, которое особенно потрясено сокращеніемъ сбытовъ и упадкомъ цѣнъ своихъ произведеній. У насъ экономическій кризисъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, въ сравненіи съ западной Европой, хотя онъ и сопровождался менѣе жестокими послѣдствіями, что въ нашемъ промышленномъ мірѣ неизмѣримо менѣе энергическихъ силъ для борьбы со зломъ. Кромѣ того, экономическія понятія такъ незрѣлы въ нашемъ обществѣ, даже самомъ образованномъ, что въ немъ весьма слабо сознаніе истинныхъ причинъ нашихъ экономическихъ недуговъ; поэтому господствуетъ крайняя разноголосица относительно мѣръ исцѣленія и съ разныхъ сторонъ предлагаются самыя чудовищныя мѣропріятія. До какой чудовищности могутъ доходить у насъ иныя мысли объ этихъ мѣропріятіяхъ, можетъ служить примѣромъ статья, напечатанная недавно въ одномъ серьезномъ періодическомъ изданіи. Авторъ ея доказываетъ, что только война можетъ спасти насъ отъ экономическихъ затрудненій, потому что только она можетъ заставить правительство выпустить сотни милліоновъ кредитныхъ билетовъ, а по убѣжденію этого рода финансовыхъ мыслителе какихъй, у насъ расплодилось теперь много, только недостатокъ въ публичномъ обращеніи бумажекъ съ принудительнымъ курсомъ (т. е. неразмѣнныхъ и обязательныхъ въ пріемѣ) причиняетъ всѣ наши экономическія бѣдствія!

Вообще нашъ промышленный міръ, за исключеніемъ весьма немногихъ просвѣщенныхъ его представителей, не видитъ никакихъ другихъ причинъ недуговъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ,—хотя ихъ весьма много и многія изъ нихъ зависятъ отъ

воли самихъ производителей,—кромѣ недостатка правительственныхъ мѣръ искусственной помощи владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій. Большею частью всѣ эти мѣры сводятся къ усиленію таможеннаго покровительства и доведенію его до абсолютнаго запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ. Весьма яркимъ выразителемъ этого направленія мнѣній былъ недавній съѣздъ желѣзныхъ промышленниковъ, на которомъ оно преобладало. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ администрація по горной и желѣзо-промышленной части приметъ въ уваженіе самыя громкія и самыя многочисленныя желанія, заявившія себя на этомъ съѣздѣ въ указанномъ духѣ, и какимъ образомъ можно сообразовать съ ними какія-либо здравыя правительственныя распоряженія?

Кромѣ значительной пріостановки въ развитіи нашей промышленности, у насъ также, какъ и въ другихъ государствахъ, многое разстроилось и расклеилось въ послѣднее время. У насъ также, какъ и въ З. Европѣ, 1885 г. передаетъ въ наслѣдство 1886 г. много неразрѣшенныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ многое въ благоустройствѣ нашей общественной жизни и которыхъ развязка ожидается съ нетерпѣніемъ. Въ числѣ такихъ вопросовъ, укажемъ на самые капитальные и безотлагательные: преобразованія по судебной части, переустройство мѣстнаго управленія, организація питейной торговли на основаніи новыхъ правилъ, операціи государственнаго дворянскаго поземельнаго банка, приведеніе въ дѣйствительное исполненіе новаго университетскаго устава. Все это затрогиваетъ самые жизненные вопросы нашего общества, и всему этому предстоитъ такъ или иначе рѣшиться въ 1886 г. Мы не говоримъ обо многомъ другомъ. Поэтому и наше мыслящее общество съ недоумѣніемъ и безъ всякой веселости встрѣчаетъ новый годъ, не зная, что можно отъ него ожидать и на что надѣяться, хотя крайне пессимистическое настроеніе, господствующее между нашими образованными людьми или въ такъ называемой «интеллигенціи», очень преувеличено сравнительно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Но и это настроеніе, сопровождаемое къ тому же общественною апатіей и вялостью, если даже оно ошибочно, есть все-таки, само по себѣ, немаловажный печальный факторъ въ ходѣ общественной жизни ближайшаго будущаго.

Сдѣлавъ бѣглый очеркъ того политическаго и общественнаго положенія, въ которомъ весь европейскій образованный міръ встрѣчаетъ 1886 г., и не скрывая черныхъ тѣней, застилающихъ это положеніе, мы должны успокоиться на одномъ весьма простомъ размышленіи. Исторія, при всемъ своемъ общемъ прогрессивномъ движеніи, имѣетъ всегда неизбѣжные моменты и даже продолжительныя эпохи замедленія, застоя, возвратныхъ шаговъ. Такія эпохи имѣютъ свой неразгаданный смыслъ въ общемъ историческомъ планѣ Провидѣнія, руководящаго судьбами человѣчества. Какъ-бы ни былъ недоступенъ для человѣческаго пониманія этотъ общій божественный смыслъ всемірной исторіи, мы однако знаемъ изъ прошедшаго, что въ такія съ виду печальныя историческія эпохи бывало сильное созрѣваніе человѣческой мысли, которое потомъ помогало быстрымъ шагамъ историческаго прогресса въ послѣдующіе періоды. Затѣмъ, вѣря въ то, неопредѣлимое никакою наукою, божественное дѣйствіе Провидѣнія на исторію человѣчества, безъ котораго она была бы безсмысленнымъ и случайнымъ сцѣпленіемъ фактовъ, и зная, какъ часто самыя здравомысленныя историческія предвидѣнія и чаянія людей были обманчивы, мы можемъ воодушевиться надеждою, что могутъ быть совсѣмъ превратны мрачныя мысли, съ которыми европейское общество встрѣчаетъ 1886 годъ.

Да благословитъ Богъ наступающій годъ!

2007097273